

В.Г. РЕВУНЕНКОВ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

ПАДЕНИЕ МОНАРХИИ
1789 · 1792

9(44)

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В монографии с использованием новейших научных данных рассказывается о предпосылках и начальных этапах Великой французской революции конца XVIII в. Описание исторических событий (взятие Бастилии 14 июля 1789 г. и начало революции, крестьянская жакерия, создание и деятельность Учредительного и Законодательного собраний, образование и эволюция политических группировок буржуазии, возникновение войны между Францией и коалицией европейских монархий и т. д.) сочетается с разносторонним анализом движущих сил революции, хода и направления развития борьбы участвующих в ней классов и социальных слоев.

Для преподавателей истории в вузах и в средних учебных заведениях, студентов-историков, всех интересующихся историей Европы нового времени.

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. Г. Р. Левин (Лен. пед. ин-т им. Герцена), д-р ист. наук, проф. К. Б. Виноградов (ЛГУ), д-р ист. наук Б. Н. Комиссаров (ЛГУ)

Р 0506000000—060
076 02—82 32—82.

Издательство
Ленинградского
университета,
1982 г.

ИБ № 1369

Ревуненков Владимир Георгиевич

Очерки по истории Великой французской революции

Падение монархии

1789—1792

Редактор В. В. Макарова

Техн. редактор Е. Г. Учаева.

Корректоры М. В. Унковская, С. С. Кокина

Сдано в набор 09.10.81. Подписано в печать 23.02.82. М-29750. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Уч.-изд. л. 16,39. Печ. л. 15. Усл. кр.-отт. 15,25.

Тираж 13858 экз. Заказ 4338. Цена 1 р. 10 к.

Издательство ЛГУ имени А. А. Жданова. 199164,
Ленинград, Университетская наб. 7/9

Карельская ордена «Знак Почета» типография им. Анохина Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Карельской АССР.
185630. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

ВВЕДЕНИЕ

Революция конца XVIII в. во Франции принадлежит к числу наиболее крупных событий не только в истории этой страны, но и во всемирной истории. С давних пор ее справедливо называют Великой французской революцией. Эта революция была буржуазной, т. е. направленной против феодального строя, против господства дворянства, на устранение препятствий для развития капитализма, на установление классового господства буржуазии. Но от всех более ранних буржуазных революций она отличалась рядом весьма существенных особенностей.

Французская революция конца XVIII в. была первой в новой истории Европы буржуазной революцией, которая завершилась не частичной ломкой старого, не компромиссом между буржуазией и дворянством, как это было, например, в английской революции XVII в., а полной, бескомпромиссной победой буржуазии над дворянством, полным разрушением старого феодального общества и сложившегося на его основе абсолютистского государства. «Франция,— писал Ф. Энгельс,— разгромила во время великой революции феодализм и основала чис-

тое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна»¹.

Французская революция конца XVIII в. имела неизмеримо большее международное значение, чем предшествовавшие ей буржуазные революции. Она смела отжившие средневековые порядки не только в самой Франции, но и в известной мере (в ходе революционных войн, а также войн Наполеона) и в соседних с нею странах, положив тем самым начало переходу от феодализма к капитализму почти во всей Западной Европе. «Возьмите великую французскую революцию,— говорил В. И. Ленин.— Она недаром называется великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии»².

Третья существенная особенность французской революции конца XVIII в.— ее глубоко народный характер. Будучи по своему социально-экономическому содержанию буржуазной революцией, она по своим движущим силам, по методам борьбы являлась подлинно народной революцией. Нет никаких оснований преуменьшать роль буржуазии в этой революции. Буржуазия была тогда революционной силой и выступала против феодализма и абсолютизма в союзе с народом. К. Маркс указывал, что буржуазия была в этой революции «тем классом, который *действительно* стоял во главе движения»³. Но уже в ту эпоху буржуазия, будучи классом эксплуататорским, проявила и известную непоследовательность, а некоторые ее слои и прямую контрреволюционность, когда процесс ломки старого приобрел такую глубину и силу, которые грозили поколебать и ее собственные классовые привилегии. Главной движущей силой французской революции конца XVIII в. были народные массы, т. е. крестьянство и городской плебс, в состав которого входил и формирующийся пролетариат. «Буржуазия — класс, в лучшем случае лишенный героизма,— писал Ф. Энгельс.— Даже наиболее блестящие ее достижения, в Англии XVII века и во Франции XVIII века, не были ею самой завоеваны для себя, а их завоевали для нее плебейские народные массы, рабочие и крестьяне»⁴.

Особенно велика была роль в революции парижского плебса, который являлся ее подлинным боевым авангардом, ее ударной силой. Энгельс подчеркивал, что «буржуа на этот раз,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 259.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 367.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 114.

⁴ Там же, т. 18, с. 288.

как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы; что, начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу; что без его вмешательства 14 июля, с 5—6 октября до 10 августа, 2 сентября и т. д. ancien régime неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию и что, таким образом, только эти плебеи совершили революцию¹.

Во французской революции народные «низы» не шли пассивно за буржуазией, а выступали самостоятельно, иногда даже против тех элементов буржуазии, которые пытались затормозить революционный процесс. Эти «низы» громили феодализм и абсолютизм своими собственными, крестьянско-плебейскими методами, наложив на ход революции «отпечаток *своих* требований, *своих* попыток по-своему построить новое общество, на место разрушающего старого»².

Великая французская революция является ярким, классическим образцом буржуазно-демократической революции, т. е. такой буржуазной революции, в которой народ играет особо выдающуюся роль. В своем развитии она прошла две фазы: восходящую, вершиной которой была якобинская диктатура, и нисходящую, начало которой было положено переворотом 9 термидора. Характеризуя восходящую фазу революции Маркс писал: «В первой французской революции за господством конституционалистов следует господство жирондистов, за господством жирондистов следует господство якобинцев... Как только данная партия продвинула революцию настолько далеко, что уже не в состоянии ни следовать за ней, ни тем более возглавлять ее,— эту партию отстраняет и отправляет на гильотину стоящий за ней более смелый союзник»³.

Главной особенностью восходящей линии революции являлось то, что на каждом ее следующем этапе к власти приходили все более радикальные группировки буржуазии, все более возрастало влияние народных масс на ход событий, все более последовательно решались задачи буржуазно-демократического преобразования страны. Напротив, смысл переворота 9 термидора заключался именно в том, что демократические элементы буржуазии были отстранены от власти, с влиянием народных масс на законодательство и управление было покончено, а развитие революции направлено по пути, выгодному исключительно буржуазной верхушке общества. «...27 июля Робеспьер пал, и началась буржуазная оргия»,— писал Энгельс⁴.

Тремя ступенями поступательного развития революции были период Учредительного собрания, период Законодатель-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 126.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 39.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 141.

⁴ Там же, т. 37, с. 127.

ного собрания и период Конвента, до переворота 9 термидора, положившего начало нисходящей линии революции. Сопоставляя английскую революцию XVII в. и французскую революцию, Энгельс писал: «Английская революция семнадцатого века представляет собой в точности прообраз французской революции 1789 года. В „Долгом парламенте“ легко различить три ступени, которым во Франции соответствовали Учредительное собрание, Законодательное собрание и Национальный конвент; переход от конституционной монархии к демократии, военному деспотизму, реставрации и революции *juste-milieu* резко выражен в английской революции. Кромвель совмещает в одном лице Робеспьера и Наполеона...»¹.

Период Учредительного собрания (1789—1791) — это время, когда был сломлен абсолютизм и создан режим конституционной буржуазной монархии. Главным событием этого периода было взятие Бастилии 14 июля 1789 г., в результате которого установилось господство крупной либерально-монархической буржуазии (конституционалистов). Период Законодательного собрания (1791—1792) — это время, когда развернулась борьба за республику, в ходе которой на роль ведущей политической группировки буржуазии выдвинулись жирондисты. Главным событием этого периода было восстание 10 августа 1792 г., которое фактически низвергло монархию и привело к власти жирондистов. Период Конвента (1792—1795) — это время создания демократической республики и ее крушения. Главным событием этого периода было восстание 31 мая — 2 июня 1793 г., которое низвергло господство Жиронды, хотелшей республики только для богатых, и передало власть в руки «наиболее последовательных буржуазных демократов — якобинцев»².

Движение революции по нисходящей линии, начавшееся 9 термидора, завершилось переворотом 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), в результате которого установился личный, авторитарный режим Наполеона, переросший в дальнейшем в новую разновидность монархии буржуазного типа.

В настоящих очерках рассказывается о предпосылках французской революции и ее начальных этапах: от созыва Генеральных штатов до провозглашения республики и казни короля.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 602.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 203.

ГЛАВА I

ФРАНЦИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

...Увидел ты Версаль.
Пророческих очей не простирая вдаль,
Там ликовало всё. Армida молодая,
К веселью, роскоши знак первый подавая,
Не ведая, чему судьбой обречена,
Резвилась, ветреным двором окружена.
Ты помнишь Трианон и шумные забавы?

(А. С. Пушкин)

Крестьяне и дворяне

Франция XVIII в. была страной аграрной. Ее население достигло в 1789 г. 25 млн человек, из них не менее 21 млн — крестьяне. Правда, по уровню развития торговли и промышленности Франция опережала остальные европейские страны, уступая лишь Англии. Во Франции было много крупных городов. Париж насчитывал к кануну революции 600 тыс. жителей, Лион — 135 тыс., Марсель — 90 тыс. Однако основой французской экономики оставалось сельское хозяйство, продукция которого значительно превосходила по своей ценности промышленную продукцию. Так, в 1789 г. главный интендант торговли Толозан оценивал годовой доход от сельского хозяйства в 1826 млн ливров, от обрабатывающей промышленности — в 525 млн ливров. Деревня еще решительно преобладала над городом.

Аграрный строй Франции отличался рядом особенностей. Во Франции не было, как, например, в странах Восточной Европы, крупного помещичьего хозяйства, основанного на барщинном труде крепостных крестьян. Ни дворяне, ни церковь, владевшие

в совокупности около $\frac{1}{3}$ всей французской земли, собственного хозяйства, как правило, не вели. Крупное хозяйство фермеров-капиталистов с применением наемного труда, возобладавшее в такой стране, как Англия, во Франции только еще зарождалось. Главная роль во французском сельскохозяйственном производстве принадлежала в ту эпоху мелкому и мельчайшему хозяйству феодально зависимых крестьян, задавленных поборами и влачивших полунищенское существование.

Французские крестьяне уже давно являлись лично свободными. Правда, почти до самой революции в восточных и отчасти северных областях страны сохранилось около 1 млн сервов (крепостных) и так называемых мэнортаблей, над которыми тяготело право «мертвой руки»: эти люди не имели права передавать свою землю по наследству, и их детям приходилось уплачивать особую подать сеньеру за ввод во владение. Но, будучи в своем подавляющем большинстве лично свободными, крестьяне зависели от сеньера по земле.

В отличие от английского крестьянства, которое к концу XVIII в. было уже почти полностью экспроприировано, французские крестьяне удержали в своих руках значительную часть земли: в разных провинциях в различных размерах, от 20 до 70%, а в среднем по стране не менее 35% всей земельной площади. Но крестьяне владели этой землей лишь на феодальном праве в соответствии со старинной формулой: «Нет земли без сеньера» (*Nulle terre sans seigneur*). Они являлись не собственниками, а лишь наследственными держателями (цензитариями) своих земельных участков, с которых в пользу сеньера взималась масса повинностей. Крестьянская собственность, свободная от каких-либо платежей в пользу сеньера (аллод), сохранилась в виде пережитка лишь в некоторых областях Южной Франции, где признавался принцип: «Нет сеньера без титула» (*Nul seigneur sans titre*). В пользу сеньера взимались либо денежная рента (ценз, или чинш), либо подать в натуре (шампар), а также казуальные платежи (*lods et ventes*). Крестьяне могли по своему усмотрению продать, заложить, сдать в аренду свою землю. Но при продаже нужно было уплатить сеньеру особую подать, доходившую до $\frac{1}{5}$ стоимости цензивы (это и есть казуальные платежи), причем и при переходе в другие руки цензива оставалась цензивой. Ценз, или чинш, распространенный преимущественно на севере, был сравнительно легкой повинностью: не более двух су с арпана (0,4 га). Шампар, преобладавший на юге, никогда не опускался ниже $\frac{1}{20}$ доли урожая, достигая во многих провинциях $\frac{1}{5}$ или даже $\frac{1}{4}$ урожая. Шампар брался не только с зерновых, но и с урожая фруктовых деревьев, винограда, с приплода порослят, домашней птицы и т. п. Это была одна из самых тяжелых крестьянских повинностей, а сеньеры где только могли стремились заменить чинш

шампаром. В крестьянских наказах 1789 г. особенно большие жалобы были именно на шампар.

Но чиншем или шампаром крестьянские повинности в пользу сеньера отнюдь не исчерпывались. Сеньер взимал с крестьян дорожные, мостовые и ярмарочные пошлины, а кое-где даже подымную подать (за право иметь дома печь). Особенно тяжело ложились на крестьян сеньериальные баналитеты: только сеньер мог владеть мельницей, хлебопекарней, давильней для винограда, племенным быком или боровом, а крестьяне обязаны были пользоваться всем этим за плату. Обычно сеньер сдавал все эти свои права на откуп какому-нибудь местному богатею или разрешал крестьянам печь хлеб дома и пр., взимая за это особую плату. Сеньеру принадлежало также исключительное право охоты, рыбной ловли и содержания голубятен, которое было очень обременительно для крестьян (охотники топтали крестьянские поля, куропатки и кролики поедали их посевы и пр.). Среди крестьянских повинностей была также баршина, сохранившаяся во многих местах до самой революции, правда, скорее как пережиток, и редко превышавшая 4—5 дней в году (подвезти дрова, скосить луг).

Очень разорительным для крестьян было принадлежавшее сеньеру право триажа, т. е. право огораживать и превращать в свою собственность треть всех общинных угодий (леса, луга, пустоши). Фактически сеньер захватывал этих угодий гораздо больше, крестьянам подчас негде было пасти свой скот. В XVIII в. сеньеры, а также крупные фермеры все чаще огораживали свои поля, практически отменяя тем самым старинные общинные сервитуты, которыми так дорожила сельская беднота: право сбора колосьев на полях после жатвы, право выпаса скота по живью.

Сеньер сохранял также значительную долю своей судебной власти над крестьянами, мрачным символом которой была традиционная виселица, возвышавшаяся у ворот каждого замка. Правда, уголовные дела рассматривались уже в королевских судах, но решения по феодальным тяжбам принимал сеньериальный судья, назначаемый владельцем замка. Сеньер был окружен почетом. В церкви он сидел на особой скамье, под балдахином с его гербами. При встречах селяне были обязаны низко ему кланяться. Новобрачные, при выходе из церкви, обязаны были целовать ему руку (пережиток исчезнувшего «права первой ночи»). А кое-где крестьяне даже в конце XVIII в. обязаны были бить ночью палками по пруду, чтобы пугать лягушек, мешавших своим кваканьем сну сеньера.

Впрочем, в XVIII в. лишь мелкие, захудалые дворяне продолжали жить в деревне. Дворяне познатнее и побогаче давно уже перебрались в Париж или другие города. Вельможи самого высокого ранга обитали в Версале, вращаясь там, подобно малым планетам, вокруг «короля-солнца», от которого они полу-

чили и свою силу, и свой блеск. Городская и особенно придворная жизнь стоила дорого. Поэтому свои поместья крупные сеньеры обычно сдавали в аренду богатым капиталистам, из среды которых особо выделялись так называемые «генеральные фермеры». Эти последние не только брали в аренду дворянский домен или церковные имения. Они брали также на откуп сбор сенъеральных платежей и церковной десятины, причем взыскивали их с крестьян с такой строгостью, какая была несвойственна знатным сеньерам. «Генеральные фермеры» вели также крупную торговлю хлебом, вином, скотом, занимались они и ростовщиками операциями. «Генеральные фермеры» составляли иногда целые компании, которые ворочали миллионами. В XVIII в. наблюдался и еще один процесс: усиленная скупка дворянских земель, а также земель разорявшихся крестьян-цензитариев буржуазией, богатыми горожанами. Эта скупка (несмотря на то, что покупателям дворянских имений приходилось платить крупный налог в казну) шла так интенсивно, что к кануну революции до 30% всей французской земли оказалось в руках буржуазии. Но лишь немногие крупные землевладельцы из среды буржуазии, как и лишь немногие дворяне, пытались наладить собственное хозяйство на основе наемного труда батраков и с применением передовых агрономических методов. Такие крупные хозяйства появлялись лишь в областях, прилегающих к большим городам, где существовал повышенный спрос на хлеб и продукты животноводства. Но вплоть до революции количество таких хозяйств было не велико. Подавляющее большинство крупных земельных собственников как дворяне, так и буржуа, включая и «генеральных фермеров», бравших в аренду дворянские домены, сами не организовывали сельскохозяйственного производства, а сдавали свои (или арендованные) земли в аренду (или в субаренду). Кому же? Тем же самим крестьянам.

Далеко не все крестьяне имели цензивы. Количество безземельных крестьян было очень велико, почти нигде не опускаясь ниже 15—20% и достигая во многих местах 70—75% от общей массы крестьянства. Не менее велико было и количество малоземельных крестьян, владевших столь маленькой цензивой, что прокормиться с нее крестьянской семье было совершенно невозможно. Вся эта беднота была вынуждена арендовать землю у дворян, церкви и собственников-буржуа на самых кабальных условиях. Аренда встречалась двух типов: либо за фиксированную денежную плату, либо из доли урожая (испольщина). Арендный договор заключался на различные сроки, на 3 года, на 9 лет (т. е. на один или три срока трехпольного севооборота), иногда на всю жизнь арендатора. Наиболее распространенной формой аренды во Франции XVIII в. было половничество (*métayage*). Половники — самые обездоленные среди тогдашнего французского крестьянства. У большинства из них, кроме

хижины, огорода и примитивного инвентаря, ничего не было. Земельный собственник предоставлял им участок земли, рабочий и продуктивный скот, основной инвентарь, семена для посева, а иногда и продовольственную ссуду. Взамен этого половники уступали землевладельцу от одной трети до половины урожая (а также приплода скота и пр.). Весьма часто половник оказывался в долговой кабале у землевладельца.

Среди многочисленных крестьянских повинностей была также и десятина в пользу церкви. Эта десятина составляла обычно $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{15}$ или даже $\frac{1}{20}$ урожая, и бралась она не только с хлеба и винограда, но и с приплода скота, домашней птицы и т. п. Половники платили половину десятины. Однако поборы с крестьян в пользу церкви одной десятиной не ограничивались. Священники брали еще особую плату с прихожан за совершаемые ими требы (крестины, венчания и пр.), на ремонт храма, а также на добавку к своему жалованью.

По оценке А. Матьеза, феодальные платежи с крестьян приносили дворянам годовой доход в размере 100 млн ливров, а их доход с земель собственного домена, сдаваемых обычно в испольную аренду, составлял не менее 120 млн ливров в год. Церкви десятина приносила ежегодно до 120 млн ливров дохода, а арендная плата с церковных земель — около 100 млн ливров.

Но плоды крестьянского труда доставались не только дворянам и церкви. Не меньшую их долю изымало и дворянское государство в виде прямых и косвенных налогов. Налоги на протяжении всего XVIII в. неуклонно росли, и распределялись они между различными группами населения крайне неравномерно.

Население Франции делилось тогда на три сословия. Первое сословие — духовенство, второе сословие — дворянство, все остальные группы населения — третье сословие. Первые два сословия обладали целым рядом привилегий, третье сословие являлось совершенно бесправным. Одной из самых важных привилегий духовенства и дворянства было освобождение от главных налогов. Обладая около $\frac{1}{3}$ всей земли и огромными доходами от своих феодальных прав, первые два сословия налогов платили очень мало. Вся тяжесть налогов падала на третье сословие. Старинная формула гласила: «Дворяне служат королю шпагой, духовенство — молитвой, третье сословие — своим имуществом». Но так как и города имели определенные льготы по налогам, то основным и главным налогоплательщиком во французском королевстве являлось многострадальное крестьянство.

Основным прямым налогом во Франции XV—XVII вв. являлась талья — налог на землю и имущество. Этот налог платили только крестьяне и горожане (буржуа, ремесленники). Дворяне и духовенство были от него освобождены. При Людовике XIV

к талье был добавлен еще один прямой налог: подушная подать (капитация). Формально капитацию должны были платить все подданные короля. По регламенту 1701 г. все французы были разделены на 22 налоговых класса; во главе первого класса стоял наследник престола (дофин), который должен был платить капитацию в размере 2 тыс. ливров ежегодно; в последнем классе числились солдаты и поденщики, платившие 1 ливр в год. Но духовенство уже в 1710 г. навсегда избавилось от капитации, внеся в пустую тогда королевскую казну единовременный взнос в размере 24 млн ливров. Дворяне всячески уклонялись от уплаты капитации, и их взносы в казну по этому налогу были совершенно ничтожны. Людовик XV ввел (в 1749 г.) еще один прямой налог: двадцатину (*vingtîème*), т. е. пятипроцентный сбор со всех доходов, включая и доходы от феодальных прав дворян и от церковной десятины. Но духовенство уклонилось и от уплаты этого налога, выговорив себе льготу: вносить ежегодно в казну «безвозмездный дар» (*don gratuit*) в размере 2,5 млн ливров, т. е. совершенно ничтожную сумму по сравнению со своими доходами. Дворяне также платили двадцатину далеко не в полном ее объеме.

С крестьян налоги взыскивались с большой суворостью. Штрафы, заключения в тюрьмы, конфискация имущества за неуплату налогов были повседневным явлением.

На крестьян падала и еще одна государственная повинность, введенная в 1737 г., — дорожная барщина. Эта повинность отнимала у них до 12 рабочих дней в году, а иногда и больше.

Очень обременительными для крестьян и остальных слоев «мелкого люда» были косвенные налоги, падавшие буквально на все предметы широкого потребления. Косвенные налоги сдавались обычно на откуп компаниям откупщиков, которые авансировали казне крупные суммы, а затем выколачивали с населения гораздо больше того, что сами вносили в казну. Особенно разорительным для крестьян был налог на соль (габель). Закон устанавливал, сколько соли и по какой цене нужно было купить на каждую душу (включая грудных детей). Нормы потребления соли и цены на нее в различных областях были различными. В одних областях на каждую душу нужно было купить 6,5 фунта соли, в других — 19,5 фунта. В одних областях соль продавалась по цене 16 ливров за квинтал, в других — по 62 ливра за квинтал. Власти жестоко карали за покупку соли у контрабандистов (по более дешевой цене). По стране рыскали «габеллеры» — соляные приставы, искавшие контрабандную соль у крестьян.

Постепенно косвенные налоги стали давать большую часть налоговых поступлений. Уже в 1725 г. поступления в казну от прямых налогов составили 87,5 млн ливров, от косвенных — 99 млн ливров, а в 1788 г. от прямых налогов — 179,3 млн ливров, от косвенных — 243,5 млн ливров.

Подавляющее большинство крестьян жило в ту эпоху в крайней бедности. Главными орудиями труда крестьянина были деревянная соха да мотыга. Очень велико было количество безлошадных. Жилищем крестьянину служила деревянная хижина, часто полуземлянка, без окон и трубы, с глиняным полом; здесь же, за перегородкой, размещались скот и птица. Свою одежду крестьянин шил из грубого, домотканного полотна и из такого же сукна, которое, правда, не знало износа и служило нескольким поколениям. Обувью ему служили деревянные башмаки (сабо). К рынку крестьянин обращался редко: чтобы продать свой хлеб или какую-нибудь живность, когда нужно было платить налоги и повинности, или чтобы прикупить хлеба ранней весной, поскольку собственного хлеба ему до нового урожая, как правило, не хватало. Вместе с тем во французской деревне XVIII в. имелись уже и зажиточные, и даже богатые крестьяне, которые жили несравненно лучше.

Классовая дифференциация французского крестьянства зашла уже сравнительно далеко. В областях так называемой «крупной культуры» (примыкающих к городам) имелась численно еще небольшая, но весьма влиятельная прослойка крупных фермеров-капиталистов, вербовавшаяся как из среды городской буржуазии, так и из среды богатых крестьян. Эти фермеры вели крупное хозяйство на рынке с применением наемного труда батраков. Они брали в аренду не только земли сеньера или церковные земли, но и сбор сеньериальных платежей или церковной десятины. Они являлись также самыми крупными в деревне ростовщиками, предоставляя ссуды крестьянам под залог их земель. Крестьянская беднота питала лютую ненависть к этим «кровососам». Если же говорить о собственно крестьянстве, то его высшим слоем являлись так называемые «пахари» (*laboureurs*). «Пахари» — это зажиточные крестьяне, имевшие сравнительно крепкое хозяйство либо на своей земле (цензиве), либо на арендованной земле. Они поставляли значительную часть своей продукции на рынок, нанимали батраков во время сенокоса или жатвы, у них сельская беднота занимала хлеб или деньги, брала в наймы рабочий скот или орудия труда. Именно из среды «пахарей» выделялись сельские богачи, превращавшиеся постепенно в фермеров-капиталистов. Но основная масса мелких крестьян шла по другому пути. Непомерные сеньериальные и фискальные платежи разоряли их, они влезали в долги, распродавали скот, даже землю, и все больше смыкались с крестьянской беднотой. Самую многочисленную прослойку среди крестьянства составляли так называемые «работники» (*tapougeurs*). «Работники» — это крестьяне-цензитарии или арендаторы, которые имели столь мелкое хозяйство, с которого их семьи не могли прокормиться и которым приходилось подрабатывать на пропитание, либо нанимаясь в батраки к своим богатым односельчанам или крупным фермерам, либо

занимаясь еще каким-либо кустарным промыслом. На самой низшей ступени крестьянской иерархии находились «поденщики» (*jouurnaliers*) и «слуги» (*domestiques, valets*), т. е. собственно сельские пролетарии, не имевшие своего хозяйства и жившие исключительно продажей своей рабочей силы. Однако удельный вес этого сельского пролетариата в собственном смысле слова был незначителен по сравнению с массой мелких и мельчайших крестьян-цензитариев или арендаторов.

Крестьянское хозяйство в своей массе было мелким и отсталым. Земля обрабатывалась самым примитивным способом, плохо удобрялась. Следствием этого были частые неурожаи и голодовки, уносившие огромное количество жизней. Во французской деревне (да и в городах) было много нищих и бродяг, которых власти суворо преследовали. Положение крестьян было столь тяжелым, что они не могли не бунтовать. В голодные годы неизменно вспыхивали хлебные бунты, в которых участвовали и крестьяне, и городская беднота. Происходили также многочисленные беспорядки, волнения и восстания против налогов и феодальных поборов. Восставшие прогоняли сборщиков налогов, громили дома и contadorы откупщиков, уничтожали феодальные документы, вели бои с полицейской стражей.

В 50-е годы XVIII в. в юго-восточной Франции развернулось знаменитое «движение Мандрена», представлявшее собой широкое народное выступление против откупной системы. Луи Мандрен, мелкий торговец, приговоренный заочно к колесованию за участие в вооруженной стычке при наборе в милицию, бежал к контрабандистам и стал их вожаком. На территории Савойи и Швейцарии он формировал отряды контрабандистов, снабжал их оружием и товарами и предпринимал экспедиции во Францию. В 1754—1755 гг. эти экспедиции распространились на Дофине, Бургундию, Прованс, Лангедок и другие провинции. Мандрен и его люди вторгались в города, громили contadorы откупщиков, забирали взысканные ими с населения деньги, освобождали из тюрем тех, кто был заключен в них за контрабанду и недоимки. И крестьяне, и городская беднота поддерживали Мандрена, что и обеспечивало успех его экспедиций. После того как Мандрен побывал во многих городах, власти встревожились и направили против него крупные силы. В мае 1755 г. Мандрен был захвачен на территории Савойи, доставлен во Францию и казнен. Но созданные им и вновь возникавшие отряды контрабандистов еще долго продолжали свои рейды по городам и селам юго-восточной Франции. Один из соратников Мандрена объявил себя «Мандреном-младшим».

Мандрен стал народным героем. О нем слагались песни и легенды.

Буржуазия и санкюлоты

Господствовавший во Франции феодально-абсолютистский строй осуждал на отсталость ее сельское хозяйство, а подавляющее большинство крестьян — на полунищенское существование. Этот строй создавал также многочисленные помехи для развития торговли и промышленности, хотя рост капиталистических отношений происходил быстрее всего именно в этой сфере народного хозяйства. Поскольку крестьяне, составлявшие основную массу населения страны, покупали очень мало промышленных изделий, внутренний рынок для французской промышленности был весьма узок. Такие отрасли промышленности, как суконная, производство полотна из льна и конопли, значительная часть металлообрабатывающей промышленности, которые ориентировались в основном на массового потребителя, пребывали в состоянии застоя и даже упадка. Но зато процветало производство предметов роскоши, на которые королевский двор и привилегированные сословия, а также верхи самой буржуазии предъявляли большой спрос. Французские шелка, дорогие ткани, кружева, изящная мебель, хрусталь, фарфор, ювелирные изделия, парфюмерия и другие аналогичные товары пользовались также большим спросом со стороны имущих классов всей Европы. Именно в ту эпоху Париж стал «законодателем мод» для европейского континента. Известные успехи сделали угольная, metallurgическая, хлопчатобумажная и некоторые другие новые отрасли промышленности. Внутреннюю торговлю крайне стесняло отсутствие единого тарифно-таможенного режима. При перевозе товаров из одной провинции в другую взимались таможенные пошлины. Крупные сеньеры взимали с купцов, проезжавших по их владениям, дорожные сборы (пеажи). Города также были окружены заставами, на которых взимались пошлины со всех ввозимых в них товаров (октруя). Все это очень удорожало как промышленные изделия, так и сельскохозяйственную продукцию. Развитие торговли тормозила также крайняя пестрота мер веса, длины, объема, а также отсутствие единой монетной системы.

Цеховый строй во Франции был уже значительно подорван, особенно эдиктом 1762 г. о свободном развитии промыслов в сельской местности. Но в важнейших городах страны он еще сохранялся. Это значит, что право изготовления определенных товаров в данном городе принадлежало лишь членам соответствующей корпорации мастеров, доступ в которую был крайне затруднен. Государство продавало патенты на звание мастера, с правом передавать его по наследству. Производство подвергалось самой мелочной регламентации, исключавшей как технический прогресс, так и улучшение качества изделий.

Но, несмотря на цеховые привилегии, несмотря на внутренние таможни и дорожные заставы,— торговля и промышлен-

ность во Франции XVIII в. неуклонно развивались, в том числе и внешняя торговля. Развивались неравномерно, одни отрасли быстрее, другие медленнее, но общий экономический прогресс страны был несомненен. Родила и богатела буржуазия, занимая все более прочные позиции в жизни страны и соперничая уже во многих отношениях с дворянством. Особенно преуспевали те слои буржуазии, которые были заняты в колониальной торговле, в банковском деле, в откупной системе. Велики также были доходы буржуа-рантье, которые ссужали свои капиталы государству под большие проценты.

Франция XVIII в. была крупной морской и колониальной державой. Ей принадлежали колонии в Африке, в Индии, в Америке. Важнейший порт Франции на Средиземном море Марсель был центром торговли со странами Леванта (восточное Средиземноморье), Северной Африки, Дальнего Востока. Основной статьей французского экспорта в эти страны были сукна, а импорта — хлопок, шелк-сырец. Атлантические порты — Бордо, Нант, Гавр — были центрами торговли с Америкой. Из французских владений в Америке наибольшую ценность представляли острова Антильского архипелага: Гваделупа, Мартиника и особенно Сан-Доминго. Метрополия экспортировала на острова муку, солонину, вина, ткани, а из колоний во Францию доставлялись сахар, кофе, какао, хлопок, кожи, ценные породы дерева, красильные и дубильные вещества. Французские негociанты владели в колониях плантациями, заводами, рабами. В одном только Сан-Доминго, где на 27 тыс. белых приходилось 405 тыс. негров-рабов, имелось 792 сахарных завода, 705 хлопковых плантаций, 2810 плантаций кофе, 3097 плантаций индиго. Большие капиталы наживались на позорной торговле людьми. Обычно торговые корабли совершали рейсы в Америку по знаменитому «треугольнику»: из Бордо или Нанта с солониной и мукой к Берегу Слоновой кости (в Африке), за рабами, оттуда на Сан-Доминго или Мартинику, где солонина и рабы сбывались, корабли грузились сахаром-сырцом, хлопком, кофе и т. п. и возвращались во Францию. Из колониальных товаров, ввозимых во Францию, в самой стране потреблялось не более $\frac{1}{3}$, все остальное перерабатывалось и вывозилось в другие страны, от Испании до России.

О масштабах внешней торговли Франции дают представление следующие цифры: за время с 1714 по 1785 г. экспорт сельскохозяйственной продукции возрос с 36 млн ливров до 93 млн ливров, экспорт промышленных изделий — с 45 млн ливров до 123 млн ливров, экспорт колониальных товаров из Америки — с 16 млн ливров до 165 млн ливров.

В руках судовладельцев-негociантов Марселя, Бордо, Нанта и других портов сосредоточиваются крупные капиталы. Характерна фигура Боннафе Счастливчика, который прибыл в Бордо

в 1740 г. в качестве простого приказчика, а в 1791 г. владел флотом из 30 судов и состоянием в 16 млн ливров.

Во Франции даже в самом конце XVIII в. крупное капиталистическое производство было развито еще чрезвычайно слабо. Страна еще не пережила промышленного переворота, хотя эпизодическое применение машин уже начиналось. Крупные предприятия были представлены главным образом централизованными мануфактурами, тоже еще весьма немногочисленными. Французская промышленность в основном была еще мелкой, ремесленной, хотя ремесленники и кустари давно уже попали в зависимость к крупному капиталу. Наиболее распространена была рассеянная мануфактура, преобладавшая в производстве сукон, полотен, хлопчатобумажных тканей, галантереи и во многих других отраслях. На купцов-«фабрикантов», снабжавших непосредственных производителей сырьем и скupавших у них готовую продукцию, работали как городские ремесленники, так и крестьяне-кустари, занимавшиеся прядением, ткачеством и пр. в виде подсобного промысла. Ярким примером такого рода мануфактуры является хотя бы хлопчатобумажное производство в районе Руана. Уже в самом начале XVIII в. крестьяне окрестных деревень стали заниматься прядением и чесанием хлопка. А к 1789 г. в этом районе было около 190 тыс. одних только прядильщиков. Близ Блуа на одного крупного купца-«фабриканта» работало 2100 человек, в том числе — 1800 прядильщиков, 180 мотальщиц, 70 ткачей, 50 аппретурщиков.

Образцом рассеянной мануфактуры было и шелкоткацкое производство в Лионе, в котором в 1788 г. насчитывалось свыше 14 тыс. станков и было занято 58 тыс. ткачей. Во главе этого производства стояло около 500 «купцов-фабрикантов», которые передавали купленную ими шелковую пряжу приблизительно 7 тыс. «хозяев-рабочих» (*ouvriers fabricants*), работавших в собственных мастерских и на своих станках вместе со своими подмастерьями и учениками, включая и членов их семей.

Централизованная мануфактура была наиболее распространена в горном деле, металлургии, военном производстве, но встречалась также в сукноделии и других старых отраслях. Примером мануфактуры такого рода является знаменитая мануфактура сукон Ван-Робе в городе Абвиле. Основанная еще в конце XVII в., эта мануфактура в 40-е годы XVIII в. имела в городе четыре здания, где работали 1000—1200 прядильщиков и прях. Кроме того, она занимала еще несколько помещений, где трудились ткачи и другие рабочие. Близ селения Анзен (в районе Валансъенна) в 1720 г. был открыт каменный уголь, с 1734 г. началась его добыча, а в 1789 г. акционерная компания, разрабатывавшая Анзенские каменноугольные копи, имела 4 тыс. рабочих, применяла 12 паровых машин и получала 1200 тыс. ливров годового дохода. Металлургический комбинат

в Ле Крезо (около Шалона-на-Соне), преобразованный в 1787 г. в акционерную компанию, объединял каменноугольные шахты, чугуноплавильные, железоделательные и стекольные заводы. Только в производстве чугуна в Крезо было занято 578 рабочих. На железоделательных заводах Дитриха в Страсбурге насчитывалось 800 рабочих.

Однако уровень промышленного развития Франции в конце XVIII в. нельзя переоценивать. По подсчетам Ж. Брюа, общее число рабочих, занятых тогда в промышленности, не превышало 600 тыс. человек. В 1790 г. во Франции имелось лишь 900 прядильных машин типа «Дженни», а в Англии — 20 тыс.

Абсолютистская монархия поддерживала и поощряла развитие крупного мануфактурного производства. Наиболее важные для государства мануфактуры получали наименование «королевских» и им предоставлялись разного рода привилегии и льготы (правительственные заказы, субсидии, даже право монопольного изготовления определенных изделий). Если в 1715 г. во Франции насчитывалось 135 таких мануфактур, то в 1789 г. — уже 532. Некоторые из «королевских мануфактур» принадлежали самой казне (металлургические заводы в Тулоне и Бресте, мануфактура гобеленов в Париже и др.). Но подавляющее большинство их являлось частновладельческими предприятиями.

Особые привилегии и льготы, предоставлявшиеся «королевским мануфактурам» и крупным торговым компаниям, обогащали верхушку буржуазии, но серьезно стесняли развитие остальной, непривилегированной торговли и промышленности.

Вплоть до 80-х годов XVIII в. банки учреждались почти исключительно в Париже, где их было в 1703 г. — 21, а в 1789 г. — уже 66. О масштабах деятельности парижских банков можно судить хотя бы по операциям знаменитой Учетной кассы (Кэсс д'эсконт), проложившей путь к созданию в 1800 г. Французского банка. Эта касса, учрежденная в 1776 г. с капиталом в 15 млн ливров, сначала занималась лишь предоставлением краткосрочного кредита. Затем она стала выпускать банкноты, имевшие хождение на первых порах только в Париже (крупные купюры по 500 ливров и больше). В 1781 г. таких банкнот было выпущено на 20 млн ливров, а в 1789 г. — на 140 млн ливров. В 1789 г. капитал Учетной кассы возрос до 100 млн ливров, и она получила от казны монопольное право эмиссии банкнот сроком на 30 лет.

Но Париж был не только финансовым центром страны. Он был также одним из ее важных торговых и промышленных центров. В Париже имелись шерстопрядильные и бумагопрядильные мануфактуры. Много было типографий и типографских рабочих. Еще больше — оружейников. Но особенно было развито в Париже производство предметов роскоши. В предместьях Сент-Антуан и Сен-Марсо выделялись дорогая мебель,

зеркала, ковры, ценные кожаные вещи и многое другое. Париж славился также ювелирными изделиями, часами, парфюмерией и особенно модным платьем, тонким бельем, кружевами.

Парижская промышленность была преимущественно мелкой, ремесленной. Централизованных мануфактур (т. е. таких, где рабочие трудились под одной крышей) было немного. Предприятия, вроде мануфактуры бумажных обоев Ревельона, на которой было занято до 350 рабочих, считались крупными. Известная королевская мануфактура гобеленов в предместье Сен-Марсо насчитывала в 1791 г. всего лишь 94 рабочих и 25 учеников. Богатые «фабриканты» в предместьях Сен-Дени и Сен-Мартен по выделке разного рода материй, кружев, газовых тканей и пр. имели до 400—500 и даже до 800 рабочих каждый. Но эти рабочие трудились у себя на дому, и многие из них даже жили вне Парижа.

По подсчетам Л. Каэна, социальная структура парижского населения в середине XVIII в. была такова: дворяне — 5 тыс. человек, духовные лица — 10 тыс. человек, буржуазия — 40 тыс. человек, рабочие — 100 тыс. человек (без членов семьи). А вот данные наполеоновского периода: в 1807 г. в Париже насчитывалось хозяев в ремесле и торговле от 40 до 45 тыс. человек, рабочих мужчин — 90 тыс. человек, носильщиков и грузчиков — 7 тыс. человек, работающих по найму женщин — 30 тыс. человек.

Итак, 40—45 тыс. хозяев и 100—120 тыс. рабочих! Так низок еще был тогда уровень концентрации производства и торговли в Париже.

Подавляющее большинство населения Парижа, как и других французских городов той эпохи, составляли ремесленники, лавочники, кустари, мелкие служащие, прислуга, разного рода поденщики, рабочие централизованных мануфактур, ремесленные подмастерья и ученики, приказчики, т. е. те, кого историки называют плебсом, плебейскими массами, и кто на сочном и выразительном языке самой этой эпохи именовался «санкюлотами» (*sans-culottes*): так называли тех, кто носил длинные штаны, а не кюлот, т. е. короткие штаны до колен, с чулками, как это было свойственно туалету дворян и «образованных». Экономическое положение этой массы неимущих и мелких собственников противопоставляло их не только феодальной аристократии, но и крупным капиталистам, которые либо прямо эксплуатировали их, либо душили своей конкуренцией. В мелких мастерских между рабочими и их хозяевами сохранялись еще полупатриархальные отношения: парижские подмастерья — булочники, сапожники, портные и пр. обычно жили у своих хозяев и столовались у них. И тех и других сближала постоянная, почти беспрерывная борьба за дешевый хлеб. Основной формой социального конфликта во французских городах XVIII в. являлись хлебные бунты и другие народные волнения, возникавшие

на почве нехватки продовольствия и его дороговизны. В этих волнениях участвовали и рабочие, и владельцы мелких мастерских. Чисто рабочие выступления были сравнительно редкими, но они все же имели место.

Каковы были условия жизни тех, кто трудился на капиталистической мануфактуре? Оплата труда рабочих была, конечно, различной в разных профессиях и в разной местности. Крестьянам, бравшим от мануфактуры работу на дом, платили гораздо меньше, чем рабочим в городе. Но в городах и продукты стоили дороже. Женщинам платили примерно в два раза меньше, чем мужчинам, еще меньше — детям. Лишь самый опытный и умелый рабочий мог заработать до 2 ливров (т. е. до 40 су) в день. В среднем же рабочие-мужчины в городах получали 20—25 су в день. Для женщин в городах хорошей оплатой считались 10 су в день, для ребенка — 5 су. Между тем фунт хлеба стоил в хорошие годы не менее 2 су, в голодные — гораздо больше. Это означало, что не менее 50% дохода рабочей семьи уходило только на один хлеб. Мясо рабочие ели только по большим праздникам. Разумеется, формирующийся рабочий класс упорно боролся за повышение своего жизненного уровня. Французские города XVIII в. знали не только голодные бунты бедноты, но и стачки рабочих. У предпролетариата уже наблюдалась известные проблески классового самосознания и зачатки организованности. Возникшие еще в средневековом городе компаньонажи — тайные союзы подмастерьев — все больше превращались в организации защиты прав подмастерьев от произвола мастеров. Эти организации не только оказывали материальную поддержку своим членам, помогали им устроиться на работу и пр., но и прибегали к бойкоту мастеров, к стачкам, стремясь добиться таким путем повышения заработной платы и сокращения рабочего дня (а в ту эпоху в мастерских работали обычно от зари до зари, с перерывом на обед). В конфликтах между рабочими и предпринимателями и местные власти, и центральное правительство становились обычно на сторону предпринимателей. В 1744 г., после крупной стачки лионских ткачей, когда несколько ткачей были повешены, а многие сосланы на галеры, издается даже антирабочий закон, запрещавший «всем подмастерьям и рабочим собираться в сообщества под предлогом братства или иначе сговариваться между собой, чтобы обеспечивать друг другу работу у хозяев или уходить от них, а также каким бы то ни было образом мешать означенным хозяевам самим выбирать себе рабочих». Тем не менее стачки вспыхивали все чаще и известного повышения заработной платы рабочие добивались. Но еще быстрее росли цены на продукты питания. По подсчетам Э. Лабруssa, средняя номинальная заработка для периода 1771—1789 гг. по сравнению с периодом 1726—1741 гг. повысилась на 17%. Но стоимость жизни увеличилась за тот же период на 45%, так что

реальная заработка плата за расчетное время значительно упала.

Условия жизни рабочих и мелких ремесленников на протяжении всего XVIII в. неуклонно ухудшались. Все более тяжелым становилось положение крестьянства. Вместе с тем росли богатства имущих классов: не только дворянско-церковной знати, но и верхов буржуазии — откупщиков, банкиров, купцов-«фабрикантов» и других представителей крупного капитала той эпохи. Социальные противоречия в стране обострялись и становились все более многообразными.

Монархия и привилегированные

Привилегированные сословия также состояли из разнородных элементов. Духовных лиц во Франции накануне революции насчитывалось до 130 тыс. человек, дворян и членов их семей — до 350 тыс. человек.

Духовенство подразделялось на «черное» и «белое». «Черное» духовенство переживало упадок, и ряды его сокращались. Все же в конце «старого порядка» оно насчитывало до 60 тыс. человек (20 тыс. монахов и 40 тыс. монахинь). Верхушку его составляли аббаты и аббатиссы, принадлежавшие, как правило, к дворянству. «Белое» духовенство также делилось на высшее и низшее. Высшее духовенство было сплошь дворянским и жило в довольстве и роскоши. Это — 139 епископов (в том числе 18 архиепископов), 2900 прелатов и кафедральных каноников и еще 6—7 тыс. духовных лиц различного сана. Епископы и архиепископы вели чисто светский образ жизни. Они строили себе элегантные особняки, давали балы, имели содержанок. Низшее духовенство состояло приблизительно из 60 тыс. приходских священников и викариев. Эта часть духовенства (как и простые монахи) вербовалась из различных слоев народа, вплоть до крестьян и ремесленников, и жила более чем скромно: по статуту 1786 г. годовой оклад кюре составлял 750 ливров, его викария (помощника) — 350 ливров. Низшее духовенство разделяло в известной мере тяготы народной жизни и недаром из его рядов вышли многие деятели революции.

Дворянство подразделялось на родовое и военное («дворянство шпаги») и дворянство судейское и чиновное («дворянство мантии»). К родовому дворянству принадлежало не более 110 тыс. человек. Его верхушку составляла титулованная знать (герцоги, маркизы, графы, виконты), в особенности 4 тыс. семей «представленных ко двору». Эта знать буквально купалась в роскоши, но жила она не столько на доходы со своих поместий, сколько на королевские подарки и пенсии, а также извлекаемые выгоды из многочисленных синекур (доходных, но не очень обременительных должностей). Важным источником дворянских доходов была служба в армии, самой крупной в Западной Европе. Рядовой состав армий комплектовался со времен Людо-

вика XIV на основе вербовки рекрут, а на офицерские должности назначались исключительно дворяне, причем по уставу 1781 г. будущие офицеры при приеме в военные училища должны были документально доказать свою принадлежность к дворянству в четырех предшествующих поколениях. В последние годы перед революцией на содержание 12 тыс. офицеров, которые все были дворянами, уходило 46 млн ливров, а на содержание 135 тыс. солдат — 44 млн ливров.

Губернаторы провинций — сплошь именитые дворяне — получали жалованье в 100 тыс. ливров в год, хотя их должность была чисто парадной, поскольку всей полнотой власти на местах уже давно завладели интенданты.

Одной из наиболее состоятельных частей дворянского сословия (и наиболее многочисленной его частью) было «дворянство мантии». Это — выходцы из рядов богатой буржуазии, купившие себе места в парламентах (высших судебных учреждениях) и в финансово-административных органах, одворянившиеся и передавшие свои места и звания своим потомкам. «Дворяне мантии» были, как правило, богаты и владели не только своими должностями, но и поместьями, даже замками, которые они скучали у разоряющегося родовитого дворянства. Но путь к высшим дворянским почестям для них был закрыт: они никогда не могли быть «представленными ко двору».

Те родовитые дворяне, которые не состояли при дворе и не занимали важных должностей, все более «оскудевали». Рост число мелкопоместных и даже безземельных дворян, т. е. тех, кто уже полностью распродал земли своего домена и жил исключительно на доходы от своих сенъериальных прав. Современники называли такие феоды без земли у самого сеньера «воздушными» (*fiefs en l'air*). Но встречались и такие дворяне, которые владели шахтами или заводами, являлись пайщиками торговых компаний или компаний откупщиков. Это «деловое дворянство» (*noblesse d'affaire*) было немногочисленно, но весьма богато и влиятельно. Именно оно являлось основным носителем дворянского либерализма.

В XVIII в., как и раньше, французские короли обладали абсолютной, т. е. неограниченной властью. Официальная монархическая доктрина гласила, что короли получают свою власть от бога и являются его живым подобием, его представителем на земле. Воля короля объявлялась законом, а высшим долгом подданного — его беспрекословное повинование своему государю. Божественная по своему происхождению и олицетворявшая всю мощь государства королевская власть воплощалась исключительно в особе монарха, считавшейся священной. «Только в одной моей особе пребывает королевская власть,— говорил в 1766 г. Людовик XV в парижском парламенте.— Весь общественный порядок во всем его объеме исходит от меня; интересы и права нации — все здесь, в моей руке».

Король мог устанавливать и собирать любые налоги, не спрашивая разрешения у кого-либо. Он мог издавать и отменять любые законы, объявлять войну и заключать мир, решать по своему усмотрению все административные и судебные дела.

Старинное сословное представительство — Генеральные штаты не созывались с 1614 г. Вместо них иногда собирали нотаблей (знатных). Местных сословных представительств не было и в большинстве провинций. Лишь позднее присоединенные к Франции области, «считавшиеся как бы чужеземными» (*«réputées étrangères»*), сохранили наряду с другими своими особыми правами и привилегиями и некоторое подобие сословного представительства. В этих областях, называвшихся *«pays d'état* (областями со штатами), существовали так называемые провинциальные штаты с решительным преобладанием в них местной знати. Но полномочия этих органов были крайне ограничены: фактически они занимались лишь раскладкой налогов.

Несколько стесняли королевскую власть лишь парламенты — высшие судебные органы (им принадлежал апелляционный суд), которых на всю Францию насчитывалось 17, а наибольшим влиянием из них пользовался парижский парламент, юрисдикция которого распространялась на $\frac{1}{3}$ территории страны. Парламенты имели не только судебные, но и некоторые политические права. В частности, парижский парламент назначал регента в случае малолетства короля, регистрировал (как и другие парламенты) указы короля и имел право при этом доводить до сведения короля своё мнение об их соответствии обычаям страны или духу предшествующего законодательства. Это право называлось правом ремонстраций и «дворянство мантии», купившее свои места в парламентах, довольно часто пользовалось им, особенно когда королевская власть пыталась обложить привилегированных каким-либо налогом. Но заседания с личным участием короля (*Lit de justice*) делали регистрацию королевских указов в парламентских книгах обязательной.

Людовик XIV не терпел вмешательства парижского парламента в государственные дела. Он конфликтовал с ним, отправлял в ссылку его членов, а затем и вовсе отнял у парламентов их главное право — право ремонстраций. Именно к парижскому парламенту были обращены знаменитые слова: «Вы думали, господа, что государство — это вы? Государство — это я». Филипп Орлеанский, добившийся при содействии именно парижского парламента (и вопреки завещанию Людовика XIV) своего назначения на пост регента при малолетнем новом короле Людовике XV, не только восстановил традиционные права парламентов, но даже расширил их. Он сосредоточил центральное управление в шести зависимых от парижского парламента советах: иностранных дел, внутренних дел, военном, морском, финансовом и торговом. Однако вскоре ропот придворной знати заставил его упразднить эти советы и возвратить их функции

прежним статс-секретарям. Людовик XV также долго враждовал с парижским парламентом, а под конец своего царствования нанес ему решительный удар: в 1771 г. канцлер Мопу выслал или арестовал почти всех членов парижского парламента, а парижский и руанский парламенты были заменены простыми судебными палатами, члены которых назначались королем. Другие парламенты также были реорганизованы и лишились своих политических функций. Но эта реформа вызвала столь многочисленные протесты, что вступивший на престол в 1774 г. Людовик XVI сместил непопулярного канцлера и вернул парламентам их традиционные права.

Административная система во Франции XVIII в. была сложной и запутанной. Страна делилась на множество провинций, крайне различных по размерам своей территории, по количеству населения, а также по своим правам и обычаям. Существовало также деление на военные округа или губернаторства, а также на финансовые округа (интендантства), или женералитета. Причем границы всех этих административных единиц чаще всего не совпадали. Существовало еще деление на судебные округа, которые на севере Франции именовались бальяжами, а на юге — сенешальствами.

Главной фигурой в провинциальном управлении уже давно стали интенданты. Центральная власть отправляла на места высших чиновников судебных и иных ведомств, облеченных всей полнотой власти: административной, финансовой, судебной, а впоследствии даже и военной. Эти чиновники назывались интендантами полиции, суда и финансов и осуществляли наблюдение и контроль над всем местным управлением. Интенданты сносились непосредственно с центральным правительством и фактически именно они управляли провинциями. На долю губернаторов осталось лишь командование войсками на территории провинций, но даже и войсками командовали уже не они сами, а их помощники, имевшие звание генерал-лейтенанта и подчинявшиеся фактически интендантам. Губернаторы и жили обычно в Версале, почти не появляясь в провинциях.

Города также утратили свое самоуправление, которым они пользовались в средние века. Выборность мэров и эшевенов (городских советников) была уничтожена. Корона обычно давала должности мэров и эшевенов, а практическая деятельность муниципалитетов целиком контролировалась и направлялась интендантами или их помощниками.

Характерной чертой бюрократического государственного аппарата французской монархии было то, что почти все должности в этом аппарате продавались и становились наследственными. С чиновников, получавших свои должности по наследству, взыскивался в казну особый налог (полетта). Продажа чиновничих должностей приносила государству немалый доход. Не оставались в накладе и буржуа, покупавшие эти должности.

Главный доход с должности составляло не жалованье, а разнообразные таксированные поборы с населения: например, épices в судах, т. е. плата за оформление любого акта. Эти узаконенные поборы достигали больших сумм и давали высокий процент на вложенный в должность капитал.

Своеобразно было организовано и центральное правительство. С тех пор, как Людовик XIV заявил после смерти Мазарини, что отныне он сам будет своим первым министром, главой правительства во Франции являлся лично король. Собственно правительство составляли канцлер, четыре статс-секретаря и генеральный контролер финансов. Канцлер фактически выполнял функции министра юстиции, статс-секретари ведали двором, военным, морским и иностранным ведомствами. Наиболее широк был круг полномочий генерального контролера финансов (внутреннее управление, сельское хозяйство, промышленность, торговля, финансы, дороги), который фактически являлся первым министром. Однако кабинета министров как такового не существовало. Каждый из министров являлся регулярно с докладом к королю, который и принимал необходимые решения. Наиболее важные дела обсуждались в королевских советах — Верховном совете (мир, война, договоры), Финансовом совете, Совете депеш и других. Членов этих советов назначал сам король, а их решения носили характер простых рекомендаций.

«Личное правление» короля означало на деле безответственность министров, отсутствие единства в действиях различных ведомств, способствовало развитию фаворитизма и всяческим махинациям придворных за спиной своего государя. При дворе короля царили интриги, и творился чудовищный произвол. Король в гневе мог бросить в тюрьму кого угодно и держать его там десятки лет без суда, даже без предъявления обвинений. Характерны пресловутые *lettres de cachet* — королевские приказы об изгнании или заточении в тюрьму без суда и следствия. Эти «запечатанные письма» выдавались зачастую тем или иным придворным с подписью короля, но без указания имени арестованного, которое предоставлялось вписать получателю такого приказа.

Господствовавшая в стране католическая церковь отличалась ханжеством и нетерпимостью. Культивировалось показное благочестие и внешняя обрядность. Протестанты подвергались гонениям, и их фактически лишили гражданских прав. Официально признавались лишь крещения и браки, совершаемые католическими священниками. Преследовались яисенисты — сторонники голландского богослова Яиссения, пытающиеся совместить догматы католицизма с некоторыми идеями реформации. Яисенисты требовали от верующих не просто исполнения церковных обрядов, но «истинного благочестия», добрых дел, каждого дневного покаяния, «нравственного самоусовершенствования».

Они объявляли «греховными» пышные и яркие одежды, танцы, театр, чтение нерелигиозной литературы. Янсенизм, отвечавший буржуазному стремлению к бережливости и пользовавшийся известной популярностью в буржуазно-чиновничих кругах, был осужден папскими буллами 1705 и 1713 гг. и подвергся особенной травле со стороны иезуитов. Людовик XIV встал на сторону папы и иезуитов. Монастырь Пор-Руаяль в Версале — центр янсенизма — был разрушен, а янсенистские общины разогнаны. Регент Филипп Орлеанский прекратил преследования янсенистов, но Людовик XV возобновил их. Иезуиты, пытавшиеся диктовать свою волю королям и правительствам, были в 1762—1764 гг. изгнаны из Франции, как ранее из Португалии, а позже и из других католических стран. Но это не сделало французскую католическую церковь менее нетерпимой или более гуманной. Даже в 60-е годы XVIII в. были еще возможны такие страшные расправы с протестантами, как «дело Каласа». В одну осеннюю ночь 1761 г. в городе Тулусе, в сенях дома Жана Каласа, 63-летнего торговца сукном, протестанта, был обнаружен труп его 28-летнего сына Марка, которого придушили оставшиеся неизвестными католики и ловко подбросили в отчий дом. Жан Калас тут же был обвинен в убийстве сына, который-де намеревался отречься от ереси и обратиться в католическую веру. Стариk Калас категорически отверг это чудовищное обвинение. Никаких доказательств его вины обнаружить не удалось. Тем не менее Тулузский парламент признал его виновным. Жан Калас был подвергнут мучительной казни — колесованию, а останки его были сожжены. Несправедливость и крайняя жестокость этого приговора возмутили общественное мнение. Вольтер начал беспримерную по масштабам агитацию за пересмотр процесса и за реабилитацию его жертвы. В 1765 г. Королевский совет был вынужден объявить Жана Каласа невиновным, а приговор Тулузского парламента отменить.

Но «дело Каласа» — это далеко не единственный пример изуверства церковников. Пьер Сервен и его жена Антуанетта, оба протестанты, были обвинены в убийстве своей дочери Елизаветы, которую на самом деле похитили из отчего дома католические духовники и поместили в монастырь, чтобы обратить в свою веру: девушка бежала из монастыря и утопилась в колодце. Сервен, его жена и две другие его дочери укрылись в Швейцарии и обратились за помощью к Вольтеру. Тем временем (в марте 1764 г.) Тулузский парламент приговорил заочно Сервена и его жену к повешению. «Сеньер справедливости» (как стали называть Вольтера) мужественно вступился и за эти жертвы религиозного фанатизма. Сами Сервены, не выдержав тягот изгнания, вернулись на родину и добровольно отдались в руки властям. Несколько лет они провели в тюрьме в ожидании смертной казни. Но Вольтер продолжал кампанию в их защиту. В 1771 г. Тулузский парламент уже в новом соста-

ве полностью оправдал Сервенов (правда, Антуанетта Сервен к этому времени уже умерла).

А вот что случилось в городе Абвиле в 1765—1766 гг. Двоюношой из аристократических семей, оба католики, де ла Барр и д'Эталонд были обвинены в «святотатстве»: кто-то повредил деревянное распятие, стоявшее на городском мосту, и подозрение пало на них. Обвинение было ложным, юноши не трогали этого распятия, тем не менее оба были приговорены к страшной казни (д'Эталонд заочно, так как ему удалось бежать за границу): им надлежало отрубить правую руку, вырвать языки и затем сжечь их на костре. Лишь Парижский парламент заменил такую казнь «простым» отсечением головы. Вольтер начал страстную кампанию за посмертную реабилитацию де ла Барра, но добиться этого при своей жизни ему не удалось. Что касается д'Эталонда, то он был помилован в 1788 г.

Не менее жестоко церковь преследовала свободную мысль. По требованию церковных властей и по приговорам Парижского и иных парламентов сжигались книги Вольтера, Гольбаха, Дидро и других просветителей. Многие «вольнодумцы» бросались в тюрьмы или насильственно постригались в монахи.

Французская абсолютистская монархия достигла своего наивысшего могущества и блеска в годы царствования Людовика XIV. Этот король вступил на престол в 1643 г. пятилетним ребенком, но стал править самостоятельно лишь с 1661 г., после смерти Мазарини. В «век Людовика XIV» (1661—1715) Франция была самой сильной военной державой на континенте Европы. Людовик XIV значительно расширил территорию своей страны в Европе, а также приобрел много земель в колониях. С целью повышения доходов казны Людовик XIV и его генеральный контролер финансов Кольбер покровительствовали отечественной торговле и промышленности и тем способствовали развитию капитализма в стране. В ту пору абсолютистская монархия играла еще прогрессивную роль. Однако уже при Людовике XIV начался упадок французского абсолютизма. Его многочисленные войны разорили страну.

Царствование следующего из Бурбонов, правнука «короля солнца» — Людовика XV (1715—1774), было временем глубокого разложения французского абсолютизма. Это царствование началось совершенно беспутным правлением регента Филиппа Орлеанского, ознаменовавшимся невиданными еще даже при французском дворе оргиями, а также грандиозными финансово-выми аферами шотландца Джона Лоу, наводнившего страну необеспеченными реальными ценностями бумажными деньгами и вызвавшего самый крупный в истории Франции XVIII в. банковский крах.

В 1723 г. регент умер, и 13-летний король был объявлен совершеннолетним. Фактически государством управляли сначала герцог Бурбонский, а затем в течение 17 лет воспитатель

юного короля кардинал Флери. В 1743 г. Флери умер, и лишь тогда Людовик XV сам взялся за государственные дела. Людовик XV оказался пустым, вздорным и исключительно аморальным человеком, перешедшим своим распутством даже герцога Филиппа Орлеанского. Всю государственную политику он свел лишь к одному: выкачивать средства из страны для поддержания роскошной и праздной жизни двора. Он жил и правил по принципу — «после нас — хоть потоп». Со своими министрами он не ладил и часто менял их. Он завел особый «черный кабинет», который следил за министрами, вскрывал их частную переписку и т. п. Дело дошло до того, что даже к иностранным дворам он посыпал своих собственных тайных агентов, которые по его приказу действовали вопреки официальной линии французского министерства иностранных дел («секрет короля»). Впрочем, едва начав править самостоятельно, Людовик XV оказался под башмаком своей фаворитки, по-своему знаменитой маркизы Помпадур (ее предшественницами были герцогиня Шатору и другие фаворитки). С 1745 г. и до своей смерти в 1764 г. маркиза Помпадур вершила государственные дела. Она смешала и назначала министров, генералов, послов. В ее руках были двор, казна, даже внешняя политика. Она заставляла короля совершать безумные траты на праздники и гуляния, на постройку новых дворцов и парков, на пенсии и подарки своим фаворитам. Народ возненавидел ее. На нее писали сатиры и памфлеты. Она жестоко мстила «пасквилянам», вплоть до заключения в Бастилию. В Париже ликовали, когда она умерла, но ее место заняла новая фаворитка, графиня Дюбарри, не менее разорительная для казны и не менее властолюбивая. «Помпадуры и помпадурши» превратили королевский двор в «могилу нации», в бездонную пропасть, в которой исчезали сотни миллионов ливров, собранные в виде налогов с голодающего народа. К концу своего царствования Людовик XV довел государство до грани банкротства, но на все предостережения отвечал: «На мой век хватит, пусть мой преемник выпутывается как знает».

Людовик XV вел ряд войн, диктовавшихся чисто династическими интересами, «войн роскоши», как их окрестили современники. И все эти войны он проиграл. Первой такой войной была война за польское наследство (1733—1735). Людовик XV был женат на Марии, дочери Станислава Лещинского, которого Карл XII сделал в 1704 г. польским королем, но который после победы Петра I над шведами при Полтаве в 1709 г. бежал из Польши и проживал вблизи Версаля. В 1733 г. польский престол вновь оказался вакантным. Истратив 3 млн ливров на подкуп депутатов польского сейма, кардинал Флери добился избрания Лещинского польским королем. Но через три недели его сверг другой претендент на польский престол, саксонский курфюрст Август III, которого поддержали Австрия и Россия.

Посланный в Польшу французский отряд был взят в плен русскими, а Лещинский бежал в Пруссию. Французские войска вторглись в австрийские владения в Италии и на Рейне, но и там воевали неудачно. По Венскому мирному договору 1735 г. Людовик XV отказался за Лещинского от польской короны, но его тестя сохранил титул короля и получил в пожизненное владение Лотарингию и графство Бар, которые в дальнейшем должны были отойти к Франции.

Еще более неудачной для Франции оказалась война за австрийское наследство (1740—1748), в которой ей пришлось сражаться «ради прусского короля» (*pour le roi de Prusse*). После смерти императора Карла VI (1740 г.) все земли дома Габсбургов перешли к его дочери Марии-Терезии. Но ее права оспорили находившиеся в родстве с Габсбургами государи Баварии, Саксонии и Испании, которых поддержал прусский король Фридрих II, стремившийся отнять у Австрии Силезию. Франция встала на сторону антиавстрийской коалиции, к которой примкнули также Неаполь, Сардиния и Швеция. На сторону Австрии встали Англия и Голландия, а затем и Россия. В то время, как Фридрих II воевал с австрийцами, на плечи Франции пала вся тяжесть борьбы с Англией и Голландией, причем на первых порах французам даже везло: они заняли часть голландской территории, а в Индии отняли у англичан Мадрас. Но когда Фридрих II завладел Силезией, он практически вышел из войны, предоставив Франции продолжать ее против Англии и Голландии. Людовик XV был крайне раздражен прусским вероломством, но должен был пойти на бесславный мир со своими противниками. По Ахенскому мирному договору 1748 г. за Марией-Терезией были признаны права на австрийский престол, Силезия отдавалась Пруссии, Испания и Сардиния получали вознаграждения в Италии, Франция же должна была уйти из занятых ею голландских территорий, а в Индии — возвратить Англии Мадрас.

Но наиболее тяжело сказалось на положении Франции ее поражение в Семилетней войне (1756—1763). Это был самый крупный международный конфликт той эпохи, вызванный как австро-прусской борьбой за гегемонию в Германии, так и в особенности англо-французским соперничеством на море и в колониях. На этот раз Австрии удалось привлечь на свою сторону не только Россию, но и своего старого врага Францию. Мария-Терезия, гордая дочь Габсбургов, не побрезговала обратиться с любезным письмом к мадам Помпадур, назвав ее своей «кузиной». На сторону Пруссии встала Англия. К коалиции Австрии, Франции и России примкнули также Испания, Швеция и курфюрст саксонский и король польский Август III. Война была долгой и тяжелой. Войска прусского короля Фридриха II сковали главные силы Франции в Европе, а Англия громила французов и испанцев на морях и в колониях. Фридрих II одер-

жал ряд крупных побед над французскими генералами, стратегические таланты которых определяла мадам Помпадур, но был наголову разбит русскими, вступившими даже в Берлин. Война закончилась мирными трактатами 1763 г.: Парижским — на Западе, и Губертусбургским — на Востоке, где был сохранен статус-кво. Франция же уступила англичанам Канаду и левый берег реки Миссисипи, за исключением Нового Орлеана. Правый берег Миссисипи она отдала Испании и выплатила ей, кроме того, вознаграждение за уступленную Англии Флориду. Франция потеряла почти все свои владения в Индии, сохранив там лишь пять городов.

Столь тяжелые потери не могли компенсировать ни присоединение к Франции в 1766 г. Лотарингии (после смерти Станислава Лещинского), ни покупка (фактически захват) Корсики у Генуи в 1768 г.

Влияние Франции на международной арене заметно упало. Французский народ был измучен войнами. Буржуазия и даже часть дворянства негодовали по поводу жалкой внешней политики короля. Внутриполитическое положение в стране обострилось. Народные волнения пошли в гору. Королевская власть, двор потеряли всякое уважение и стали предметом насмешек. Франция явно приближалась к революции.

Просветители

Во Франции XVIII в. сложились не только довольно развитые формы капиталистического уклада, особенно в торговле и промышленности, но и буржуазная в своей основе светская идеология. Революции в области социально-экономических отношений предшествовала революция в умах, революция в идеологии.

XVIII век — это не только время упадка французского абсолютизма. Это время подъема буржуазии, время расцвета во Франции передовой, преимущественно буржуазной философии, науки, литературы. XVIII век — «век Просвещения». Выдающиеся писатели и ученые, идеологи буржуазии и крестьянско-плебейских масс, подвергли резкой, всесторонней критике феодально-абсолютистский строй и феодальное мировоззрение. «Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции,— писал Ф. Энгельс,— сами выступали крайне революционно... Религия, понимание природы, общество, государственный строй — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него»¹.

Французское Просвещение XVIII в. имело своих предшественников. Это были прежде всего передовые голландские (Гуго

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 16—17.

Гроций, Б. Спиноза) и английские (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк) мыслители XVI—XVII вв., выдвинувшие новые философские и социально-политические идеи. Французские просветители XVIII в. опирались также на достижения отечественной политической мысли предшествующей эпохи. Уже в сочинениях Пьера Бейля, Буагильбера, маршала Вобана, архиепископа Фенелона и других оппозиционных писателей времен Людовика XIV критиковались деспотизм королевской власти, нетерпимость церкви, жестокое угнетение крестьян, и развивались представления о «легальной монархии», связанной законами, о «естественных правах» человека, даже учение о народном суверенитете и о договорном, а не о божественном происхождении власти королей. В литературе XVII в. встречались уже и коммунистические утопии вроде «Истории севарамбов» Вераса д'Алле (1677 г.).

Подлинным «отцом» и главным представителем Просвещения был Франсуа Мари Аруэ (1694—1778), писавший под псевдонимом Вольтер. Сын парижского нотариуса, получивший образование в иезуитском колледже, юный Аруэ отличался вольнодумством и чувством собственного достоинства, что и навлекло на него весьма большие неприятности. За эпиграммы на регента Филиппа Орлеанского он был сначала выслан из Парижа, а затем, заподозренный в авторстве обличительной поэмы «Я видел» (которую в действительности написал другой поэт), заключен в Бастилию (1717 г.), где просидел около года. По выходе из Бастилии Аруэ-сын публикует в 1719 г. свою первую трагедию «Эдип», полную выпадов против царей и попов. Эта трагедия с успехом шла на сцене. На ее обложке впервые было поставлено имя Вольтера¹. Однако юный автор имел неосторожность раскрыть своим друзьям, кто же в действительности скрывается за «месье де Вольтером». Это вызвало насмешки по его адресу со стороны кавалера де Рогана, на которые поэт отвечал еще более дерзко. Оскорбленный де Роган приказал своим лакеям избить зазнавшегося плебея палками, а когда этот последний послал ему вызов на дуэль, то могущественная родня де Рогана добилась королевского *lettre de cachet*, на основании которого будущий «король философов» был вторично посажен в Бастилию (1726 г.). Правда, из Бастилии Вольтера вскоре выпустили, но под конвоем доставили в Кале, откуда он отплыл в Англию. В этой стране Вольтер провел около трех лет, изучая ее общественно-политический строй, ее литературу, ее философию. Пребывание в Англии оказало большое влияние на «месье де Вольтера». Из юноши-вольнодумца, каких во Франции его времени было немало, он превращается в писателя-борца, поставившего сознательной целью своей литератур-

¹ Voltaire — анаграмма из Arouet l. j. (le jeune), где и принято за v, a j — за i (Arouetlj-Arovetli-Voltaire).

ной деятельности критику тех зол, от которых страдало его отчество и прежде всего — критику королевского деспотизма и церковного мракобесия. По возвращении из Англии Вольтер пишет и добивается постановки на сцене своих знаменитых трагедий «Брут» и «Смерть Цезаря», проникнутых тираноборческими и республиканскими идеями. В изданной в 1734 г. книге «Английские письма» (другое название «Философские письма») он решительно отдал предпочтение английским конституционным порядкам, при которых «у короля руки свободны, чтобы делать добро, и связаны, чтобы делать зло», перед абсолютистским строем, царившим во Франции. В пример французам была поставлена и сравнительная духовная свобода, которую он наблюдал в Англии. По приговору Парижского парламента эта книга была сожжена как «противная религии, добрым нравам и уважению к власти».

В дальнейшем, когда к Вольтеру пришла слава первоклассного драматурга, поэта, романиста, философа, историка, государи пытались подкупить его. В 1744—1747 гг. Людовик XV приблизил Вольтера к своему двору. Гонимый до того писатель был назначен королевским историографом и камергером, ему дали солидную пенсию и апартаменты в Версальском дворце. Всем этим Вольтер был обязан маркизе Помпадур, которой лестно было окружать себя выдающимися художниками и писателями, обязанными рисовать ее портреты и сочинять мадригалы в ее честь. Но Вольтер не ужился в Версале, как не ужился он и при дворе «Северного Соломона» — прусского короля Фридриха II, где он находился в 1751—1753 гг. Ему претило курить фимиам государям и их фавориткам, о которых он отзывался самым непочтительным образом.

В 1755 г. Вольтер поселился в Женеве, опасаясь возвратиться во Францию. «Я боюсь монархов и епископов», — так объяснил он свое прибытие в этот протестантский и республиканский город. Но после того как на одной из площадей Женевы по настоянию кальвинистского духовенства был сожжен его «Кандид», Вольтер предпочел покинуть и Швейцарию. С 1758 г. и почти до самой кончины Вольтер прожил в своем поместье Ферней, неподалеку от Женевы, но уже на французской территории. Отсюда он вел переписку с Фридрихом II, Екатериной II и другими государями, стремившимися прослыть «просвещенными». В Париж «фернейский патриарх» (как стали называть Вольтера) вернулся лишь весной 1778 г., чтобы там и умереть.

Перед смертью Вольтер пожелал исповедаться и причаститься по католическому обряду. Все же похоронить его пришлось тайно, в аббатстве Гельер (в Шампани), за 200 лье от Парижа. В годы французской революции прах Вольтера был перенесен в Пантеон — усыпальницу великих людей Франции, а на его надгробии сделали надпись: «Поэт, историк, философ, который возвеличил человеческий разум и научил его быть свободным».

Во всех своих произведениях, будь то философские романы или повести («Задиг, или Судьба», «Кандид», «Простодушный»), героические или сатирические поэмы («Генриада», «Орлеанская девственница»), трагедии («Заира», «Альзира, или Американцы», «Магомет»), философские трактаты («Элементы философии Ньютона», «Философский словарь»), исторические труды («Век Людовика XIV», «Опыт о нравах и духе народов») и многие другие, Вольтер ярко и талантливо изображал несправедливости и пороки современного ему общества. Главным оружием Вольтера как писателя были смех, сатира — беспощадная и уничтожающая. В этой области Вольтер не знал себе равных. Для произведений Вольтера характерны оптимизм, глубокая вера в общественный прогресс, в силу человеческого разума, в неизбежность его победы над суевериями и предрассудками.

Мировоззрение Вольтера было противоречивым, что отражало двойственное положение буржуазии в тогдашнем обществе. Он бичевал феодальный строй, сословное неравенство, отстаивал свободу личности, равенство всех перед законом. Издаваясь над дворянской спесью, он заявлял, что лишь тогда поверит в божественное право рыцарей, когда увидит, что дворяне рождаются со шпорами на ногах, а крестьяне с седлами на спинах. Но Вольтер считал естественным и неустранимым социальное неравенство. «В нашем несчастном мире,— писал он,— невозможно, чтобы люди, живя в обществе, не были разделены на два класса: один класс богатых, которые распоряжаются, другой класс бедных, которые служат».

Общество будущего представлялось Вольтеру как основанное на частной собственности и системе наемного труда. «Нужны люди, не имеющие ничего, кроме своих рук,— утверждал он.— Они будут свободны продавать свой труд тому, кто захочет его лучше оплатить. Эта свобода заменит им собственность». Вольтер подвергал осмеянию людей, «достаточно безумных, чтобы утверждать, будто термины „мое“ и „твое“ — преступление». Отвергал он и уравнительные идеи. На одной из книг Руссо он пометил: «Вот философия оборванца, который желал бы, чтобы богатые были обобраны бедными».

К народным массам Вольтер относился с опаской, революцию отвергал и в политике склонялся к буржуазной утопии «просвещенного абсолютизма», т. е. надеялся на то, что появится «король-философ», который проведет необходимые реформы сверху. «Абсолютный монарх, желающий блага своим подданным, может без труда достичь всех своих целей», — утверждал он.

Однако «просвещенный абсолютизм» являлся для Вольтера своего рода «программой-минимум». Идеальным политическим строем ему представлялся строй конституционной монархии, который он неустанно пропагандировал на английском примере.

К концу жизни надежды Вольтера на то, что во Франции

появится «просвещенный монарх» значительно потускнели, и он все больше склонялся к мысли о том, что и его любезному отечеству придется пройти на пути к свободе через горнило революции, как это случилось в Англии. «Все, что происходит вокруг меня,— писал он в 1764 г. герцогу де Шевелену,— бросает зерна революции, которая наступит неминуемо, но я вряд ли буду ее свидетелем... Вспышка произойдет при первом удобном случае, и тогда начнется страшная сумятица».

Центральное место в общественно-литературной деятельности Вольтера занимала борьба против предрассудков и суеверий, связанных с религией. Вольтер был врагом всех религий, но с особой ненавистью он относился к католической религии, видя в ней как бы средоточие всего церковного мракобесия. «Сокрушим негодную!» (*écrasons l'infâme!*),— призывал он, имея в виду католическую церковь. Он неустанно разоблачал ее доктрины, ее нетерпимость, ее ханжество, мужественно защищал жертвы церковников (дела Каласа, Сервенов, де ла Барра). Но он отвергал атеизм, верил в Верховное существо как творца мира и первопричину его движения. Он считал, что без веры в грозного и вместе с тем доброго судию, который вознаграждает в загробной жизни всех несчастных и карает всех злых, не может быть ни нравственности, ни морали и что именно поэтому атеизм губителен для общества. «Если бы бога не было, его следовало бы выдумать, но вся природа говорит, что бог есть» (*Si Dieu n'existe pas, il faudrait l'inventer, mais toute la nature crie, qu'il existe*),— писал он.

На столь же умеренной позиции в религиозных и социально-политических вопросах стоял и старший современник Вольтера — Шарль Луи де Монтескье (1689—1755), советник, а затем президент парламента в Бордо. Широкую известность Монтескье принесла уже его первая книга «Персидские письма» (1721 г.), в которой в форме переписки двух знатных персов, якобы посетивших Францию, были высмеяны нравы, царившие при дворе Людовика XIV и регента Филиппа Орлеанского. Критикуя феодально-абсолютистские порядки, Монтескье, как и Вольтер, отвергал революцию и защищал идею компромисса между дворянством и буржуазией. В своем главном произведении «О духе законов» (1748 г.) Монтескье разработал теорию конституционной монархии и разделения властей, оказавшую большое влияние на буржуазную политическую мысль XVIII—XIX вв. Монтескье различал три формы государства: деспотию, основанную на страхе; монархию, имеющую своей опорой «принцип чести»; и республику, покоящуюся на добродетели. Деспотию Монтескье осуждал, республику считал возможной только в малых государствах, а идеальной формой правления для такой страны, как Франция, ему представлялась конституционная монархия, основанная на строгом разделении властей. Государственную власть Монтескье подразделял на исполни-

тельную, законодательную и судебную и считал, что первая должна принадлежать королю и назначаемым им министрам, вторая — двухпалатному парламенту, а третья — независимым и от короля, и от парламента судьям. По мысли Монтескье, эти три власти будут взаимно сдерживать друг друга, что и гарантирует общество от каких-либо узурпаций. Короля Монтескье наделял правом *veto* (запрещения) на решения парламента, а последний — правом ежегодно ветировать налоги и определять контингент армии. Монтескье считал, что верхняя палата должна представлять дворянство, знатных, и состоять из наследственных членов, нижняя палата — избираться населением, но без участия неимущих. К народным массам Монтескье, как и Вольтер, относился с большой опаской. «Даже при народном правлении,— писал он,— власть не должна находиться в руках низшего слоя населения».

На 50-е и 60-е годы XVIII в. приходится расцвет деятельности энциклопедистов, сплотившихся вокруг выдающегося писателя и философа-материалиста Дени Дидро (1713—1784) и издававшейся им совместно с д'Аламбером «Энциклопедии наук, искусств и ремесел».

«Энциклопедия» выходила с 1751 по 1772 г.: всего было издано 28 томов, из них 11 томов иллюстраций и гравюр. Кроме того, в 1774—1776 гг. вышло еще пять дополнительных томов. Сотрудниками «Энциклопедии» были самые крупные писатели и ученые той эпохи (в том числе и Вольтер), а также врачи, инженеры, моряки, знатоки военного дела и др. Они придерживались самых различных философских и политических взглядов, которые и защищали в своих статьях в «Энциклопедии». Но душой «Энциклопедии» была группа философов-материалистов, как Дидро, д'Аламбер, Гольбах, Гельвеций и другие, которые и определяли ее идеально-политическое направление. Именно к этим мыслителям и применяют обычно термин «энциклопедисты».

Энциклопедисты были материалистами и воинствующими атеистами. Правда, их материализм являлся механическим и не распространялся на область общественных явлений. Дидро, например, считал мир материальным. Все в мире представлялось ему лишь как формы существования единой, вечной, несotворенной материи, находящейся в непрерывном движении, источником которого является сама материя. Не было ни акта сотворения мира, ни первоначального божественного толчка. Существование бога Дидро отрицал, саму идею бога считал плодом человеческого невежества, искусно используемую тиранами, чтобы держать народ в рабстве. Ощущение он считал потенциальным свойством материи, на базе которого и возникло человеческое сознание. Но, будучи материалистами в объяснении природы (и сводя движение в природе к простому механическому движению), Дидро и его единомышленники оставались

идеалистами в объяснении общественных явлений. Движущей силой общественного развития они считали идеи, мнения, а основой общественного прогресса им представлялось просвещение, с которым они и связывали свои надежды на лучшее будущее. Социально-политические взгляды энциклопедистов отличались умеренностью. Они стояли за конституционную монархию, правда, более «демократическую», чем монархия Монтескье, и отвергали революцию, хотя и допускали, что если ничего не будет сделано для облегчения участи народа, то революция станет неизбежной. «Несчастия народов влечут за собой революцию», — писал Гольбах.

Дидро горячо ратовал за равенство всех людей перед законом. Он требовал отмены всех привилегий и особых прав, присвоенных знати, духовенству, чиновничеству. Но он категорически высказывался против «химеры абсолютного равенства», понимая под этим имущественное равенство. Уравнительные законы, направленные на то, чтобы воспрепятствовать накоплению богатств путем регулирования наследования и высоких налогов, Дидро считал вредными для развития торговли и промышленности и несовместимыми со «свободой». Неравенство между богатыми и бедными представлялось ему «законным неравенством», которое не может иметь пагубных последствий.

Среди сотрудников «Энциклопедии» была также группа писателей-экономистов, известная под наименованием физиократов (от греческих слов «физис» — природа, «кратос» — господство). Главными представителями этой школы были Франсуа Кенэ, придворный врач Людовика XV, автор известной книги «Экономическая таблица» (1758 г.) и Анн Робер Жак Тюрго, член Парижского парламента, а затем интендант в Лиможе, изложивший свои взгляды в книге «Размышления о создании и распределении богатств» (1766 г.). Физиократы пытались создать теорию общества, основанного на частной собственности и системе наемного труда (т. е. капиталистического общества), но на их взглядах отразилась неразвитость экономических отношений той эпохи. Они считали, что «чистый продукт», т. е. новые ценности, создаются только в земледелии, а промышленность представляет собой лишь «мнимое производство», которое не создает новое, а лишь меняет форму вещества, продукта, созданного в земледелии. Идеалом для них было «земледельческое общество», где земля принадлежит классу собственников, а хозяйство ведет «производительный класс», т. е. фермеры-капиталисты, использующие труд наемных рабочих. Торговцев и промышленников (а также их рабочих) они относили к «бесплодному классу». Это последнее положение отвергал Гурнэ, утверждавший, что мануфактура является источником богатства в такой же мере, как и сельское хозяйство. Физиократы требовали полной свободы торговли и частного предпринимательства, отмены цеховой и меркантилистской регламентации,

невмешательства государства в экономическую жизнь. Эти требования сжато формулировались в знаменитом изречении: «*laisser faire, laisser passer*», т. е. «не мешайте действовать», «не вмешивайтесь». Физиократы требовали также замены всех видов прямого и косвенного обложения населения единым налогом, взимаемым с ренты землевладельца. Ни фермеры-капиталисты, ни капитал вообще не подлежали, с их точки зрения, налоговому обложению, как и заработка плата рабочего, которая всегда, как утверждал Тюрго, ограничивается минимумом, необходимым для поддержания его существования. Мелкое крестьянское хозяйство представлялось им нерентабельным, и они рассчитывали, что такое хозяйство будет в конце концов вытеснено крупным хозяйством фермеров-капиталистов.

Полноправными гражданами физиократы признавали лишь собственников. Охрана собственности от всяких покушений со стороны неимущих представлялась им важнейшей задачей государства, которое, с их точки зрения, должно быть сильным и непременно монархическим. Физиократы отвергали идею ограничения монархии народным представительством, отвергали учение Монтескье о разделении властей и ратовали за «легальный деспотизм», т. е. за самодержавную королевскую власть, правда, соблюдающую законы, но сосредоточивающую в своих руках и законодательную, и исполнительную власть.

Одним из наиболее популярных деятелей Просвещения был Жан Жак Руссо (1712—1788), автор широко известных моралистических романов «Юлия, или Новая Элоиза» (1761 г.) и «Эмиль, или О воспитании» (1762 г.), а также знаменитого политического трактата «Об общественном договоре» (1762 г.). Руссо, сын женевского часовщика, самоучка, прошедший очень суровую школу жизни, обличал не только сословное неравенство, но и неравенство социальное. Он считал, что одного лишь равенства граждан перед законом недостаточно, чтобы обеспечить их фактическое равенство. Руссо заявлял, что граждан нужно уравнять не только в политических правах, но и более или менее уравнять их в имущественном отношении. Он находил, что в разумно устроенном государстве не должно быть ни богатых, ни бедных и что оба эти состояния одинаково гибельны для общественного блага. Руссо был зачинателем нового направления общественной мысли — мелкобуржуазного эгалитаризма.

Руссо не признавал частную собственность «естественным правом». Он доказывал, что на заре своей истории люди не знали ни собственности, ни государства и были действительно равны, хотя и являлись бессильными против природы. Возникновение частной собственности имело самые пагубные последствия для человечества. Она разделила равных ранее граждан на богатых и бедных и повлекла за собой возникновение государства, которое стало в конце концов орудием угнетения бед-

няков богачами. «Первый, кто, отгородив участок земли, напал на мысль сказать „это мое” и нашел людей, достаточно пристодушных, чтобы поверить ему, был подлинным основателем гражданского общества,— писал Руссо.— От скольких преступлений, войн, убийств, от скольких бед и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы своим близким: „Остерегайтесь слушать этого обманщика, вы погибли, если забудете, что плоды принадлежат всем, а земля никому!”».

Но, признав частную собственность злом, Руссо тем не менее считал, что она слишком прочно вошла в общественную жизнь и что возврат к «естественному состоянию», когда люди не знали собственности, уже невозможен. Руссо объявлял частную собственность незыблемой основой общественного порядка, а задачу государства видел лишь в том, чтобы предупреждать чрезмерное накопление богатства у одних и обнищание других. «Ни один гражданин не должен быть настолько богат, чтобы быть в состоянии купить другого, и ни один — настолько беден, чтобы быть вынужденным продавать себя»,— писал он.

Руссо не только не предлагал, но категорически возражал против того, чтобы отнимать богатства у их владельцев. Он считал, что имущества граждан могут быть более или менее уравнены лишь путем таких мероприятий, как дробление состояний между наследниками, введение прогрессивного налога на имущество (Руссо заявлял, что облагать налогом нужно лишь излишек, а не необходимое для жизни), законы против роскоши, а также путем воспитания детей в духе презрения к богатству. Руссо — представитель ограниченного, умеренного эгалитаризма, исключавшего революционный путь к преобразованию отношений собственности.

Политические взгляды Руссо — разновидность мелкобуржуазного демократизма, хотя и не вполне последовательного. Руссо — сторонник народного суверенитета. Закон, по Руссо, это — выражение общей воли. Суверенитет народа неотчуждаем и неделим. Именно поэтому он критикует теорию Монтескье о разделении властей. Он не считает, что законодательная и исполнительная власть самостоятельны, независимы и должны уравновешивать друг друга. Верховная власть у него целиком и полностью отождествляется с законодательной властью, избираемой народом, причем народу принадлежит право утверждения законов, принимаемых законодателями. Исполнительная власть — агент общественной силы, приводящий в действие законы. Верховная власть остается за народом при любой форме правления. Народ может либо сам управлять государством — это демократия, или республика, либо вручить исполнительную власть небольшому числу людей — это аристократия, либо вручить ее одному человеку — это монархия. Руссо считает, что политическими правами должны обладать все граждане, неза-

шисимо от их имущественного положения. Взгляд на рабочих и на других простых людей как на менее достойных уважения он объявляет ложным и низким взглядом. Противоречивым является отношение Руссо к демократии и республике. С одной стороны, это лучшая форма правления, с другой же — практически невозможная. Руссо критикует не только абсолютную монархию, которую он решительно отвергает. Он подмечает и пороки буржуазного парламентаризма. Анализируя политическую историю Англии, Руссо приходит к выводу, что одно лишь избрание депутатов народом еще не гарантирует народных прав. Он обращает внимание на то, что депутаты английского парламента не считаются с волей народа, нарушают свои предвыборные обещания и фактически угнетают народ так же, как угнетала его и абсолютная монархия. «Английский народ считает себя свободным; он горько ошибается; он свободен только во время выборов членов парламента; как только они выбраны, он становится рабом, он ничто», — пишет Руссо.

Парламентаризму Руссо противопоставлял «прямую демократию» — строй, когда народ города-государства вроде древних Афин весь, целиком собирается на площади и сам решает государственные дела, поручая исполнение принятых решений им избранным и им контролируемым магистратам. Но такая форма правления возможна, с его точки зрения, лишь в небольших государствах. Кроме того, она предполагает добрые нравы и отсутствие слишком большого имущественного неравенства между гражданами. «Если бы существовал народ, состоящий из богов, то он управляемся бы демократически. Такое совершенное правительство не годится для людей», — читаем мы у Руссо.

Практически для такой страны, как Франция, Руссо считал единственно возможной формой правления конституционную монархию, но при том непременном условии, что высшая власть в государстве — законодательная, что король — лишь агент общественной силы, что граждане утверждают законы, принятые народными представителями.

Руссо осуждал официальную католическую церковь, клеймил ее нетерпимость и пр., но он в равной мере отвергал и атеизм, считая его губительным для общественной морали. Подобно Вольтеру, Руссо стоял на позициях деизма, но если Вольтер видел в деизме религию разума, то Руссо — религию чувства.

Не менее известным политическим писателем был и аббат Габриэль Мабли (1709—1785), автор таких произведений, как «О правах и обязанностях гражданина» (1758 г.), «Заметки по истории Франции» (три тома, 1765—1788 гг.), «Сомнения о естественном порядке политических обществ» (1768 г.), «О законодательстве» (1776 г.) и др. Теоретически Мабли отдавал предпочтение республике и коммунизму. Наиболее соответствующим природе человека он считал такой строй, основным законом

которого является общность имуществ и обязанность для всех трудиться. Такой строй существовал, по его мнению, на заре истории человечества, но был безвозвратно утрачен в результате невежества и злоупотреблений. Воздорить «золотой век» человечества — строй коммунизма — уже невозможно, поскольку частная собственность испортила нравы людей и пустила слишком прочные корни. Но возможно смягчить крайности имущественного неравенства. Практически Мабли выступал за конституционную монархию (правда, с очень урезанными полномочиями короля) и за уравнительные мероприятия в духе Руссо: ограничения торговли, законы против роскоши, аграрные законы (т. е. установление максимума земельного участка, которым может владеть одно лицо), дробление имуществ при наследовании. Теоретически Мабли признавал право народа на восстание против тирании. Он считал революции не только возможными, но и желательными. Он заявлял, что «гражданская война является благом, когда общество без помощи этой операции подвергается риску погибнуть от деспотизма». Однако в современной ему Франции Мабли не считал революцию неизбежной. Он полагал, что необходимые для Франции реформы могут быть осуществлены без гражданской войны. Он призывал Парижский парламент потребовать созыва Генеральных штатов, которые могут преобразовать себя в народное представительство и выработать конституцию.

По вопросу о политических правах граждан Мабли сделал шаг назад по сравнению с Руссо. Теоретически Мабли допускал, что все люди должны иметь равные права. Но он испытывал определенные опасения перед народными массами. Мабли полагал, что те, кто живет за счет заработной платы, получающей от богатых, якобы духовно принижены своей зависимостью. Закон должен видеть в них некий «род граждан», но они не должны участвовать в народных собраниях политического характера. Мабли полагал, что к управлению государством можно допускать лишь тех, кто чем-нибудь владеет. Именно Мабли дал теоретические аргументы в руки тех деятелей Учредительного собрания, которые разделили граждан на категории «активных» и «пассивных».

Фактически Мабли стоял на левом крыле буржуазной политической мысли. Но, защищая коммунизм как порядок, хотя и не осуществимый, но наиболее соответствующий природе человека, он тем самым способствовал распространению коммунистических идей. Это же нужно сказать и о Дидро, который будучи убежденным сторонником частной собственности и системы наемного труда, создал вместе с тем одну из наиболее ярких коммунистических утопий XVIII в.—«Добавление к путешествию Бугенвиля» (1772 г.), где якобы от имени этого известного французского мореплавателя восхвалял нравы и обычай таитян, не знавших понятий «моего» и «твоего».

Главными представителями французского утопического коммунизма XVIII в. были Жан Мелье (1664—1729) и политический писатель и историк, известный под именем Морелли.

Жан Мелье, скромный сельский священник из Шампани, при своей жизни ничего не публиковал. Но перед смертью он разослав трем друзьям рукопись своего «Завещания», в котором были изложены его коммунистические и атеистические взгляды. Два экземпляра рукописи погибли, а третий попал в Париж, где с него стали делать списки и распространять по рукам. Один из таких списков попал к Вольтеру, который нашел рукопись «слишком бунтовщической», но все же опубликовал в 1762 г. извлечения из нее под названием «Избранные мнения Жана Мелье, адресованные его прихожанам». Полностью «Завещание» было опубликовано лишь в 1864 г. в Амстердаме по случайно найденному у букиниста списку. Когда в конце 1793 г. началась дехристианизация, то по предложению А. Клоотса Конвент постановил соорудить в Храме Разума статую в честь Жана Мелье «как первого из священников, отказавшегося от религиозных заблуждений».

Жан Мелье ярко обличал существующий строй, основанный на господстве знатных и богатых над народом. Он обличал королей-тиранов, которые проливают потоки народной крови и требуют, чтобы их за это называли «великими». Он обличал обманщиков-попов, которые выдумали басню о боже, о бессмертии души, о счастливой загробной жизни для тех, кто на земле пребывает в голоде и нищете. «Служители религии, властвующие над нашей совестью,— писал он,— являются самыми наглыми обманщиками, а государи и прочие сильные мира сего, властвующие над нашим телом и имуществом,— самыми крупными ворами и убийцами». Жан Мелье призывал народ подняться, взяться за вилы и топоры и истребить всех своих угнетателей. «Постарайтесь объединиться, сколько вас есть, вы и вам подобные,— обращался он к беднякам,— чтобы окончательно стряхнуть с себя тираническое господство ваших властителей и королей. Ниспровергните повсюду эти троны несправедливости и нечестия, размозжите все эти коронованные головы, сбейте гордость и спесь со всех ваших despотов». Вместе с тем Жан Мелье доказывал, что даже если народ и свергнет гнет дворян, церкви и королей, то он еще не добьется своего действительного освобождения, если оставит в неприкосновенности главный источник всех общественных зол— частную собственность на землю и ее плоды. «Вы будете жалкими и несчастными, вы и ваши потомки,— обращался он к своим читателям,— пока вы в ущерб общему благу будете норовить присваивать каждый себе порознь все то, чем следует владеть сообща, и пока вы не пожелаете обратить все в общее достояние в каждом приходе, чтобы всем на общих основаниях пользоваться благами земли и плодами трудов ваших».

Жан Мелье доказывал, что все жители одного города или одного прихода должны составлять как бы одну большую семью. Они должны любить друг друга как братья и сестры, должны жить и трудиться совместно. Все должны иметь одинаково хорошие жилища, одежду, пищу. Работы должны распределяться между членами общины по временам года и в зависимости от потребности в тех или иных продуктах. Управляют общинами «старцы», т. е. наиболее мудрые и опытные их члены. Общины входят в союз друг с другом в целях сохранения мира и взаимной помощи, без которой их благосостояние было бы непрочным.

Счастливое будущее людей Жан Мелье видел в коммунизме, но самый этот строй он представлял себе еще крайне примитивно, исходя из круга деревенских отношений. Коммунистическое общество, по Мелье, это совокупность самодовлеющих общин-приходов. У него нет идеи единой народнохозяйственной организации, подчиненной в своей деятельности общему плану, да и само представление о народном хозяйстве оставалось вне его кругозора. Жан Мелье соединял идею коммунизма с идеей народной революции, но и революцию он понимал еще также крайне примитивно — как стихийный крестьянский бунт.

Имя Морелли — одно из самых загадочных в истории французского Просвещения. Этому автору принадлежат (или приписываются ему) несколько книг, из которых наиболее известны «героическая поэма» — утопия «Базилиада» (1753 г.) и научно-политические трактаты «Государь» (два тома, 1751 г.) и «Кодекс природы, или Истинный дух ее законов» (1755 г.). Однако о самом авторе этих произведений ничего не известно. Не исключено, что «Морелли» — псевдоним, но попытки раскрыть этот псевдоним не дали результатов. В 1772—1773 гг. «Кодекс природы» был включен в состав двух изданий сочинений Дидро — амстердамского и лондонского. Дидро не принимал участия в подготовке этих изданий, но не счел нужным опровергнуть, что не он автор «Кодекса». На этом основании современники приписывали это сочинение Дидро. Бабёф на Вандомском процессе 1797 гг. ссылался в своей защитительной речи на Дидро, как на автора «Кодекса природы» и учителя коммунизма.

Морелли считал коммунизм единственным строем, соответствующим «кодексу природы», — естественным природным свойствам человека. На заре своей истории люди жили в «естественному состоянии», основанном на равенстве и общности. Существующий строй, по Морелли, неразумен и возник в результате ошибок и заблуждений законодателей, установивших, вопреки законам природы, частную собственность на землю и продукты труда. Но Морелли оптимистически смотрит в будущее. Он верит в силу разума. Как недостаток разумного понимания, недостаток просвещения обусловили ошибки законо-

дателей, давших простор «частному интересу», который он объявляет «всеобщей чумой», так и успехи разума, успехи проповедования дадут возможность исправить эти ошибки и возродить «золотой век» человечества, но уже на более высоком уровне развития. Коммунистическое общество будущего, где все будет общим достоянием и где все будут трудиться. Морелли представлял себе как сложную хозяйственную организацию с далеко идущим разделением труда и подчиняющуюся единому народнохозяйственному плану. Коммунизм Морелли носит централистический характер и предполагает весьма своеобразную политическую организацию общества.

Автор «Государя» и «Базилиады» — монархист. В этих произведениях Морелли отвергает демократию на том основании, что она якобы очень быстро превращается в хаос, в анархию. Наилучшей формой правления, наиболее прочной здесь является монархия, причем предпочтение отдается неограниченной, абсолютной монархии. Идеал власти для Морелли в этих книгах — власть абсолютного государя, заботящегося о благе своих поданных и обожаемого ими. Именно такой «добрый монарх» изображен в «Базилиаде», где он является и создателем, и руководителем коммунистического общества. В «Кодексе природы» государя уже нет. Но здесь нет и никаких выборных властей. Во главе каждой трибы (нечто вроде квартала) стоит начальник, которого в порядке очередности выделяет каждая семья и который занимает свой пост пожизненно. Каждый начальник трибы поочередно в течение года исполняет обязанности начальника города, а каждый начальник города поочередно в течение года занимает пост начальника провинции. Должность главы государства является пожизненной, ее занимают начальники провинций в порядке очередности. Существуют также сенаты городов, провинций и Верховный сенат нации, все — невыборные: в городах сенаторами являются главы семей, достигшие 50 лет; члены Верховного сената нации — по два и больше сенатора от каждого города поочередно.

В коммунистическом обществе будущего Морелли каждому гарантируется «право на труд», но каждый обязан трудиться. Дети получают образование за счет общества. Сельскохозяйственный труд является повинностью для всех граждан в возрасте от 20 до 25 лет, а затем по желанию. В городах каждая профессия составляет корпорацию, цех, причем число рабочих каждого цеха фиксируется в зависимости от общественных потребностей. Все продукты поступают в общественные магазины и распределяются по потребности. Торговли и обмена нет. Существуют также законы против роскоши и суровые кары за их нарушение.

Коммунистическая теория Морелли носила утопический и сугубо мирный, просветительский характер. Свои надежды на лучшее будущее Морелли связывал не с революционной борь-

бой масс (как Жан Мелье), а исключительно с успехами проповедования, с улучшением нравов. Утопия Морелли не нашла широкого отклика у современников, но оказала большое влияние на формирование взглядов Бабёфа и коммунистов-утопистов XIX в., особенно Фурье и Кабе.

В литературе предреволюционных лет все чаще высказывались также уравнительные идеи, отражавшие вековечные мечты французского крестьянина о земле. Эти идеи развивал, в частности, известный социальный писатель Ретиф де ля Бретон (сын крестьянина, работавший многие годы наборщиком в типографии), сочетавший их с идеями общинного коммунизма. В романе «Развращенный крестьянин» (1775 г.) он устами одного из персонажей говорил: «Мы сделаем собственниками всех тех, кто обрабатывает землю для себя, и этим осчастливим народы... Мы будем стремиться уменьшить все огромные состояния и увеличить состояния крестьян, превращая их постепенно в собственников... Мы установим значительный налог на все, что является роскошью».

В 1781 г. Ретиф де ля Бретон опубликовал роман-утопию «Южное открытие», в котором совсем в стиле Вераса д'Алле описывал идеальный общественный строй, существующий у неких мегапатагонцев, обитающих в южном полушарии. У этого народа существует лишь один закон: «Все должно быть общим между равными. Каждый должен работать на общее благо». Общественный строй мегапатагонцев — общинный коммунизм. Каждые сто семей образуют общину, проживающую в одном огромном здании, в котором имеются как жилые помещения для отдельных семей, так и общие залы для трапез, развлечений и пр. Все мегапатагонцы трудятся: мужчины выполняют все работы вне дома, а также все тяжелые работы; доля женщин — более легкие домашние работы. В 1782 г. вышла в свет новая книга Ретифа «Андрограф», в которой излагался план переустройства жизни уже европейских наций на началах общинного коммунизма. Население каждой страны объединяется в общинны-корпорации. В деревнях создаются крестьянские общинны с общей собственностью на землю. В городах в отдельные общинны-корпорации объединяются ремесленники, торговцы, негociанты и лица умственного труда — литераторы, работники искусств, врачи, адвокаты и др. Все эти корпорации являются производственно-потребительскими товариществами. Орудия труда принадлежат всей корпорации и лишь распределяются для пользования между ее членами. Корпорации обмениваются между собой продуктами своего труда. Они обеспечивают своих членов питанием, одеждой, жилищем, заботятся о больных и нетрудоспособных.

Еще в 1788 г. Ретиф закончил разработку плана всеобщего уравнительного передела земли, который он опубликовал в своей книге «Тесмограф», вышедшей в свет уже в конце 1789 г. Этим

планом предусматривалось полностью ликвидировать церковное землевладение и крайне ограничить дворянское землевладение (от 100 до 800 арпанов на семью). Зато все ротюре (разночинцы) должны были получить наделы в размере либо 18, либо 36, либо 72 арпанов на семью (в зависимости от того, является ли земля хорошей, среднего качества или плохой) и стать собственниками. Через каждые 50 лет вся земля должна была пускаться в новый передел.

Сочетание у Ретифа проектов уравнительного передела земли с идеями общинного коммунизма ярко обнажает крестьянские в основном корни его социальных утопий.

В брошюре Госселена «Размышления гражданина» (1787 г.) излагался план наделения землей неимущих. Автор (ссылавшийся на свое крестьянское происхождение) заявлял, что самый быстрый способ уничтожить всякое неравенство между людьми — это обратить все имущества в общественную собственность, а затем произвести равный раздел их по примеру спартанского законодателя. Если же этот способ покажется опасным, то Госселен предлагал другой путь: королевские домены, церковные земли и земли, не обрабатывавшиеся в течение десяти лет, должны быть разбиты на равные участки и распределены между неимущими. В дальнейшем государство приступит к выкупу для такого же равномерного раздела частновладельческих земель, ассигнуя для этой цели ежегодно определенные суммы. Через несколько лет вся территория Франции будет равномерно распределена между ее счастливыми обитателями. Наделы всех являются неотчуждаемыми. Каждый участок соответствует потребностям одной семьи. Никто не может иметь двух участков. Надел отца получает один из сыновей, а остальных снабжает наделами государство.

Передовая общественно-политическая мысль (отражавшая интересы буржуазии и в известной мере интересы крестьянско-плебейских масс) достигла во Франции XVIII в. большой зрелости. Просветители не только камня на камне не оставили от доктрин и догм, освящавших существующие феодально-абсолютистские порядки, но и разработали целый ряд позитивных социально-экономических и политических программ, послуживших в буквальном смысле этого слова «руководством к действию» для самых различных политических группировок в эпоху революции.

Просветители подготовили революцию идейно, в умах, хотя почти все они призывали не к революции, а к реформам.

Реформы Тюрга и Неккера

В мае 1774 г. умер Людовик XV, и на престол вступил его внук Людовик XVI, которому не было еще и двадцати лет. От нового короля ждали реформ. И действительно, юный Людовик XVI склонялся на первых порах и к экономии государственных средств, и к реформам. Он отказался от 24 млн ливров, поднесенных ему по обычаям при вступлении на престол. Были сосланы в свои поместья графиня Дюбарри, канцлер Мопу и другие одиозные фигуры предшествующего царствования. На пост генерального контролера финансов был назначен бывший лиможский интендант и крупный ученый-экономист Тюрго, представивший королю целую программу реформ в духе учения школы физиократов. В планы Тюрга входили и ликвидация налоговых изъятий для привилегированных, и отмена феодальных прав дворянства и церкви (одних прав — за выкуп, других — безвозмездно), и введение общинного, окружного и провинциального самоуправления, и многое другое. Но первые же попытки начать осуществление этих реформ привели к падению Тюрга. Новый король оказался человеком бесхарактерным, нерешительным, легко подчинявшимся влиянию окружавшей его среды. Его можно было склонить к реформам, но еще легче — отговорить от них. Он постоянно метался от реформ к реакции и снова к реформам, чтобы в конце концов оставить все по-старому.

Первая из реформ Тюрга коснулась хлебной торговли, которая с давних пор подвергалась самой жесткой регламентации. Покупать зерно или муку у земледельцев можно было только на рынке. Закупки зерна на дому у фермеров или сен্দлеров были разрешены лишь парижским купцам. Земледелец мог хранить дома снятый урожай не более двух лет, а по истечении этого срока обязан был вывести его на рынок. Местные власти могли обязать земледельца вывести свой урожай на рынок и раньше этого срока. Назначались специальные комиссары, которые обязаны были следить за тем, чтобы зерно и мука регулярно и в достаточном количестве доставлялись на рынки. Заниматься хлеботорговлей могли лишь те лица, которые получали на это специальное разрешение от властей. Эти и другие ограничения хлебной торговли имели целью обеспечить рынки зерном и мукой и тем предотвратить голодные волнения, особенно в крупных городах, которых власти очень боялись. Казна вкладывала крупные суммы в торговлю хлебом, заключая контракты с купцами или с компаниями, и почти всегда неся убытки на этом. Эта система хлеботорговли порождала массу злоупотреблений. В последние годы царствования Людовика XV стали даже распространяться слухи о «голодном пакте» (*pacte de famine*), т. е. о хлебных спекуляциях на народной нужде, участником которых называли самого короля. Тюрго, убежден-

ный сторонник принципа *laisser faire, laisser passer*, уговорил Людовика XVI подписать сентябрьский эдикт 1774 г., которым отменялись все регламенты и ограничения хлебной торговли и провозглашалась ее полная свобода. Земледельцы могли продавать свой хлеб где, когда им угодно и кому угодно. Запрещалось кому-либо выдавать себя за агентов короля по покупке хлеба, так как король не намерен был больше вмешиваться в хлеботорговлю. Разумеется, Тюрго понимал, что отказ от административного регулирования хлебной торговли может повлечь за собой повышение цен на хлеб. Но он сознательно шел на это, так как считал политику низких хлебных цен ошибочной. Он был уверен, что более высокие хлебные цены окажутся выгодными и для сельских хозяев, и даже для рабочих, поскольку предприниматели будут вынуждены повысить им заработную плату.

К несчастью для министра-реформатора урожай 1774 г. оказался плохим, и цены на хлеб, даже независимо от отмены прежнего порядка хлеботорговли, стали повышаться. Если в мае 1774 г. печенный хлеб в Париже продавался по цене 2 су за фунт, то в мае 1775 г.— уже по 3 су 3 денье за фунт. В других местах повышение хлебных цен было еще более значительным. Этого оказалось достаточно, чтобы вызвать широкое народное движение против дороговизны и спекуляции, известное под названием «мучной войны» (*guerre des farines*).

Движение началось 18 апреля 1775 г. в Дижоне, а затем перекинулось в бассейн Сены и Уазы, докативших 2—4 мая до Версаля и Парижа, где оно достигло своего кульмиационного пункта. В «мучной войне» ярко проявились бунтарские методы борьбы,ственные народным «низам» той эпохи. Толпы рабочих, ремесленников, бедных крестьян, включая и женщин, топили баржи с зерном на Сене и Уазе, жгли хлебные склады в Понтуазе и других местах. Но в большинстве случаев эти люди не уничтожали зерно и муку, а либо забирали их себе безвозмездно, либо заставляли торговцев продавать свои припасы народу «по справедливой цене». Именно таков был характер движения в Париже. 2 мая толпы народа появились в Версале и исторгли у короля слезы и обещание установить цену на хлеб в 2 су за фунт. А 3—4 мая тысячи людей, в том числе много женщин, врывались в парижские булочные, заставляя отпускать им хлеб по 2 су за фунт и громя лишь те лавки, хозяева которых отказывали им в этом. На стенах домов Парижа появились мятежные афиши (рукописные) вроде следующей: «Если хлеб не подешевеет, а министра не сменят, мы истребим короля и весь род Бурбонов». На подавление этого движения было брошено до 25 тыс. солдат. Войска заняли все дороги, ведущие в Париж. На рынках и у булочных были выставлены усиленные караулы. Только в Париже были арестованы сотни человек.

При дворе царила растерянность. Реформаторский пыл молодого короля заметно поутих. Подняли голову враги Тюrgo. В том же 1775 г. обосновавшийся в Париже (и весьма преуспевший в своих финансовых операциях) женевский банкир Неккер опубликовал брошюру против Тюрго, в которой доказывал ошибочность политики свободной торговли хлебом и требовал восстановить ее административное регулирование. Правда, в феврале 1776 г. король подписал еще шесть эдиктов о реформах, подготовленных Тюрго. Одним из них отменялась дорожная барщина, которую несли только крестьяне. Она заменялась дорожным налогом, падавшим на все слои населения, в том числе и на привилегированных. Другой из этих февральских эдиктов объявлял о ликвидации цехов и предоставлял каждому право заниматься каким угодно промыслом (кроме профессий парикмахеров, аптекарей, ювелиров и типографчиков). Еще раньше Тюрго подал королю мемуар о веротерпимости, рекомендуя ему предоставить каждому своему подданному исповедовать ту религию, которую он считает истинной. Теперь уже всполошилась не только придворная знать, но и церковь. Заволновались и парижские цеховые мастера, которые вовсе не желали отказываться от своих привилегий. Парижский парламент отказался внести в свои регистры королевские указы о реформах, и Людовику XVI пришлось устроить *Lit de justice* (заседание с присутствием короля), чтобы принудить его к этому. Но некоторые провинциальные парламенты так и не зарегистрировали эти указы. Выпущенную в 1776 г. другом Тюрго Бонсерфором брошюру «О неудобстве феодальных прав» Парижский парламент приговорил к сожжению рукою палача, что и было выполнено. Брат короля граф Прованский (будущий Людовик XVIII) написал памфлет против Тюрго. В конце концов и Людовик XVI отступил от министра-реформатора. «Идеи господина Тюрго опасны, и их новизна требует отпора», — пометил он на одной из записок Тюрго.

В мае 1776 г. Тюрго, не пробыв и двух лет у власти, получил отставку, а все его реформы были либо прямо отменены, либо преданы забвению. Падение Тюрго вызвало тревогу в либерально-буржуазных кругах, возлагавших на министра-реформатора большие надежды. Парижские банкиры отказывались предоставлять королю новые займы. Это заставило его призвать к власти уже упоминавшегося выше банкира Неккера, имевшего репутацию экономиста-теоретика и сторонника реформ. Поскольку Неккер был иностранцем и протестантом, он не мог занять во Франции пост министра. Он был назначен сначала директором казначейства (октябрь 1776 г.), а затем генеральным директором финансов (июнь 1777 г.). Фактически Неккер выполнял около четырех лет функции генерального контролера финансов, хотя формально эту должность занимало другое (подставное) лицо. Неккеру действительно удалось навести из-

ицтвий порядок в финансовом ведомстве. Он сократил расходы на содержание двора и заключил ряд новых займов, правда, под несмета большие проценты. Но результаты его реформаторской деятельности были ничтожны. Ему удалось убедить короля подписать эдикт об освобождении сервов на королевских землях (1779 г.). Однако освободить сервов на церковных землях король не решился. Неккер уговорил короля приступить к административной реформе: в двух провинциях, в Берри и Верхней Гиени, были созданы провинциальные собрания, в которых половина мест принадлежала третьему сословию. Но попытки создать такие собрания (уполномоченные производить раскладку налогов) еще в двух-трех провинциях натолкнулись на сопротивление привилегированных, и король не поддержал предложений Неккера, направленных на то, чтобы сломить это сопротивление. В мае 1781 г. Неккера постигла судьба Тюрго: он получил отставку. Желая внушить доверие кредиторам к государственным финансам, Неккер с разрешения короля опубликовал отчет о состоянии финансов. И хотя этот отчет скрывал наличие большого дефицита в бюджете, он все же проливал известный свет на траты двора. Этого оказалось достаточно, чтобы вызвать скандал и падение Неккера.

Политика частичных, половинчатых реформ, с которых началось новое царствование, была теперь надолго оставлена. Пассивный по натуре король махнул на все рукой. Он целыми днями пропадал на охоте или в полюбившейся ему мастерской слесаря Гамена. Все большее влияние на короля приобретала легкомысленная, любившая увеселения и расточительная королева Мария-Антуанетта (дочь австрийской императрицы Марии-Терезии), которую в народе окрестили прозвищем «мадам Дефицит». С неистощимой изобретательностью она придумывала все новые развлечения. Празднества и балы следовали одни за другими. Королева и слушать не хотела ни о какой «экономии». По ее прихоти перестроили дворец в Трианоне, затеяли перепланировку Версальского парка. Король также приучался сорить деньгами. Понравился ему охотничий замок в Рамбуйе, и замок был куплен, хотя это обошлось казне в 10 млн ливров. На покупку для королевы замка в Сен-Клу, где она хотела выращивать цветы, было затрачено 6 млн ливров. Веселой придворной жизни предавались и братья короля, граф Прованский и граф д'Артуа, ухлопывая на свои удовольствия громадные суммы. Главным пороком нового двора стала карточная игра. В Версале или в Трианоне играли азартно, на крупные суммы, проигрывая за ночь целые состояния. Граф д'Артуа (будущий Карл X) наделал долгов на 23 млн ливров. Эти долги были покрыты за счет казны, как и долги графа Прованского.

Последствия всего этого нетрудно было предвидеть. Еще Тюрго незадолго до своей отставки предупреждал Людови-

ка XVI, что слабость характера может дорого ему стоить. «Никогда не забывайте, государь,— писал он,— что только слабость привела голову Карла I на плаху».

Эти слова оказались поистине пророческими!

Новые управляющие королевскими финансами, сначала Жоли де Флери, затем Лефевр д'Ормессон, а с 1783 г. Шарль Калонн,— все до единого посредственные администраторы, ставшиеся угодить и королеве, и братьям короля, и не забывавшие о собственном кармане,— быстро довели страну до острейшего в ее истории финансового кризиса. Возникновению этого кризиса способствовала также новая война с Англией, в которую оказалась втянутой французская монархия.

В 1775 г. в североамериканских колониях Англии началась война за независимость. Для французской монархии предстался удобный случай взять хотя бы частичный реванш за свое поражение в Семилетней войне. С самого начала военных действий в Северной Америке французское правительство стало оказывать повстанцам тайную помощь оружием и боеприпасами. Правда, французскому королю не совсем удобно было принять сторону «мятежников», какими являлись для него американские колонисты. Посредником в этом деле выступил уже приобретавший известность драматург Пьер Бомарше, «Севильский цирюльник» которого, полный язвительных выпадов против дворян и попов, только что с большим успехом был поставлен на сцене (1775 г.). Бомарше, который одновременно являлся весьма предприимчивым финансистом, учредил фиктивный торговый дом «Родриго Горталес и К°» и, получая тайные субсидии от французского и испанского правительства, организовал переброску в Северную Америку транспортов с мушкетами, пушками, порохом и обмундированием для войск повстанцев. С 1776 по 1783 г. фирма «Родриго Горталес и К°» израсходовала на эти цели свыше 21 млн ливров.

После принятия «Декларации независимости» (4 июля 1776 г.) и формального отделения североамериканских колоний от Англии в Париж прибыл официальный представитель молодой заокеанской республики знаменитый ученый Бенджамин Франклайн, которому был оказан восторженный прием. Правда, король не дал ему официальной аудиенции, но с графом Верженнем, тогдашним французским министром иностранных дел, у Франклина установились самые добрые отношения. Передовая французская общественность горячо сочувствовала освободительной борьбе американского народа. Молодой маркиз Лафайет, лейтенант французской службы, снарядил на собственный счет корабль «Победа» и отплыл на нем в 1777 г. вместе с другими офицерами-добровольцами в Северную Америку вопреки запрету короля. Лафайет и его друзья храбро воевали в Америке и заслужили там всеобщее уважение. Лафайету было присвоено звание генерала американской армии.

В феврале 1778 г. между Францией и республикой США были заключены союзный и торговый договоры, и Франция открыто вступила в войну с Англией, а вслед за ней это сделали Испания и Голландия. В Северную Америку были отправлены регулярные французские войска под командованием генерала Рошамбо и французская эскадра под командованием адмирала де Грасса, сыгравшие крупную роль в окончательном разгроме англичан. По Версальскому мирному договору 1783 г. Англия признала независимость США и пошла на некоторые мелкие уступки Франции в колониальных вопросах. Но своих главных целей, которые преследовала французская монархия, начиная новую войну с Англией (вернуть Канаду и другие утраченные в 1763 г. территории), она так и не добилась. А между тем участие Франции в войне в Северной Америке обошлось ей в 2 млрд ливров. По окончании же войны расточительный Калонн за какие-нибудь три года увеличил государственный долг еще на 653 млн ливров.

Но война в Северной Америке имела для французской монархии и другого рода последствия. Пример североамериканцев, завоевавших независимость своей страны и установивших у себя республику, воодушевил всех тех, кто в самой Франции боролся за свободу. Резко усилилась критика дворянства, церкви, двора. Для общественных настроений тех лет характерен шумный успех новой комедии Бомарше «Свадьба Фигаро» (1784 г.), в которой убожеству и бездарности аристократа, графа Альмавивы, «давшему себе единственный труд — родиться», противопоставлены ум, энергия, изобретательность Фигаро, человека из народа, но уже наделенного буржуазными чертами. Цензура запретила эту пьесу, представлявшую собой смелую и бичующую сатиру на дворянскую касту. Людовик XVI поклялся, что в его царствование «Свадьба Фигаро» не будет играться. Но королева все же добилась ее постановки на сцене Французского театра, не подозревая, что эта веселая комедия в большей мере подрывала дворянско-монархические устои, чем самые глубокие философские трактаты.

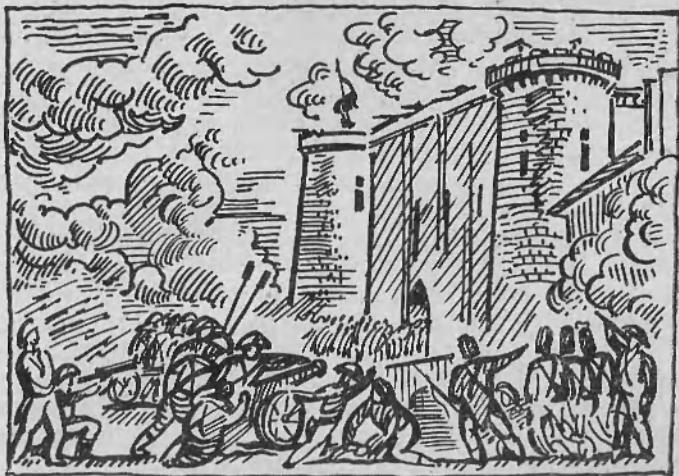
А вскоре разразилось громкое «дело об ожерелье» (1785 г.). Кардинал Роган, епископ Страсбургский, оказался в немилости у королевы. Одна авантюристка, графиня Ламотт, дала ему совет: подарить королеве страшно дорогое ожерелье, которое той очень хотелось иметь. Ожерелье было взято у ювелира под поручительство кардинала и вручено графине Ламотт для передачи королеве. В Версальском парке, при луне, Рогану было устроено свидание с женщиной, которую он принял за королеву. Но королева не надевала ожерелья, а Роган не получал ожидаемой им министерской должности. Кардинал стал жертвой обмана. Ожерелье было увезено в Англию и там продано. Когда ювелир потребовал плату за ожерелье, обман вскрылся. Епископ Страсбургский был арестован во время богослужения

и предан суду вместе с графиней Ламотт. Суд оправдал Рогана, а графиня Ламотт была приговорена к пожизненному заключению, но бежала из тюрьмы и затем распространяла слухи, весьма оскорбительные для королевы.

В 1786 г. на монетном дворе в Страсбурге было отчеканено некоторое количество луидоров с изображением короля, украшенным непочтительными рогами. Репутация королевской четы была утрачена задолго до революции.

Неудача реформ Тюrgo и Неккера и растущая расточительность нового двора приблизили революционный взрыв во Франции, который был совершенно неизбежен.

ГЛАВА II НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

Все изменилося. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотиною Версаль и Трианон,
И мрачным ужасом смененные забавы.
Преобразился мир при громах новой славы.

(А. С. Пушкин)

Назревание революционного кризиса

Годы царствования Людовика XVI ознаменовались так называемой «феодальной реакцией». Стремясь повысить свои доходы, дворяне усиливали феодальные поборы с крестьян. Они восстанавливали уже давно забытые, но формально еще не отмененные крестьянские повинности, заменяли менее им выгодный чинш шампаром или даже испольшиной, платежи по которым взимались в натуральной форме, захватывали пустующие земли и сдавали их затем крестьянам на условиях краткосрочной аренды и т. п. Наступление сеньеров наталкивалось на растущее сопротивление крестьянства. Французскую деревню захлестнул поток судебных конфликтов между сельскими общинами и сеньерами. Крестьяне требовали от сеньеров предъявления «подлинных» документов в обоснование своих притязаний. Процессы с сеньерами крестьяне, как правило, проигрывали, но это еще усиливало их недовольство. В 1782 г.

в районе Севенских гор вспыхнуло восстание «вооруженных масок», или «маскаратов», охватившее также Жеводан и горное Виваре. Отряды «маскаратов» громили помещения судов и нотариатов, жгли судебные бумаги. Восстание было жестоко подавлено. Многие участники были приговорены к колесованию или к повешению, сосланы на галеры. Однако подавленные в одном месте крестьянские восстания вспыхивали в других. В том же 1782 г. происходило восстание крестьян в Пуату, в 1786 г.— в Визиле, в 1787 г.— вновь в районе Севенских гор.

Наряду с крестьянством на борьбу поднималась и городская беднота. В 80-е годы продолжалось повышение цен на хлеб и другие продукты, начавшееся еще в предшествующее десятилетие. По подсчетам Э. Лабруssa стоимость 24 наиболее ходовых продовольственных и иных товаров первой необходимости была в 1771—1789 гг. на 45% выше по сравнению с периодом 1726—1741 гг., а в 1785—1789 гг.— выше на 65% по сравнению с тем же периодом 1726—1741 гг. Цена сетье (240 фунтов) пшеницы поднялась в женералитэ Суассона с 16,8 ливра в 1786 г. до 32,1 ливра в 1789 г., а в женералитэ Орлеана за те же годы— с 20,2 до 34,3 ливра. Аналогичная скачка цен на хлеб наблюдалась почти повсеместно. Соответственно этому все шире развертывалась борьба городской и сельской бедноты за дешевый хлеб. Голодные волнения и бунты, подобные «мучной войне» 1775 г., вспыхивали все чаще. В 1777 г. они происходили в Лангедоке и в Керси, в 1782 г.— в Лавале и Пуатье; в 1784 г.— в женералитэ Руана, и т. д. Формы борьбы за хлеб были различны. Наблюдались и прямой захват зерна или муки, и поджоги хлебных складов. Но преобладающей формой борьбы была «народная таксация». Торговцев заставляли продавать зерно или муку по «честной цене», не выше определенного уровня, сурово расправляясь в теми; кто отказывался. Эта форма народной борьбы за хлеб была унаследована и революцией.

В предреволюционные годы Францию поразил ряд стихийных бедствий. Засуха 1785 г. вызвала фуражный голод. В 1787 г. наблюдался недород шелковых коконов как во Франции, так и в итальянских государствах. Это повлекло за собой сокращение лионского шелкоткацкого производства. В конце 1788 г. в Лионе насчитывалось 25 тыс. безработных шелкоткачей. Сильный град в июле 1788 г. побил урожай зерновых во многих провинциях. Крайне суровая зима 1788/89 г. погубила многие виноградники и часть урожая огородных культур. Цены на продовольствие вновь подскочили.

Снабжение рынков хлебом и другими продуктами резко ухудшилось. В довершение всего начался торговово-промышленный кризис, толчком к которому послужил англо-французский торговый договор 1786 г. По этому договору обе стороны значительно понизили таможенные пошлины на товары из другой страны. Договор, вступивший в силу в мае 1787 г., был выго-

ден тем французским купцам, которые ввозили в Англию предметы роскоши, вина, водки и другие аналогичные товары.

Но он оказался убийственным для французского хлопчатобумажного и шерстяного производства (и для многих других), которые не могли выдержать конкуренции более дешевых английских товаров, хлынувших во Францию. Сокращение производства началось с осени 1787 г. и продолжалось до конца 1788 г. В шерстяном производстве в городах Амьене и Абвиле до кризиса действовали 7547 станков, а в конце 1788 г.— только 3666 станков. Без работы только в этой местности остались 36 тыс. прядильщиков и ткачей. Кроме того, в вязальном производстве в этом же районе в конце 1788 г. насчитывалось 10 тыс. безработных. Наполовину сократилось полотняное производство в Шампани. В Каракассоне и его окрестностях в конце 1788 г. насчитывалось 30 тыс. безработных. Кризис и безработица поразили почти все промышленные районы страны. Кризис народных волнений и бунтов круто пошла вверх.

В стране складывалась революционная ситуация. Нужда и бедствия угнетенных классов обострились сверх обычной меры. Налицо было значительное повышение активности масс, которые все решительнее поднимались на борьбу со своими вековыми угнетателями. Общественные «низы» больше не хотели жить по-старому. Вместе с тем и правящие «верхи» уже не могли больше управлять по-старому. Налицо был «кризис „верхов“», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов¹.

Этой «трещиной» послужил конфликт между монархией и привилегированными, который А. Матье называл «возмущением дворян». Положение королевских финансов становилось все более критическим. Государственный долг, составлявший в 1774 г. 1,5 млрд ливров, возрос к 1788 г. до 4,5 млрд ливров. Если в 1774 г. бюджет был сведен с дефицитом в 28 млн ливров, то в бюджете 1788 г. дефицит достиг уже 126 млн ливров (доходы—503 млн ливров, расходы—629 млн ливров). Выплата процентов по долгам и погашение составляли в бюджете 1788 г. самую большую статью расхода—318 млн ливров, т. е. более половины всех расходов. Прямые и косвенные налоги, падавшие на третье сословие, были и без того безмерно велики. Банкиры отказывали в новых займах. У французской монархии не было иного выхода из финансового кризиса, как только попытаться заставить привилегированных платить налоги, которые они до сих пор почти не платили. Оказавшись на грани банкротства, правительство Людовика XVI решило еще раз прибегнуть к реформам. «Дефицит стал национальным сокровищем»,— шутил по этому поводу известный либеральный деятель той эпохи граф Мирабо. Но, как и в прошлом, дворянство, выс-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218.

шее духовенство, парламенты снова выступили против реформ, не колеблясь даже стать на путь нарушения монархической законности, вплоть до разжигания народных волнений и стычек с войсками.

Инициатором реформ на этот раз явился Шарль Калонн, занимавший с 1783 г. пост генерального контролера финансов. В августе 1786 г. он представил королю план улучшения финансов, возрождавший многие идеи Тюрго и Неккера. Для покрытия дефицита предлагалось ввести табачную монополию, гербовый сбор со всех бумаг, обложить особым налогом колониальные товары, главное же — заменить двадцатину, которую платило фактически лишь третье сословие, новым земельным налогом, который падал бы на все земли в королевстве, в том числе и на земли дворянства и духовенства. Для оживления торговли предлагалось ввести свободу хлебной торговли и отменить внутренние таможенные пошлины. Калонн возвращался также к планам Тюрго и Неккера относительно местного самоуправления. Предлагалось создать общинные собрания, в которых участвовали бы все собственники с годовым доходом не менее 600 ливров, а также окружные и провинциальные собрания (с совещательным голосом). Понимая, что подобная программа не найдет поддержки со стороны парламентов, Калонн посоветовал королю созвать нотаблей (знатных), из которых каждый персонально приглашался королем и на лояльность которых можно было рассчитывать. Но получилось иначе. Авторитет королевской власти упал уже так низко, что даже нотабли не пошли за нею.

Нотабли собрались в Версале в феврале 1787 г. Среди них были принцы крови, герцоги, маршалы, епископы и архиепископы, президенты парламентов, интенданты, депутаты провинциальных штатов, мэры главных городов — всего 144 персоны. Министр-реформатор подвергся ожесточенным нападкам и был в конце концов объявлен главным виновником дефицита, поскольку Неккер в своем отчете 1781 г. не показал такового. Калонн защищался, разоблачал ошибки отчета Неккера, но был уличен в бесконтрольном расходовании государственных средств, в злоупотреблении пенсиями и даже в том, что покрыл собственные долги за счет казны. Людовику XVI пришлось дать отставку незадачливому реформатору (апрель 1787 г.). Позднее Парижский парламент постановил предать Калонна суду по поводу его растрат, и ему пришлось спасаться бегством в Англию. Преемником Калонна по рекомендации королевы Марии-Антуанетты был назначен архиепископ Тулузский Ломени де Бриенн, которому нотабли предоставили заем в 67 млн ливров, что позволило заткнуть некоторые дыры в бюджете. Но утвердить земельный налог, падавший на все сословия, нотабли отказались, сославшись на свою неправомочность. Это означало, что они отсылали короля к Генеральным штатам, созыва

которых прямо потребовал либерально настроенный участник этого собрания маркиз Лафайет. Строптивые нотабли были распущены (май 1787 г.).

Силой обстоятельств Ломени де Бриен был вынужден проводить политику, намеченную его предшественником. Один за другим появляются эдикты короля о свободе хлебной торговли, о замене дорожной барщины денежным налогом, о гербовом и иных сборах, о возвращении гражданских прав протестантам, о создании провинциальных собраний, в которых третье сословие имело представительство, равное представительству двух привилегированных сословий, вместе взятых, наконец, о земельном налоге, падающем на все сословия. Но Парижский и иные парламенты отказываются регистрировать эти эдикты. 6 августа 1787 г. устраивается *Lit de justice* (заседание с присутствием короля), и спорные эдикты вносятся в книги Парижского парламента. Но на другой день парламент отменяет как незаконные постановления, принятые накануне по приказу короля. Король в гневе высылает Парижский парламент в Труа, но это вызывает такую бурю протестов, что Людовик XVI вскоре амнистирует непокорный парламент, который теперь также требует созыва Генеральных штатов. Однако король не решается еще на этот шаг, который представляется ему весьма опасным. По совету хранителя печати Ламуаньона он объявляет 8 мая 1788 г. о реформе парламентов, лишая их права ремонстраций. Создается новый орган — Общая палата (*Court pleniere*), состоящая из назначенных королем высших сановников и уполномоченная регистрировать королевские эдикты. У парламентов отнималась также значительная часть гражданских и уголовных дел, которые передавались 47 окружным судам. Судебная аристократия апеллирует к улице, пытается вызвать народные волнения, направленные против реформы парламентов. Ее поддерживают провинциальные штаты, собрание духовенства (которое заявило 15 июня протест против создания «Общей палаты» и уменьшило на три четверти требуемую от него субсидию) и даже часть офицеров, которые отказываются подавлять мятежи, вспыхнувшие в защиту парламентов. Такие мятежи имели место в Дижоне, в Тулузе, и во многих других местах. В г. По (провинция Беарн) местный интендант ввел войска в здание парламента. 19 июня в По ворвались крестьяне с окрестных гор, завладели артиллерийским парком гарнизона, осадили дом интенданта и вернули членов парламента на их места. В Ренне (Бретань) в течение мая и июня происходили столкновения между войсками и народом. Местные дворяне вызывали на дуэль офицеров армии, остававшихся верными королю.

Главари мятежной аристократии, отстаивая по сути дела феодальные привилегии, заговорили теперь «языком философов». Они ссылаются на «естественные права» человека, про-

тестуют против «министерского деспотизма». Либеральная буржуазия также примыкает к движению и пытается овладеть им.

Большой отклик в стране нашли события в провинции Дофине. 10 мая 1788 г. командующий войсками в этой провинции герцог Клермон-Тоннер явился в парламент Гренобля (главный город Дофине) и заставил его внести королевские эдикты о судебной реформе в свои книги. Вслед затем он отправил членов парламента на каникулы, а здание парламента запер и ключи от него унес с собой. Это вызвало протест со стороны местного дворянства. Члены парламента также набрались храбрости и, собравшись 20 мая на дому у своего президента, потребовали отмены эдиктов о судебной реформе и даже заявили, что если этого не будет сделано, «то провинция Дофине сочтет себя свободной от сохранения верности своему государю». Это заявление не осталось безнаказанным. Утром 7 июня все члены гренобльского парламента получили королевские *lettres de cachet* с приказом немедленно выехать в ссылку — каждому в предназначное для него место. Весть об этих приказах мгновенно разнеслась по городу. Удалили в набат. На улицы вышли 40 ремесленных корпораций, к которым присоединились и жители окрестных деревень. Герцог Клермон-Тоннер вывел из казарм два пехотных полка, но солдаты и даже офицеры отказывались стрелять в народ. Лишь один младший офицер — сержант Бернадот, будущий маршал Наполеона и король Швеции — приказал своим солдатам открыть огонь по толпе, но был сам ранен и едва унес ноги. Со всех крыш и балконов на солдат сыпались черепицы («день черепиц»). Народ осадил дом Клермон-Тоннера, смял охрану и заставил перепуганного герцога выдать ключи от здания парламента. Войска отступили. Торжественно, под звон колоколов, члены парламента были возвращены в их дворец. Правда, через несколько дней они все же подчинились королевскому приказу и отправились в ссылку. Однако вместо них к руководству движением пришли другие люди.

14 июня в ратуше Гренобля встретились представители дворянства, духовенства и третьего сословия и приняли предложенную адвокатом Мунье резолюцию с требованием созыва провинциальных штатов с двойным представительством третьего сословия, а также созыва Генеральных штатов королевства «для исцеления нации от удручающих ее недугов». Три сословия Дофине не замедлили избрать своих депутатов в провинциальные штаты, которые должны были собраться в Гренобле 21 июля. От духовенства было избрано 50 депутатов, от дворянства — 165, от третьего сословия — 276. Правда, власти Дофине запретили депутатам собраться в Гренобле. Но провинциальные штаты Дофине — прообраз будущих Генеральных штатов — собирались в назначенный день (т. е. 21 июля) в замке Визиль, принадлежавшем крупным промышленникам Перье,

и приняли адрес к королю с требованием восстановить парламент Дофине и все другие парламенты, созвать Генеральные штаты королевства и штаты во всех провинциях с двойным представительством в них третьего сословия. Они призвали все остальные провинции присоединиться к этому постановлению, а также не платить больше налогов, пока не будут созваны Генеральные штаты.

«Призыв Дофине» получил широкую поддержку в стране. Движение за восстановление прав парламентов, начатое судейской аристократией, все более перерастало в движение за созыв Генеральных штатов, причем руководящую роль в этом движении явно перехватывала буржуазия. Привилегированные заботились теперь лишь о том, чтобы Генеральные штаты были созваны в старых формах, т. е. чтобы третье сословие получило лишь одну треть мест и чтобы голосование производилось посosловно. Наоборот, буржуазия все громче требовала, чтобы третье сословие получило в Генеральных штатах половину мест и чтобы голосование производилось индивидуально, а не посosловно.

Правительство было вынуждено пойти на уступки. 8 августа 1788 г. Ломени де Бриенн объявил о роспуске «Общей палаты» и о решении короля созвать 1 мая 1789 г. Генеральные штаты. А в конце августа Ломени де Бриенн получил отставку и к власти вновь был призван Неккер (с титулом генерального директора финансов и с включением в Государственный совет). Судебная реформа Ламуаньона была отменена и парламенты восстановлены во всех своих правах. Напуганный голодными волнениями в городах Неккер вновь стал регулировать хлебную торговлю. Он воспретил экспорт хлеба и приказал закупать хлеб за границей. Восстановили также обязательство продавать зерно и муку только на рынках (а не на дому). Местным властям было разрешено производить учет зерна и муки и заставлять владельцев вывозить свои запасы на рынки. Но пре-сечь рост цен на хлеб и другие продукты Неккеру не удалось.

Для решения вопроса о том, в каких формах должны быть созваны Генеральные штаты, вновь были собраны нотабли (ноябрь — декабрь 1788 г.). Нотабли высказались за предоставление третьему сословию одной трети мест и посosловное голосование. Однако Неккер настаивал на предоставлении третьему сословию половины мест в Генеральных штатах. 12 декабря пять принцев крови — граф д'Артуа, принцы Конде и Конти, герцоги Бурбонский и Энгиенский — подали королю меморандум, предостерегавший против каких-либо уступок в ущерб дворянству и церкви. «Государство в опасности... готовится революция в принципах управления,— писали они.— Вот-вот будет атаковано право собственности, неравенство состояний будет представлено как объект для реформы: уже была потребована отмена феодальных повинностей... Может ли Ваше Величество

решиться принести в жертву, унизить свое храброе, древнее и почтенное дворянство?». Этот «манифест аристократии» произвел большое впечатление на короля, но вернуться к средневековым формам созыва Генеральных штатов он все же не считал возможным. На заседании королевского совета 27 декабря было решено предоставить третьему сословию половину мест в Генеральных штатах. Но вопрос о порядке голосования в Генеральных штатах — посословном или индивидуальном — остался нерешенным.

24 января 1789 г. были опубликованы королевский указ о созыве Генеральных штатов и регламент выборов. Первому и второму сословиям предоставлялось право избрать по 300 депутатов каждому, третьему сословию — 600 депутатов. Выборы предписывалось произвести по бальяжам и сенешальствам (т. е. по судебным округам). Для дворянства и духовенства выборы были всеобщими, но прямыми они были только для дворян, а для духовных лиц — частью прямыми, частью двухстепенными (приходские священники лично участвовали в собрании духовенства, монахи же посыпали одного делегата на монастырь). В третьем сословии к выборам допускались только налогоплательщики, достигшие 25 лет, причем выборы были трехстепенными, а mestами даже и четырехстепенными. В городах, например, налогоплательщики собирались по корпорациям или округам (для не членов корпораций) и избирали выборщиков. Эти последние составляли городское избирательное собрание, посыпавшее своих делегатов в избирательное собрание бальяжа, которое и избирало депутатов. Столь же многоступенчатыми являлись выборы и для сельских жителей. Одновременно, в соответствии с давними традициями, король приглашал всех избирателей заявить о своих пожеланиях и жалобах.

Выборы в Генеральные штаты вызвали невиданный прежде подъем политической активности самых широких слоев народа. По всей стране происходили избирательные собрания на разных уровнях. На этих собраниях не только избирались выборщики или депутаты, но и принимались наказы, которыми депутаты должны были руководствоваться. Эти наказы (*cahiers de doléances* — в буквальном переводе «тетради жалоб») ярко отразили настроения и требования различных групп населения. Дворянство соглашалось на периодический созыв Генеральных штатов и вотирование ими налогов, но требовало сохранить чисто сословный характер этого учреждения. Против равенства в области налогообложения дворянство решительно возражало и настаивало также на сохранении своих сеньериальных прав. Наказы от третьего сословия требовали, чтобы все без исключения дворянские и церковные земли облагались налогом в том же размере, как и земли непривилегированных. Эти наказы требовали не только периодического созыва Генеральных штатов, но и того, чтобы они представляли не сословия, а нацию и что-

бы министры были ответственны перед нацией, представленной в Генеральных штатах. Крестьянские наказы требовали уничтожения всех феодальных прав сеньеров, всех феодальных платежей, десятины, исключительного для дворян права охоты и рыбной ловли, возвращения захваченных сеньерами общинных земель и т. п. Чисто рабочие требования в наказах отсутствуют, так как эти наказы писали не рабочие, а их хозяева. Зато требования буржуазии относительно отмены всех стеснений торговли и промышленности были изложены в наказах полно и ясно. Все наказы, в том числе и дворянские, осуждали *lettres de cachet*, судебный произвол, требовали суда присяжных, свободы мысли, слова и печати.

Выборы в Генеральные штаты сопровождались также изданием многочисленных брошюр и памфлетов, авторы которых излагали свои взгляды на проблемы дня и формулировали самые различные социально-экономические и политические требования. Большой успех имела брошюра аббата Сийеса «Что такое третье сословие?» (январь 1789 г.). Автор ее доказывал, что только третье сословие составляет нацию, а привилегированные — чужды нации, бремя, лежащее на нации. Именно в этой брошюре был сформулирован знаменитый афоризм: «Что такое третье сословие? Все. Чем оно было до сих пор в политическом отношении? Ничем. Чего оно требует? Стать кое-чем в политическом отношении». Сийес предлагал, чтобы депутаты от третьего сословия, которых предстояло избрать, собирались отдельно от привилегированных и образовали Национальное собрание. «Долой аристократию!» — таков был лейтмотив его брошюры.

Анонимный автор брошюры «Жалобы бедного народа, адресованные Генеральным штатам» (апрель 1789 г.) протестовал против отстранения от выборов в Генеральные штаты «бедного класса, лишенного всякой собственности». «Мы видим, — писал он, — что выбор представителей, которые должны составлять собрание Генеральных штатов, произведен лишь среди класса, пользующегося соответствующей собственностью. Мы принадлежим по праву к третьему сословию, которое справедливо уравнено в этом собрании с представителями духовенства и дворянства; но среди представителей, выбранных от третьего сословия, нет никого из нашего класса; кажется, что все было сделано в пользу богачей и собственников имущества».

Литератор Дюфурни де Вилье в брошюре «Наказы четвертого сословия — бедных поденщиков, немощных, неимущих и т. д.» (апрель 1789 г.) обличал несправедливость такого общественного устройства, когда одни имеют в своих руках все, другие — ничего. «В самом деле, разве не жадность, соединенная с политикой, — писал он, — выдумали эти системы, согласно которым собственность и богатства, сконцентрированные в руках маленькой части общества, низводят столь большое число

лиц до положения необеспеченных людей, тех людей, которые, покинутые обществом, вынуждены нищетой отдавать все свое время, все свои силы, даже свое здоровье за оплату, которая составляет лишь цену хлеба, необходимого для пропитания». Дюфурни доказывал, что лица, работающие по найму, составляют фактически особое «четвертое сословие» и что их интересы прямо противоположны интересам «фабрикантов», которые «постоянно заняты тем, чтобы уменьшать заработную плату рабочим, калькулируя их силу, их пот, их утеша, их нищету и их жизнь».

Появление такого рода брошюра показывает, как велики уже были внутренние противоречия в третьем сословии, которое представлялось Сийесу единой «нацией». Это были в основном еще противоречия между «богачами» и «бедняками», т. е. между верхами буржуазии «старого порядка» — банкирами, откупщиками, купцами-«фабрикантами», — и широкой массой неимущих и малоимущих, включая не только наемных рабочих, но и мелких ремесленников, лавочников и другие слои «мелкого люда». В зачаточной форме существовал уже и антагонизм между формирующимся пролетариатом и капиталистами-предпринимателями, как крупными, так и мелкими. Однако в борьбе против привилегированных, против абсолютистской монархии все классы и группы третьего сословия выступали сообща, единым антифеодальным фронтом, хотя между различными составными частями этого фронта уже происходили конфликты и столкновения.

К концу апреля 1789 г. завершились выборы в Генеральные штаты. Депутатов было избрано несколько меньше, чем предусматривалось королевским регламентом. От духовенства избрали 291 депутата, среди них более 200 приходских священников, либерально настроенных и готовых к реформам. Наибольшую известность из них вскоре приобрел депутат от бальяжа Нанси аббат Грекуар. От дворянства было избрано 270 депутатов, из них к «патриотам» (т. е. склонных к реформам) принадлежало не более 90 депутатов, все — представители высшей знати: маркиз Лафайет, виконт Ноайль, герцог Ларошфуко, герцог Эгийон и др. Большинство депутатов дворянского сословия принадлежало к мелкому провинциальному дворянству и было настроено крайне реакционно. Их лидером стал Казалес, драгунский офицер, мелкий дворянин с юга. От третьего сословия было избрано 578 депутатов, более половины из них юристы, в том числе около 200 адвокатов. Деловой мир представляли примерно 100 депутатов: коммерсанты, банкиры, промышленники. Сельская буржуазия была представлена более чем 50 богатыми землевладельцами. Ни крестьян, ни ремесленников, не говоря уже о рабочих, среди депутатов Генеральных штатов не было. От третьего сословия были избраны также некоторые дворяне и священники: граф Мирабо (от Экса), аббат Сийес (от Парижа) и др.

Пока шли выборы в Генеральные штаты, народное движение в стране продолжало нарастать. По подсчетам И. Тэна, за четыре месяца, предшествовавших взятию Бастилии, во Франции произошло более 300 вспышек бунта. В основном это были еще голодные бунты. Как в городах, так и в сельской местности сотни, а то и тысячи людей, вооруженных топорами, вилами, косами, а иногда и мушкетами, совершили походы за хлебом и устанавливали на него принудительно низкие цены. Однако эта «война за хлеб» все более перерастала в «войну против замков». Толпы крестьян вторгались в замки или монастыри и забирали имевшийся там хлеб. Они заставляли также сеньоров или аббатов отказываться от своих прав на баналиитет мельницы или на сбор десятины и пр. Имели место уже и отдельные случаи убийств сеньоров или управляющих. Наиболее знаменательным событием этого времени был стихийный бунт бедноты в парижском предместье Сент-Антуан, сразу выдвинувший парижских сайкуотов в авангард массового движения в стране.

Экономическое положение парижского «мелкого люда» было очень тяжелым. Зимой 1788/89 г. в Париже насчитывалось до 80 тыс. безработных. Цена обычно выпекавшегося в Париже четырехфунтового хлеба подскочила от 8—9 су до 14—15 су и держалась на этом уровне до лета 1789 г. И это при средней поденной оплате рабочего от 20 до 30 су! В таких условиях достаточно было самого незначительного повода, чтобы вызвать стихийную вспышку отчаяния, какой и явилось знаменитое «дело Ревельона» (27—28 апреля 1789 г.). К этому времени в Париже распространился слух, что два богатых «фабриканта» — владелец селитроварни Анрио и владелец мануфактуры бумажных обоев Ревельон, выступая на собрании парижских выборщиков, якобы потребовали понижения заработка платы рабочим до 15 су в день. Этот слух (в действительности Ревельон, просвещенный буржуа, выборщик от Парижа, сторонник реформ, требовал такого понижения цен на хлеб, которое дало бы возможность существовать даже рабочим, получающим не более 15 су в день) вызвал взрыв ярости среди голодающего населения предместья Сент-Антуан, где были расположены дома и заведения обоих этих «фабрикантов».

27 апреля, около 3 ч дня, возле Бастилии стали собираться толпы бедняков, которые быстро росли. Вскоре собравшиеся, в общей сложности до 3 тыс. человек, двинулись по прилегающим улицам. Современники рассказывают, что это были бедно одетые люди, с бледными, изможденными лицами. Толпа выкрикивала: «Смерть богачам! Смерть аристократам! Смерть скупщикам! Долой попов!». Впереди несли нечто вроде виселицы, на которой болтались манекены, изображавшие Ревельона и Анрио. Когда толпа подошла к мануфактуре Ревельона, то оказалось, что ее охраняет отряд grenader в 50 человек. Толпа пошла дальше, к дому Анрио, который не охранялся, и подверг-

ла его полному разгрому. Сам Анрио спасся бегством, но все его имущество бросили в огромный костер, разожженный на улице. На другой день, 28 апреля, после 6 ч вечера, толпы народа, еще более многочисленные, опять появились у дома Ревельона. Охрана была прогнана, народ ворвался в дом и заведение Ревельона и полностью разгромил их, переломал мебель, оборудование и пр. Вскоре на место происшествия прибыли войска, которые открыли огонь по толпе. Народ взялся за камни, черепицы, палки и вступил в ожесточенную схватку с войсками. Раздавались крики: «Свобода! Убийцы! Мы не уступим!». К 8 ч вечера все было кончено. Народ был разогнан. В саду одного дома было сложено до сотни трупов. Сотни раненых народ унес с собой. Многие были арестованы.

События 27—28 апреля в предместье Сент-Антуан еще раз показали, какую глубокую ненависть питали общественные «низы» к имущим классам, включая не только дворянско-церковную знать, но и верхи самой буржуазии.

Волны народного гнева вздымались все выше, грозя снести с лица земли обветшавшее здание тысячелетней монархии.

Взятие Бастилии и «муниципальная революция»

5 мая 1789 г. в Версале, в просторном зале дворца «Малые забавы» («Menus plaisirs») состоялось торжественное открытие Генеральных штатов. Депутаты были размещены посословно: справа от кресла короля сидело духовенство, слева — дворянство, напротив — третье сословие. Дворянство и высшее духовенство блестало яркими и пышными нарядами. Депутаты третьего сословия были одеты во все черное. На галереях находились многочисленные зрители. Заседание открыл король, который предостерег депутатов от «опасных нововведений» («innovations dangereuses») и дал понять, что видит задачу Генеральных штатов лишь в том, чтобы изыскать средства для пополнения государственной казны. Неккер также ничего не сказал о реформах, но сразу же потребовал нового займа в размере 80 млн ливров.

Между тем страна ждала от Генеральных штатов именно реформ, и депутаты третьего сословия не могли не считаться с этим. Конфликт между сословиями в Генеральных штатах был неизбежен, и он начался уже на другой день, 6 мая, когда депутаты духовенства и дворянства собрались на отдельные заседания, чтобы приступить к проверке полномочий депутатов. Тем самым они давали понять, что Генеральные штаты будут заседать и голосовать по-старому: посословно. Но депутаты третьего сословия отказались конституироваться в особую палату и пригласили депутатов от духовенства и дворянства к совместной проверке полномочий. Начались долгие переговоры между со-

словиями, в которые вмешался и король, требуя посословных заседаний и посословного голосования. Однако депутаты третьего сословия, на стороне которых было сочувствие и поддержка подавляющего большинства народа, твердо стояли на своем: совместные заседания сословий и индивидуальное голосование. В конце концов в рядах депутатов сначала от духовенства, а затем и от дворянства наметился раскол. На заседании «общин» (так стали называть себя депутаты третьего сословия) 10 июня аббат Сийес предложил обратиться к привилегированным с последним приглашением к совместным заседаниям и предупредить их, что независимо от их явки или неявки «общины» приступят к общей проверке полномочий депутатов. Это предложение было принято. 12 июня «общины» начали перекличку депутатов всех трех сословий по бальзажным спискам. В последующие дни к депутатам третьего сословия присоединилось около 20 депутатов от духовенства. Это придало им смелости, и на заседании 17 июня «общины» большинством в 490 голосов против 90 провозгласили себя Национальным собранием (*Assemblée nationale*), призвав народ прекратить уплату всяких налогов, если Собрание по тем или иным причинам будет распущено. Этот революционный акт нашел широкий отклик в стране и оказал решающее воздействие на позицию духовенства. Через два дня депутаты от духовенства после бурных прений и незначительным большинством постановили присоединиться к третьему сословию. Герцог Филипп Орлеанский и депутаты-дворяне от Парижа предложили и дворянскому сословию присоединиться к «общинам». Правда, это предложение не было принято. Король и его окружение были взбешены. Было решено устроить непокорным депутатам *Lit de justice* (королевское заседание), чтобы обязать их заседать и голосовать по-старинному, а пока король распорядился закрыть зал «Малых забав» под предлогом внутреннего ремонта. Утром 20 июня депутаты третьего сословия нашли этот зал запертym и охраняемым солдатами. Тогда они собрались в Зале для игры в мяч (*Jeu de paume*), где обычно развлекались придворные, и по предложению адвоката Мунье дали знаменитую клятву не расходиться до тех пор, пока не выработают для своей страны конституцию. 22 июня Национальное собрание заседало в церкви св. Людовика, причем на этом заседании присутствовали не только депутаты от третьего сословия, но и приходские священники, а также несколько дворян.

23 июня в зале «Малых забав» для Генеральных штатов было устроено «королевское заседание» (*Lit de justice*). Депутаты были рассажены по сословно, как и 5 мая. Публика на галерее не была допущена. Версаль был наводнен войсками. Король резко отчитал «общины» и объявил, что отменяет их постановления, принятые 17 июня. Он приказал депутатам всех трех сословий разойтись в отведенные им помещения и заседать

посословно. Король обещал сословиям, что будет советоваться с ними по вопросам финансов, налогов и пр., но не допустит ни ограничения своей власти, ни нарушения традиционных прав дворянства и духовенства. Он заявил, что из ведения Генеральных штатов изымаются все дела, касающиеся «феодальной и сеньериальной собственности, полезных прав и почетных прерогатив двух первых сословий», причем подчеркнул, что под словом «собственность» понимаются «десятины, цензы, ренты, феодальные и сеньериальные права и обязательства».

Уверенный в том, что его повеления будут немедленно выполнены, король удалился. Вместе с ним ушла большая часть духовенства и почти все дворяне. Но депутаты третьего сословия остались сидеть на своих местах. Когда же церемониймейстер маркиз де Дрё-Брезе напомнил председателю «общин», ученому-астроному Байи, о повелении короля, то Байи ответил: «Собравшейся нации не приказывают». Затем поднялся Мирабо и бросил прославившие его слова: «Ступайте и скажите вашему господину, что мы находимся здесь по воле народа и оставим наши места, только уступая силе штыков!».

Король приказал было лейб-гвардии разогнать непослушных депутатов. Но когда гвардейцы пытались войти в зал «Малых забав», дорогу им со шпагами в руках преградили маркиз Лафайет, герцог Ларошфуко, герцог Лианкур и еще несколько знатных дворян, оставшихся с «общинами». Тогда король махнул рукой: «Ну, и черт с ними, пусть остаются!» (*Eh bien, foutez, qu'ils restent!*!).

На этом же заседании «общины» по предложению Мирабо объявили о неприкосновенности членов Национального собрания и о том, что всякий, кто посягнет на их неприкосновенность, подлежит уголовной ответственности. На другой день большинство духовенства, а еще через день и 47 депутатов от дворян во главе с герцогом Филиппом Орлеанским соединились с третьим сословием в Национальном собрании. А 27 июня король приказал им всем остальным депутатам от дворянства и духовенства присоединить к Собранию.

Так совершилось преобразование Генеральных штатов в Национальное собрание, которое 9 июля объявило себя Учредительным национальным собранием (*Assemblée nationale constituante*) в знак того, что считает своей главной задачей выработать для Франции конституцию. В этот же день оно заслушало мемуар Мунье об основах будущей конституции, а 11 июля Лафайет представил проект Декларации прав человека, которую он, следуя американскому образцу, считал необходимым предпослать конституции.

Сплочению депутатов третьего сословия в борьбе за реформы, а также установлению их контактов с либерально настроенными представителями дворянства и духовенства способствовал Бретонский клуб (*Club breton*), начало которому было полу-

жено в конце апреля, т. е. тогда, когда депутаты только еще съезжались в Версаль. Первоначально в этом клубе (в одном из версальских кафе) встречались лишь бретонцы, т. е. депутаты от Бретани, объединившиеся вокруг адвоката Ле Шапелье. В дальнейшем к ним стали присоединяться единомышленники из депутатов от других провинций, в том числе Мирабо, Сийес, герцог д'Эгийон, виконт Ноайль, Барнав, Петион, Вольней, аббат Грекуар, братья Шарль и Александр Ламет, молодой адвокат из Арраса Максимилиан Робеспьер и др. Члены клуба собирались обычно накануне важных заседаний Генеральных штатов и намечали общую линию поведения. О численности клуба можно судить по тому, что на его заседании в начале двадцатых чисел июня, проходившим под председательством герцога д'Эгийона, присутствовало около 150 депутатов. Сторонники короля смотрели на этот клуб (а это был зачаток будущего Якобинского клуба) весьма косо и называли его членов не иначе, как «заговорщиками».

Преобразование Генеральных штатов в Национальное учредительное собрание было встречено с большой радостью как в Париже, так и по всей стране. Сийес, Мирабо, Мунье и другие отличившиеся в словесных баталиях во дворце «Малых забав» депутаты стали героями дня. Но положение Собрания было еще очень непрочным. Ни король, ни его окружение не хотели примириться со своим поражением и готовились к разгону Собрания. Поскольку же было совершенно ясно, что в защиту Собрания выступит население Парижа, постольку принимались меры и к тому, чтобы усмирить парижских «бунтовщиков».

Еще 26 июня король отдал приказ о концентрации в Париже и его окрестностях армии в 20 тыс. человек, преимущественно наемных немецких и швейцарских полков, которые считал более надежными. Концентрация войск продолжалась до 10 июля. Войска расположились в Сен-Дени, Сен-Клу, Севре и даже на Марсовом поле. Общее командование войсками было возложено на маршала Брольи. Прибытие войск сразу же накалило атмосферу в Париже. В саду Пале-Рояля (дворца герцога Орлеанского) стихийно возникали митинги, на которых раздавались призывы оказать отпор «иностранным наймитам». 25 июня в музее Парижа собрались парижские выборщики — те, кто избрали депутатов от третьего сословия Парижа в Генеральные штаты. Выборщики потребовали создания в Париже особой милиции из «уважаемых граждан», т. е. буржуазной милиции, которая должна была не только оказать сопротивление королевским войскам, но и не допустить повторения в столице событий, аналогичных «делу Ревельона». В дальнейшем выборщики перенесли свои заседания в ратушу, и старые городские власти примтились с этим. Но самым неприятным сюрпризом для короля оказалось революционное брожение в войсках. Уже 24 июня караулы королевской лейб-гвардии, расставленные у дворца

«Малые забавы», отказались выполнить приказ о недопущении публики в зал заседаний Национального собрания. В тот же день первая рота французских гвардейцев, стоявшая в Париже, дала клятву не повиноваться, если ей будет отдан приказ стрелять в народ. По приказу командира полка 11 гвардейцев были арестованы и заключены в тюрьму Аббатства. 30 июня около 4 тыс. парижан окружили Аббатство и освободили арестованных гвардейцев, которых затем понесли на руках по улицам Парижа. Вызванные для восстановления порядка драгуны и гусары кричали «Да здравствует нация!» и отказывались разгонять толпу.

8 июля Национальное собрание обратилось к королю с адресом, прося его отозвать войска из Парижа. Король ответил, что он вызвал войска для охраны Собрания, но если присутствие войск в Париже беспокоит Собрание, то он готов перенести место его заседаний в Нуайон или Суассон. Этот ответ ясно показал, что король готовил именно разгон Собрания.

11 июля Людовик XVI дал отставку Неккеру и преобразовал министерство, поставив во главе его барона Бретейля, предложившего принять самые крайние меры против Парижа. «Если нужно будет сжечь Париж, мы сожжем Париж», — говорил он. Пост военного министра в новом кабинете занял маршал Брольп. Это было министерство государственного переворота. И это было ясно всем.

Париж узнал об отставке Неккера после полудня 12 июля. Это был воскресный день. Толпы народа высипали на улицы. Из музея восковых фигур взяли бюсты Неккера и герцога Орлеанского и понесли их по городу. Сразу же начались стычки с войсками. В немецкие полки Рейнаха и Эстергази, стоявшие на Елисейских полях и на площади Людовика XV, полетели камни. Те отвечали выстрелами. Кавалерийский отряд из немецкого полка князя Ламбеска атаковал толпу у сада Тюильри, но должен был отступить под градом камней и щебня. С ограды сада Пале-Рояля молодой адвокат Камиль Демулен бросил клич: «К оружию, граждане!» Вскоре этот клич гремел повсюду. Толпы народа врывались в оружейные лавки, захватывая там оружие. В предместьях разрушали заставы, где взимались пошлины с ввозимого в Париж продовольствия. Вечером народ заставил отменить все спектакли «по случаю траура отечества». Всю ночь город был ярко освещен. По улицам ходили патрули из вооруженных граждан. Французские гвардейцы, среди которых были такие люди, как Лефевр, Эли, Лазар Гош, почти целиком перешли на сторону народа.

На другой день, 13 июля, восстание еще более разрослось. С раннего утра звучал набат. Продолжались нападения народных толп на оружейные лавки и таможенные заставы. В кузнецких мастерских ковались пики. Вооруженные граждане и французские гвардейцы ворвались в монастырь Сен-Лазар и вывез-

ли из него на Центральный рынок 52 подводы с зерном и мукой, которые были проданы «по справедливой цене». Около 8 ч утра в ратуше собрались парижские выборщики. На заседание были приглашены также купеческий старшина Парижа Флессель и эшевены (члены старого городского совета). На этом заседании, проходившим под председательством Флесселя, был создан новый орган муниципальной власти — Постоянный комитет, в состав которого вошли восемь членов старого городского управления и четырнадцать членов, назначенных выборщиками. Но этот чисто буржуазный по своему составу орган не столько руководил восстанием, сколько старался сдержать народ. На этом же заседании принимается решение о создании в Париже «гражданской милиции», в состав которой каждый округ (а для выборов в Генеральные штаты Париж был разбит на 60 округов) должен был выставить по 200 человек (в дальнейшем — по 800). Но характерно, что вступающие в милицию должны были вооружиться и экипироваться за свой счет, т. е. неимущие из нее заранее исключались. Парижские буржуа с охотой записывались в гражданскую милицию, на которую они смотрели как на орган, охраняющий их собственность. Известные банкиры Этьен Делессер, Превото, Куандр, Боскари вступили в эту милицию вместе со всеми своими служащими.

Народное восстание в Париже возникло и развертывалось стихийно. Его никто заранее не готовил. Не имелось ни какого-либо повстанческого штаба, ни каких-либо оперативных планов. Восстание творили толпы народа, собиравшиеся в разных кварталах города вокруг отдельных смельчаков и искавшие оружие и продовольствие: оружие, чтобы оказать отпор «иностранным наймитам», и продовольствие, чтобы накормить своих голодных жен и детей. Едва ли не самым важным объектом нападений для этих толп являлись таможенные заставы, окружавшие Париж. В течение 4 дней волнений были сожжены или как-то иначе разрушены 40 таможенных застав (из 54). Вторым объектом нападений для народа являлись здания, где рассчитывали найти какое-либо оружие.

Утром 14 июля 7 или 8 тыс. человек напали на Дом инвалидов, подвалы которого представляли крупнейший в Париже арсенал. Солдаты охраны отказались стрелять в народ, и комендант Дома инвалидов маркиз Сомбрейль приказал открыть ворота. В Доме инвалидов народ захватил около 30 тыс. мушкетов, 5 пушек и много всякого холодного оружия. Но главное событие этого дня — взятие Бастилии. Крепость-тюрьма Бастилия, возвышавшаяся над предместьем Сент-Антуан, была ненастна народу. Ее разрушения требовали многие наказы. Гарнизон Бастилии был невелик: рота инвалидов и 30 швейцарцев, всего — 110 человек. Но на башнях Бастилии стояли пушки, а в подвалах хранились мушкеты, порох, холодное оружие. С утра 14 июля около Бастилии толпились жители предместья

Сент-Антуан, хотевшие завладеть этим оружием. Постоянный комитет пытался предотвратить столкновение. В течение дня он посыпал несколько депутатий к коменданту Бастилии маркизу де Лонэ, предлагая ему выдать оружие милиции и убрать пушки, стоявшие на башнях. Последняя из этих депутатий была обстреляна, что и послужило сигналом к нападению народных толп на Бастилию. Первые попытки взять Бастилию оказались неудачными. Народ понес большие потери. Затем подошли французские гвардейцы во главе с Юленом и Эли. К стенам Бастилии подкатили две пушки, огнем которых были разбиты цепи подъемного моста, и осаждавшие ворвались в крепость. Около 4 ч дня гарнизон капитулировал.

Комендант Бастилии маркиз де Лонэ был арестован и под конвоем отправлен в ратушу на допрос. Но на Грэвской площади толпа вырвала его из рук конвоя. Коменданту Бастилии отрубили голову, вздернули ее на пике и с триумфом понесли этот страшный трофей по городу. Такая же судьба постигла и купеческого старшину Парижа Флесселя, который выдал народу вместо ящиков с оружием ящики с бельем: Флессель был убит, когда его вели на допрос, а его голова оказалась на пике.

В дальнейшем Бастилия была разрушена, а на месте, где она стояла, разбили площадь, украшенную табличкой: «Здесь танцуют!»

Известны три списка «победителей Бастилии», т. е. тех, кто принимал участие в штурме этой крепости. В одном списке названы 871 имя, в другом — 954, в третьем — 662. Третий список был составлен Станиславом Майяром, одним из героев взятия Бастилии, и хотя этот список неполон, но зато в нем указаны профессии внесенных в него лиц. Вот социальный состав той части «победителей Бастилии», которые внесены в список Майяра: гвардейцы, солдаты — 77, коммерсанты — 4, служащие — 5, учитель — 1, подмастерья и рабочие — 149, ремесленники и лавочники — 426.

А вот те, кто командовал при взятии Бастилии: Станислав Майяр — судебный пристав, Юлен — владелец прачечной, Эли — офицер пехотного полка королевы, аббат Клод Фоше, Фурнье-Американец — сын буржуза, плантатора на Гаити, Сантер — пивовар и др.

Бастилию брали почти исключительно санкюлоты, плебсы, т. е. рабочие, подмастерья, ремесленные мастера, мелкие лавочники.

Когда Людовику XVI сообщили о взятии Бастилии и других парижских событиях этого дня, он воскликнул: «Но ведь это бунт!». Находившийся тут же герцог Лянкур возразил: «Нет, государь, это революция!» (*Mais, c'est une révolution!*)».

И действительно, парижское народное восстание 12—14 июля 1789 г., кульмиационным пунктом которого явилось взятие Бастилии, послужило началом первой французской революции,

в корне изменившей весь облик страны. В сознании и современников, и последующих поколений взятие Бастилии явилось как бы символом падения всего абсолютистского режима. С 80-х годов XIX в. день 14 июля стал национальным праздником Франции.

Ближайшим последствием падения Бастилии явилось то, что король отказался от планов государственного переворота, намечавшихся ранее. Он не согласился последовать совету графа д'Артуа и принцев бежать в Мец, где стояла 30-тысячная армия маркиза Буйе, чтобы затем во главе этой армии вернуться в Париж и примерно наказать «бунтовщиков». 15 июля король явился в Учредительное собрание и заявил, что он отзывает войска из Парижа и вверяет свою безопасность Собранию, которое он впервые удостоил назвать «Национальным собранием». Депутаты восторженно приветствовали короля и проводили его затем до самого дворца. На другой день получило отставку и министерство Бретейля — Брольи, которое современники наградили насмешливым прозвищем «сточасового министерства» (*ministère de cent heures*). Неккер был возвращен к власти, но сколько-нибудь крупной роли он уже больше не играл.

Положение Учредительного собрания как представителя всей нации и носителя верховной власти в стране было упрочено.

В этот же день, 15 июля, в ратуше собирались парижские выборщики и члены Постоянного комитета и выкриками с мест, без голосования избрали мэром Парижа члена Учредительного собрания Байи, председательствовавшего на знаменитом заседании 23 июня, а маркиза Лафайета — командующим Национальной гвардией Парижа (так вскоре стали называть «гражданскую милицию»). Посетивший 17 июля парижскую ратушу король утвердил эти назначения и принял из рук Байи трехцветную кокарду, символизировавшую победу революции и присоединение к ней короля (красный и синий — цвета парижского герба, белый — цвет королевского знамени, отсюда и трехцветное знамя, ставшее национальным знаменем Франции).

Увидев на груди мужа эту кокарду, Мария-Антуанетта в гневе воскликнула: «Я и не подозревала, что вышла замуж за мерзчанина!». В знак протеста против «малодушия» короля граф д'Артуа в тот же день покинул Версаль и вместе с семьей уехал в австрийские Нидерланды. Вслед за ним за границу последовали принцы Конде и Конти, герцог Польниак, маршал Брольи, барон Бретейль и многие другие представители придворной знати. Этим был дан толчок к контрреволюционной дворянской эмиграции.

А на улицах Парижа народ продолжал расправляться со своими врагами.

22 июля был задержан и доставлен в ратушу статский советник Фулон, старик 74 лет, который, занимая в прошлом различные должности по финансовому и интендантскому ведомствам,

запятнал себя взяточничеством и хищениями. Фулону приписывают слова: «Если бы я был министром, я заставил бы французов есть сено». В ратуше пытались организовать некоторое подобие суда над Фулоном, но ворвалась толпа, схватила старика, выволокла его на площадь и тут же вздернула на фонаре. Труп Фулона сначала волокли по улицам, затем разорвали на части, а голову Фулона, надетую на пике, с пучком сена во рту, допоздна носили по городу. По странной игре случая, в этот же день был задержан и зять Фулона, интендант Парижа и провинции Иль де Франс Бертье де Совини. Когда Бертье вели в ратушу, в лицо ему тыкали пике с головой Фулона, покрытой кровью и грязью, и бросали в него куски черствого черного хлеба; крича: «Вот тот хлеб, который ты заставлял нас есть!». Из ратуши Бертье отправили под конвоем в тюрьму. Но по дороге толпа схватила его и потащила на фонарь. Бертье вырвался, схватил у конвоира ружье и стал отбиваться, но тут же пал, пронзенный множеством пик. Какой-то драгун подошел к трупу, вырвал у него сердце и понес с криком: «Вот сердце Бертье!». Отрубленную голову Бертье еще долго носили на пике по городу.

Плебейский терроризм первых лет французской революции был суров, порою жесток, как сурова тогда была жизнь народа. Ему были свойственны архаичные, идущие еще от средневековых жакерий черты, те самые черты, которые проявились в расправе с Фулоном и Бертье и которые, конечно, давали повод для нападок на революцию. Но этот терроризм со всеми его крайностями был одним из важнейших факторов развития и углубления революции.

Тем временем буржуазия все более овладевала властью в Париже, как и по всей стране. Одновременно она принимала меры к тому, чтобы смирить разбушевавшуюся народную стихию.

Еще 18 июля парижские выборщики постановили, что все граждане, не внесенные в списки Национальной гвардии, должны сдать в свои округа имеющееся у них оружие: за каждый сданный мушкет выплачивалось вознаграждение в размере 9 ливров. В этом постановлении ярко отразилось стремление парижских буржуа разоружить бедноту. Вместе с тем им было ясно, что надо также накормить бедняков, дать им работу. 21 июля, через неделю после взятия Бастилии, парижский муниципалитет, осаждаемый толпами безработных, постановил открыть на Монмартре «благотворительные мастерские». К концу августа в этих мастерских числилось до 22 тыс. человек, которые были заняты на земляных работах и получали по 20 су в день.

30го июля округа избрали по два депутата и послали их в ратушу с поручением взять в свои руки муниципальную власть под именем представителей Парижской коммуны (la

соммune значит община). К концу года число представителей было доведено до 360, а их собрание переименовано в Генеральный совет Парижской коммуны. Этот совет являлся как бы законодательной властью Парижской коммуны, а власть административная находилась в руках муниципалитета, состоявшего, не считая мэра и командующего Национальной гвардией, из 60 администраторов, назначаемых советом и распределенных между восемью департаментами (полицейский, продовольственный, общественных работ и др.).

Так, еще до того, как Учредительное собрание приступило к разработке муниципального закона для всей страны, в Париже был создан новый орган муниципальной власти — Парижская коммуна, носившая на первых порах чисто буржуазный характер. Парижская коммуна послужила образцом для создания аналогичных органов местного самоуправления во всех других французских городах.

Во второй половине июля и в начале августа, по мере того как на места приходили известия о взятии Бастилии и других парижских событиях, по всей стране развернулась так называемая «муниципальная революция». Протекала она в разных формах. В одних городах народ брал штурмом местные «бастилии» — крепости, тюрьмы, силой свергал старые городские власти, жег и громил ратуши. В других городах коменданты сдавали крепости без боя, а прежние муниципалитеты добровольно уступали место Постоянным комитетам, которых избирали либо выборщики, либо прямо население. Так, жители Бордо завладели замком Тромпет, жители Кана — крепостью и башней Леви, жители Анжера — замком Шато д'Анже, и т. п. В Страсбурге были разгромлены ратуша и дом местного мэра, а также конторы по взиманию налогов. В Труа народ поджег ратушу, убил мэра города, а также захватил соляной склад и заставил продавать соль по дешевой цене. Аналогичные события имели место в Амьене, Вероне и других городах. Напротив, в Дижоне, Памье и еще во многих местах старые муниципалитеты были сохранены, но в составе выборных Постоянных комитетов. В Лионе патрицианский консулат (муниципалитет) разделил управление городом с Постоянным комитетом, составленным из представителей трех сословий. В Бордо власть муниципалитета была сведена «до уровня полиции», а Постоянный комитет взял на себя ответственность за мероприятия «революционного характера».

Повсеместно шло формирование буржуазной гвардии, в которую неимущие не допускались. Эта гвардия в одних городах принуждала военных комендантов сдавать ей крепости или тюрьмы, но еще чаще использовалась для подавления продовольственных «беспорядков» в городах или против крестьян, нападавших на замки. Народные волнения на почве голода приняли наиболее серьезный характер в Лионе. Еще в июне рабо-

чие и ремесленники Лиона неоднократно требовали от консулата отмены городских ввозных пошлин (октруа). Когда же консулат решительно отказал в этом, то народ устремился к таможенным заставам и стал разрушать их. Заставы были сожжены в Перраше, в Гийотьере, в предместье Вёз. Весть об этом привлекла множество крестьян, которые стали ввозить в Лион зерно, скот, вино, другие продукты, которые до этого облагались большими пошлинами. Консулат вызвал войска из соседних городов, а также сформировал буржуазную гвардию, которые совместными усилиями восстановили «порядок» на заставах. В конце июля буржуазная гвардия Лиона выступила против крестьянских толп, которые жгли дворянские замки в окрестностях. Когда она вернулась в город, рабочие Гийотьера, сочувствовавшие крестьянам, встретили ее градом камней и черепицы.

Продовольственные волнения сопровождали «муниципальную революцию» и во многих других городах. В Понтуазе вспыхнул хлебный бунт, приостановленный лишь полком, прибывшим из Парижа. В Пуасси народ схватил одного фермера, которого заподозрили в «скупке», и его спасло лишь вмешательство Национального собрания. В Сен-Жермен ан Ле убили мельника. В Вердене народ поджег таможенные заставы и угрожал сжечь дома некоторых богачей, обвиняя их в том, что они прячут зерно. Здесь уже сам губернатор призвал буржуазию создать городскую милицию для поддержания «порядка».

В течение двух-трех недель, последовавших за взятием Бастилии, старая королевская администрация была сметена по всей стране. Интенданты, губернаторы, военные коменданты и прочие ее представители на местах либо бежали, либо утратили реальную власть. Как писал один из современников, «нет больше ни короля, ни парламентов, ни армии, ни полиции». Но на обломках органов власти «старого порядка» формировалась новая, буржуазная администрация, которая также принимала все меры к тому, чтобы удержать простой народ в подчинении у имущих классов.

«Аграрная революция» и ночь 4 августа

Еще более знаменательные события разыгрывались в деревне, которая в течение нескольких недель напрасно ожидала, что Национальное собрание обратит внимание на ее нужды, а теперь, после взятия Бастилии, поднялась чуть ли не единодушно против своих вековых угнетателей. Во второй половине июля и в августе 1789 г. Франция пережила настоящую «аграрную революцию», которая закрепила победу, одержанную па-

рижскими санкюлотами над королевским абсолютизмом, и положила начало ликвидации феодальных порядков в деревне.

Крестьянские волнения вспыхнули почти одновременно в разных концах страны, примерно с 20—23 июля, и продолжались в большинстве провинций до первых чисел августа, а в некоторых местностях даже до конца этого месяца. Во многих (но далеко не во всех) провинциях крестьянским восстаниям предшествовало возникновение своего рода общественной паники — «Великого страха» (*«Grande peur»*). Продовольственные волнения в городах, разгром беднотой таможенных застав и домов известных «скупщиков», отдельные случаи нападения нищих и бродяг на фермы, где они искали продовольствие, отдельные случаи потрав крестьянских посевов изголодавшимися людьми (пытавшимися скосить и унести часть урожая до того, как его скосит хозяин) породили большие опасения за свою собственность не только у богатых буржуа, но и у широких слоев крестьян-хозяев (цензитариев или арендаторов). Этим крестьянам казалось, что если они не возьмут в свои руки оружия, то станут жертвой «разбойников». «Вот они, разбойники! Они жгут леса, ксят хлеб, надо быть бдительными, надо вооружаться!» — так рассуждали многие крестьяне. Стихийно и в разных концах страны крестьяне стали вооружаться, сходиться в отряды и искать этих «разбойников», которых они, конечно, не находили и тогда обращали свой гнев против своих настоящих врагов — замков и монастырей. Возникновению крестьянских восстаний именно во второй половине июля способствовало также и то обстоятельство, что это время уборки урожая и, следовательно, время уплаты сеньерам и церкви шампиров, десятин и прочих повинностей. А платить эти повинности теперь крестьяне решительно не хотели.

Наиболее крупные очаги крестьянских восстаний возникли на востоке Франции: в провинциях Дофине, Франш-Конте, Маконне, Виваре, Эльзасе. На севере Франции восстания охватили Эно и Камбрези, а на западе — Нормандский бокаж и часть Нижнего Мэна. Почти везде крестьяне действовали одинаково. Они объединялись в отряды по 150—200, иногда по 300—400 человек (и совсем уж редко — по две-три и более тысяч человек), вооруженных чем попало — пиками, косами, топорами, вилами, охотничими ружьями, просто дубинами, и являлись к замку местного сеньера или к аббатству, требуя, чтобы сеньер или аббат выдали им «терье», «титулы» и прочие феодальные книги и документы, где были записаны их повинности. Если сеньер выдавал им эти документы, они их торжественно сжигали. Они заставляли также сеньера или аббата подписать еще специальную бумагу об отказе от своих феодальных прав (на этот случай они приводили с собой местного нотариуса). Если же сеньер или аббат отказывались удовлетворить требования крестьян, они нападали на замок или аббатство и подвергали их разгрому.

му: насильственно изымали феодальные документы и жгли их, ломали или уносили мебель и прочую утварь, уничтожали голубятню, кроличьи садки, угоняли скот, расхватывали продовольствие, а иногда и поджигали замок. Так, например, был сожжен крупнейший в провинции Маконне замок Талейранов в Сенозане. Этот замок пыпал всю ночь: Его осаждали толпы крестьян общей численностью до 4 тыс. человек. Крестьяне вторгались также в города, где громили конторы нотариусов (у которых хранились архивы сеньеров) и дома откупщиков, а также тюрьмы, соляные амбары и т. п. О масштабах крестьянской «войны против замков» можно судить хотя бы по тому, что в провинции Франш-Конте нападению подверглись 40 замков и дворянских усадеб, из них 2 замка были сожжены и 14 замков сильно разрушены. В этой же провинции один монастырь был полностью разгромлен, другой — сильно поврежден, и подверглись нападению еще 7 монастырей. В провинции Маконне 2 замка были сожжены и полностью разрушены, 14 замков разгромлены, равно как 6 монастырей и других церковных зданий. В провинции Дофине 9 замков были сожжены, 43 замка разгромлены, в 13 замках были сожжены архивы. Имели место и случаи убийств сеньеров или управляющих, хотя и весьма редкие. В Лангедоке, например, был убит маркиз де Баррас. Барон Монжуистен едва не был брошен в колодец, но его спасли проходившие мимо солдаты. Маркиза Фальконе из Ла Мотт Фуке (Нормандский бокаж), который с 1780 г. судился с крестьянами из-за захваченных им общинных земель, несколько раз подносили в кресле к разложенному во дворе его замка костру, требуя, чтобы маркиз выдал крестьянам «терье» (земельную опись). Но маркиз не был убит, хотя и сильно пострадал от ожогов. Крестьяне расправлялись не только с сеньерами или управляющими, но и с богатыми купцами, в которых видели виновников голода. Так, 23 июля в г. Баллон (Мэн) собрались около 6 тыс. поднятых набатом крестьян. Сначала ожидали нападения «разбойников», а затем обрушились на «аристократов» и «богачей». Крупный сеньер Монтессон и его тесть, богатый негоциант Юр, были убиты толпой. Их головы, насаженные на пики, носили по улицам. Дворяне в ужасе бросали свои замки и бежали в города или за границу. Наступила новая волна «Великого страха», охватившая в основном дворян и богатых людей.

И старые королевские власти, и новые буржуазные муниципалитеты пытались остановить крестьянское движение, которое активно поддерживала городская беднота. Против крестьян (как во многих случаях и против рабочих) были двинуты отряды буржуазной гвардии, жандармы, а в ряде мест и регулярные воинские части, еще подчинявшиеся своим офицерам. Войска и буржуазная гвардия рассеивали толпы крестьян, хватали их вожаков. Крестьяне несли под пулями карателей большие поте-

ри. Затем начались судебные расправы. Крестьян судили либо превотальные (военно-полевые) суды, либо городские Постоянные комитеты. Крестьян приговаривали к клейму, к галерам, к тюремному заключению, к смертной казни. В провинции Маконне были повешены 32 человека, в провинции Дофине двое повешенных были затем обезглавлены, а их головы для устрашения возили по деревням.

Но крестьянское движение росло, ширилось. Наряду с «войной против замков» — этой высшей формой тогдашней крестьянской борьбы — огромный размах приобрели и другие формы крестьянского сопротивления: отказ платить десятину, цензы, шампарты, налоги; разрушение изгородей, массовые потравы на захваченных сеньерами общинных землях, порубка лесов, выходы крестьян на охоту и рыбную ловлю и многие другие. Крестьянские выступления оставались локальными, разрозненными, но они охватили буквально всю страну и все больше сливались с выступлениями городской бедноты.

Не только буржуазии (а значительная часть буржуазии принимала прямое, непосредственное участие в эксплуатации крестьянства), но и дворянам становилось ясно, что одними только репрессиями невозможно остановить крестьянское движение, что надо идти на уступки крестьянам.

Первая реакция Учредительного собрания на крестьянские бунты была крайне неблагоприятной для крестьян. Выступая 3 августа в Собрании от имени Комитета докладов, депутат от третьего сословия Орлеанского бальяжа Сальмон нарисовал самую мрачную картину положения в стране. «Собственность стала добычей преступного разбоя,— заявил он.— Поджигают замки, разрушают монастыри, подвергают разграблению фермы. Налоги, сенъерильные повинности — ничто не признается». И Сальмон требовал, чтобы Собрание приняло самые решительные меры к восстановлению «порядка и законности» в стране. Он предложил заявить, что до тех пор, пока Собрание не выскажет своего мнения о различных налогах и повинностях, они должны беспрекословно выполняться. Собрание в принципе одобрило предложения Сальмона и передало их в свой Редакционный комитет для доработки.

Около 6 ч вечера 4 августа открылось знаменитое «ночное» заседание Учредительного собрания (оно продолжалось почти до 2 ч ночи). От имени Редакционного комитета известный юрист, депутат третьего сословия от Парижского округа Тарже предложил проект постановления, в котором крестьянские беспорядки сурово осуждались и предписывалась неукоснительная уплата всех существующих налогов и повинностей.

Предложения Сальмона и Тарже показывают, что наиболее непримиримую позицию по отношению к крестьянам заняли представители буржуазии «старого порядка». У этих закоренелых собственников не нашлось ни одного слова сочувствия по-

ложению крестьян. Они не склонны были дать им ни малейшего обещания на будущее. Опасность такой позиции ясно видели представители либеральной аристократии, более гибкой, более склонной к политическому маневру.

Перелом в ходе обсуждения крестьянского вопроса на заседании Учредительного собрания 4 августа внесли выступления виконта Ноайля, шурина Лафайета, и герцога Эгийона. У этих аристократов нашлись и слова сочувствия крестьянам, и проекты реформ, которые еще накануне этого заседания были обсуждены и одобрены в Бретонском клубе. «Речь идет не только о разбойниках,— заявил герцог Эгийон.— Весь народ объединяется в лиги, чтобы разрушать замки... Он пытается сбросить с себя иго, которое гнетет его уже много веков, и следует признать, господа, что для этого восстания, хотя и преступного (ибо любое использование насилия преступно), можно найти оправдание в тех притеснениях, жертвой которых является народ». Разумеется, эти знатные сеньеры решительно защищали дворянскую и иную крупную земельную собственность, причем вполне законной собственностью они считали и право дворян на получение чинша, шампара и других «реальных», т. е. связанных якобы с первоначальной уступкой земли крестьянам повинностей. Но они предлагали дать крестьянам возможность выкупить эти повинности, а барщину, мэнморт и другие аналогичные повинности, вытекавшие из личной зависимости крестьян от сеньера, отменить безвозмездно.

Выступления де Ноайля и д'Эгийона словно прорвали плотину. Правда, некоторые депутаты еще возражали против предложенных уступок и требовали лишь суровых мер подавления крестьянских «беспорядков». Но подавляющее большинство депутатов осознало необходимость реформ. Один за другим на трибуну Собрания поднимались депутаты провинций и городов, священники и знатные дворяне, и заявляли об отказе от тех или иных повинностей или привилегий. Священники отказывались от десятины, от платы за требы, дворяне — от права охоты и рыбной ловли, от своих судебных прав, представители городов — от своих особых прав и привилегий. В течение ночи с 4 на 5 августа были одобрены многие уступки крестьянам, которые затем были оформлены декретом 5—11 августа относительно «уничтожения привилегий». «Национальное собрание полностью уничтожает феодальный порядок», — гласила ст. 1 этого декрета. Все феодальные повинности, вытекавшие из личной зависимости крестьянина, отменялись безвозмездно. Упразднялись серваж и мэнморт. Отменялись церковная десятина и плата за требы. Отменялись дворянские право охоты и рыбной ловли, право содержания голубятен и кроличьих садков. Упразднялись сеньериальные суды. Напротив, все цензы и шампари и связанные с ними платежи и повинности, вытекавшие якобы из первоначальной уступки земли крестьянам, подлежали выку-

пу; размеры и формы которого Собрание обещало установить позднее.

Декрет от 5—11 августа выходил за рамки собственно аграрных отношений и провозглашал также равенство всех граждан перед законом и в налогах, равный для всех доступ к гражданским и военным должностям, отмену особых привилегий провинций и городов.

Большое позитивное значение решений Учредительного собрания, принятых в ночь с 4 на 5 августа и оформленных декретом 5—11 августа, бесспорно. Эти решения не только в принципе осуждали и формально даже упраздняли феодальный порядок, но содержали в себе первые реальные уступки крестьянам, хотя и половинчатые, частичные. Эти решения положили начало ликвидации как феодальных отношений в деревне, так и всей социальной и юридической структуры «старого порядка». Их историческое значение подчеркнул К. Маркс, который писал: «4 августа 1789 г., три недели спустя после взятия Бастилии, французский народ в один день осилил все феодальные повинности»¹. Вместе с тем Собрание не отказалось и от применения репрессий против крестьян. 10 августа оно вернулось к предложению Сальмона и приняло декрет «О восстановлении общественного порядка», в котором заявлялось: «Все мятежные сбороища, будь то в городе или в деревне, будут немедленно рассечены национальной милицией, жандармерией и войсками по простому требованию муниципалитетов». На основании этого декрета Национальная гвардия и войска предпринимали и в дальнейшем многочисленные карательные экспедиции в деревне. Сочетание уступок и репрессий стало основной чертой политики, захватившей всю полноту власти в стране буржуазии по отношению к крестьянству.

Король отказался утвердить решения Собрания, принятые в ночь с 4 на 5 августа. «Я никогда не соглашусь на то, чтобы ограбили мое духовенство, мое дворянство», — писал он в те дни архиепископу Арльскому. Но репрессивные меры, декретированные Собранием против бунтующих крестьян, он одобрил.

Декларация прав человека и гражданина

Тем временем Собрание завершило работу над «Декларацией прав человека и гражданина», которую оно решило предложить конституции в качестве как бы введения к ней. Этот большой исторической важности документ был принят 26 августа 1789 г. Его теоретической основой явилось учение просветителей о естественных, прирожденных правах человека, которым дол-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 299.

жен был соответствовать новый общественный строй, идущий на смену «старому порядку».

Статья 1-я Декларации гласила: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». В статье 2-й гарантировались «естественные и неотъемлемые права человека», под которыми понимались «свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению». Источником верховной власти (суверенитета) объявлялась «нация», а закон — выражением «общей воли». Всем гражданам предоставлялось право участвовать в выработке законов (как и в установлении общественных налогов) либо лично, либо через своих представителей. Провозглашались равенство всех граждан перед законом и свободный доступ для всех ко всем общественным должностям, местам и службам. Налоги должны распределяться равномерно между всеми гражданами сообразно их состоянию. Декларация содержала в себе статьи, ограждавшие граждан от произвольных арестов. «Никто не может подвергнуться обвинению, задержанию или заключению иначе, как в случаях, предусмотренных законом, и при соблюдении форм, предписанных законом», — говорилось в статье 7-й. В Декларации заявлялось, что «свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека» и каждому гражданину предоставлялось «высказываться, писать и печатать свободно, под угрозой ответственности лишь за злоупотребление этой свободой». Статья 17-я (и последняя) гласила: «Так как собственность есть право неприкосновенное и священное, то никто не может быть лишен ее иначе, как в случае установленной законом несомненной общественной необходимости и при условии справедливого и представительного возмещения».

Декларация прав была творением буржуазной мысли и носила на себе печать буржуазной ограниченности. Она провозглашила свободу и равенство, но это были лишь политические свободы и политические права, лишь формальное равенство перед законом, а не свобода от нужды, от голода, от эксплуатации. Более того, провозгласив частную собственность священной и неприкосновенной, она фактически закрепила и освятила имущественное неравенство, разделение общества на богатых и бедных, возможность для одних жить за счет труда других. Вместе с тем своим острием Декларация прав была направлена против социально-политических и юридических норм феодального общества или, говоря словами К. Маркса, на то, чтобы «разбить все сословия, корпорации, цехи, привилегии»¹. Сословному неравенству, неограниченной королевской власти, ее произволу и беззакониям, подавлению свободной мысли, необеспеченности прав личности и т. п. она противопоставила принципы представительного правления и буржуазной демокра-

¹ Там же, т. 1, с. 404.

тии, разработанные просветительской литературой и пользовавшиеся в ту эпоху огромной притягательной силой. Это был настоящий манифест утверждавшейся у власти буржуазии, и его влияние на умы современников (как внутри страны, так и за рубежом) было исключительно велико.

Однако Людовик XVI, которому Учредительное собрание только что имело неосторожность присвоить титул «восстановителя французской свободы», отказался утвердить Декларацию прав, как он ранее отказался санкционировать декрет 5—11 августа. В отношениях между королем и Собранием вновь возник кризис. Этот кризис осложнялся еще борьбой различных группировок в самом Собрании.

Собранию уже давно произошло размежевание между «правой» и «левой». К «правой» принадлежали «роалисты» (*roi* — король), т. е. сторонники короля, причем они делились на две группы: «крайние роялисты» (граф Монлозье, аббат Мори, драгунский капитан Казалес) и «умеренные» (Мунье, Малуэ, Лалли-Толендалль). Первые отстаивали королевский абсолютизм и отвергали всякие реформы. Вторые соглашались на конституционную монархию, но лишь в ее аристократической форме: с двухпалатным парламентом и абсолютным вето короля по отношению к постановлениям обеих палат (*veto* — лат., букв. запрещение). Подавляющее большинство Собрания принадлежало к «левой», главным оратором которой был Мирабо, а «сильным человеком» — Лафайет. «Левая» также стояла за конституционную монархию, но не аристократическую, а буржуазную с однопалатным парламентом и лишь приостанавливающим вето короля. На самом левом фланге Собрания находилась совсем небольшая группа «крайне левых»: Робеспьер и пять-шесть других столь же малоизвестных депутатов, еще монархически настроенных, но уже отвергавших всякое королевское вето и отстаивавших всеобщее избирательное право. Между «левой» и «крайне левой» стоял так называемый «триумвират» (Александр Ламет, Барнав, Адриен Дюпор), добивавшийся более сильного ограничения королевской власти, чем это считали возможным Мирабо и Лафайет.

В исторической литературе умеренно-либеральное большинство Учредительного собрания обычно называют «конституционалистами» (*constitutionnels*), поскольку это большинство объединяло стремление установить во Франции строй конституционной монархии.

Приняв Декларацию прав, Собрание приступило к обсуждению самой конституции. Мунье и Лалли-Толендалль от имени Конституционной комиссии предложили создать наряду с палатой народных представителей еще и верхнюю палату (сенат) и предоставить королю право абсолютного вето на решения обеих палат. Но именно отказ короля утвердить декрет, 5—11 августа и Декларацию прав и подрывал более всего пози-

цию «умеренных». В самом Собрании против предложений Мунье и Лалли-Толендаля выступили члены Бретонского клуба, который приобретал все большее влияние, а в Париже эти предложения были еще более резко осуждены на митингах в Пале-Рояле. 30 и 31 августа Камиль Демулен и бывший узник Бастилии маркиз Сент-Юруж пытались даже увлечь парижан в Версаль, чтобы протестовать против вето и верхней палаты, чтобы заставить короля немедленно утвердить декрет 5—11 августа, а главное, чтобы привезти в Париж и короля, и Национальное собрание, и тем оградить их от «происков аристократов». Коммуна Парижа и Национальная гвардия не допустили этого похода на Версаль, но сама идея подобного способа воздействия на короля и Собрание сохранилась. 10 сентября Собрание громадным большинством 849 голосов против 89 при 122 воздержавшихся отвергло предложение о создании верхней палаты. 11 сентября Собрание большинством 673 голосов против 325 предоставило королю право лишь приостанавливающего вето (*veto suspensif*), позволявшее ему задерживать принятие любых законов в течение двух парламентских сессий, т. е. поменьшей мере на 4 года. Собрание продолжало переговоры с королем, пытаясь убедить его санкционировать декрет 5—11 августа и Декларацию прав. Но король продолжал упорствовать и выдвигал все новые и новые возражения против обоих этих документов. При дворе опять стали подумывать о государственном перевороте. Главные надежды возлагались на маркиза Буйе, стоявшего в Меце с 30-тысячной армией. Предполагалось вновь стянуть войска к Версалю и Парижу и с помощью этого генерала восстановить старый порядок. Особенно энергично настаивала на этом королева Мария-Антуанетта. Людовик XVI, как всегда, колебался, но еще в середине сентября отдал приказ о переброске в Версаль Фландрского полка, стоявшего в Дуэ, и полка Монморанси.

Поход на Версаль 5—6 октября

А в Париже обстановка становилась все более напряженной. Хотя урожай 1789 г. был не плох, подвоз хлеба в Париж не увеличился. Хлеб по-прежнему был дорог, и его не хватало. У булочных выстраивались длинные очереди. Нередко возникали драки из-за хлеба. Резко сократилось производство предметов роскоши, так как многие аристократы и богачи выехали из столицы. И без того большую армию безработных и голодных пополнили рассчитанные хозяевами слуги, подмастерья, мануфактурные рабочие. Еще в августе начались волнения рабочих и подмастерьев различных профессий. Тысячные толпы голодных выходили на улицы, требуя работы и хлеба. Национальная гвардия разгоняла эти толпы и производила многочисленные

аресты. Волновались и рабочие «благотворительных мастерских», требовавшие прибавки к своему нищенскому жалованью. Опасаясь концентрации больших масс рабочих в одном месте, парижский муниципалитет закрыл в конце августа «благотворительные работы» на Монмартре и рассредоточил эти работы по округам. В сентябре волнения рабочих и безработных еще более усилились. В ратушу являлись многочисленные делегации, в том числе от женщин, требовавшие прежде всего снижения цен на хлеб. Среди женщин, больше всех страдавших от долгого стояния в очередях, и возродилась идея похода на Версаль, чтобы вырвать короля из рук «аристократов» и привезти его в Париж, а вместе с ним (они не сомневались в этом) в Париж хлынут хлеб и изобилие. «Пойдем, добудем пекаря, пекаршу и маленького пекаренка!» (*Allons chercher le boulanger, la boulangère et le petit mitron!*) — рассуждали они в очередях, имея в виду короля, королеву и наследного принца. Наивный монархизм народных масс и вместе с тем их революционное чутье сказались в этих простодушных рассуждениях парижских женщин, которые и не подозревали, что, пойдя за «пекарем», они совершают один из наиболее крупных политических актов той эпохи: поставят и короля, и Учредительное собрание под контроль революционного народа.

В Версале же дела шли своим чередом. В конце сентября туда прибыли Фландрский полк и другие соединения. Из многих гарнизонов страны в Версаль стекались офицеры, бравшие полугодичный отпуск, а также дворяне, кавалеры ордена св. Людовика. 1 октября в Оперном театре Версальского дворца лейб-гвардия устроила банкет в честь Фландрского полка. Стол был накрыт на 210 персон. Присутствовали офицеры лейб-гвардии, Фландрского полка и других соединений, а также придворные. Приветствовать собравшихся явились король и королева, которая вела за руку мальчика-дофина. Оркестр заиграл популярную арию: «О, Ричард, мой король, весь свет тебя покидает!». Участники банкета, возбужденные вином и музыкой, восторженно кричали: «Да здравствует король!». Сначала лейб-гвардейцы, а затем и другие офицеры срывают с себя трехцветные кокарды, топчут их ногами. Знатные дамы раздают им белые (королевские) и черные (австрийские) кокарды. Поднимаются тосты за короля, за королеву, за дофина, но тост за нацию опускается.

Эта роялистская манифестация оскорбила парижан. Жан Поль Марат, врач, ученый-физик, публицист, начавший выпускать в сентябре 1789 г. газету «Друг народа», призывает парижские округа забрать из ратуши свои пушки и двинуться походом на Версаль. Округ Кордельеров, по настоянию адвоката Жоржа Дантона, предлагает Коммуне потребовать от короля удаления войск из Версаля. Но еще прежде, чем какая-либо из официальных парижских инстанций решилась предпринять что-либо, на сцене появляются славные парижские женщи-

ны: жены рабочих и ремесленников, работницы, торговки с парижских рынков, «королевы рынка», как их тогда называли.

Утром 5 октября огромные толпы женщин, напрасно простоявшие в очередях у булочных всю ночь, заполнили Гревскую площадь и окружили ратушу. Раздавались крики: «Хлеба! На Версаль!». Затем ударили в набат. На Гревскую площадь хлынули мужчины из предместий, вооруженные пиками и палками. Конная охрана пыталась оттеснить народ от ратуши, но толпа смяла охрану и ворвалась в здание. Народ взломал склады Коммуны и захватил большое количество мушкетов, пороха и даже две пушки. В конце концов толпа была вытеснена из ратуши, но продолжала митинговать на площади. Женщины требуют идти на Версаль. Появляется Станислав Майяр, один из героев взятия Бастилии, берет барабан и становится во главе женщин. Около полудня толпа в 6 или 7 тыс. человек, преимущественно женщины, с ружьями, пиками, пистолетами и двумя пушками двинулась по дороге на Версаль. Во главе шествия, рядом с Майяром, в шляпе с трехцветной кокардой, в яркой амазонке, с пистолетами, заткнутыми за пояс, шла Теруань де Мерикур, актриса, участница взятия Бастилии. Следом за женщинами шли под командой Юлена «победители Бастилии» и другие добровольцы. Еще одна колонна в 3 или 4 тыс. человек, в большинстве женщины, пошла к Версалю по южной дороге, через Вожирар.

Несколько часов спустя, по решению Совета Коммуны, Лафайет повел в Версаль и Национальную гвардию Парижа, численностью до 20 тыс. человек, с пушками. Но Лафайет пошел в Версаль не для того, чтобы поддержать народ, а с целью оградить короля от гнева народа.

Около 4 ч дня женщины вошли в Версаль с криками: «Да здравствует король!» Их встречали местные жители, крича: «Да здравствуют наши парижанки!» Женщины и «победители Бастилии» расположились вдоль ограды дворца. Депутация женщин пришла в Учредительное собрание, и ее оратор Майяр сказал: «Мы пришли в Версаль, чтобы потребовать хлеба, а также, чтобы добиться наказания лейб-гвардейцев, нанесших оскорбление патриотической кокарде». Собрание как раз в это время решило направить депутатию к королю, чтобы потребовать от него безотлагательного утверждения Декларации прав и других законов. Теперь этой депутатии было поручено также требовать решительных мер для обеспечения столицы продовольствием.

Около половины шестого депутация во главе с Мунье явилась во дворец. Ее сопровождали двенадцать женщин. Одна из них, Пьеретта Шабри, 17-летняя работница из мастерской лепных изделий, изложила королю требования женщин: Король ответил ей, что хлеб будет, расцеловал ее и преподнес бокал вина. Женщины ушли довольные, воскликнув: «Да здравствует

король! Завтра у нас будет хлеб!» Но Мунье пришлось ждать ответа короля почти до 11 ч вечера.

Министры давали королю противоречивые советы. Сен-Прист, министр двора, предлагал королю не утверждать декретов и уехать в Руан под защиту стоявших там войск. Напротив, Неккер считал, что нужно утвердить декреты. Король колебался. Тем временем начались стычки между женщинами и дворцовой охраной. Фландрский полк был настроен миролюбиво и чуть ли не братался с народом. Но лейб-гвардия вела себя агрессивно. Женщины пытались завязать переговоры с лейб-гвардейцами, но те отвечали выстрелами. В свою очередь «победители Бастилии» также открыли огонь по лейб-гвардейцам. С обеих сторон были убитые и раненые.

Около 11 ч. вечера король вызвал Мунье и известил его о своем согласии утвердить Декларацию прав и другие декреты.

Примерно в полночь в Версаль пришла и Национальная гвардия, причем еще в дороге Лафайет заставил гвардейцев дать клятву, что они сохранят верность нации, закону и королю. Национальная гвардия оттеснила народ от ограды дворца, а Лафайет прошел к кородю и заявил: «Государь, я приношу мою жизнь, чтобы спасти жизнь Вашего Величества».

Но рано утром 6 октября на улицах Версаля вновь начались стычки между народом, который провел у костров всю ночь, и лейб-гвардейцами. Последние опять стреляли в народ, который отвечал тем же, а затем взял штурмом казарму лейб-гвардии. Нескольким лейб-гвардейцам отрубили головы и носили на пиках по улицам. Спасаясь от расправ, лейб-гвардейцы пытались укрыться во дворце, куда, преследуя их, ворвался и народ, потревожив сон королевской семьи. Королева, полураздетая, .поспешала укрыться на половине короля. Поднятая Лафайетом Национальная гвардия вытеснила народ из королевских апартаментов, но толпа запрудила внутренний двор. По совету Лафайета король вышел на балкон вместе с королевой и дофином. Народ встретил его криками: «Короля в Париж! Короля в Париж!». Король жестом показал, что он согласен. В ответ раздалось: «Да здравствует король! Да здравствует королева!».

Около половины первого дня 6 октября из Версаля в Париж направилась весьма примечательная процессия. Впереди шла Национальная гвардия, причем на штыках у гвардейцев было воткнуто по хлебцу. Затем следовали женщины, одни восседая на пушках, другие в каретах, трети пешком вместе с вооруженными чем попало мужчинами из предместий. Далее тянулись захваченные в Версале повозки с мукой, наконец карета с королевской семьей. Замыкали шествие «победители Бастилии» и драгуны, а также толпы всякого народа. Женщины плясали и пели: «Мы уже не будем сидеть без хлеба! Мы везем пекаря, пекаршу и маленького пекаренка!»

Вслед за королевской семьей, которая разместилась в Тюильрийском дворце, в Париж перебралось и Национальное собрание, нашедшее себе приют сначала в Епископстве, а затем в манеже Тюильрийского дворца. Многие депутаты «правой» сложили с себя свои полномочия в знак протеста против «насилий черни» над королем и покинули Париж. В частности, Мунье отказался от поста председателя Собрания и отправился в Дофине, чтобы поднять ее против «тирании» Парижа. Но не найдя там поддержки, он вскоре эмигрировал. Примеру Мунье последовали его единомышленники. Началась вторая волна эмиграции, на этот раз из лиц, которые на первых порах содействовали революции.

Мирабо и Лафайет резко поправели, особенно Мирабо, который вступил в тайные переговоры с двором и стал брать от него деньги.

Стихийное народное выступление 5—6 октября, возникшее на почве продовольственных затруднений, имело далеко идущие политические последствия. Это выступление окончательно разрушило планы придворной клики, направленные на разгон Национального собрания, а также заставило короля отказаться от политики саботажа его решений, которую он было избрал после 4—11 августа. Вопрос о власти, борьба за которую достигла своего кульмиационного пункта в дни народного восстания в Париже 12—14 июля, был теперь окончательно решен в пользу Собрания, в пользу буржуазии. События 5—6 октября явились как бы завершающим моментом начального этапа революции. Абсолютизм во Франции, сломленный уже в дни взятия Бастилии, был теперь окончательно добит. Путь для создания в стране режима конституционной буржуазной монархии был расчищен. Вместе с тем эти события создавали предпосылки для дальнейшего повышения роли народа в революции. С переездом в Париж и короля, и Национального собрания парижские санкюлоты — этот подлинный революционный авангард той эпохи — получили возможность оказывать гораздо большее влияние на ход законодательства и управления, чем раньше. Если отныне король находился под неустанным наблюдением и контролем со стороны Собрания, то само Собрание оказалось под не менее бдительным надзором парижской народной массы, которая хотела вести революцию гораздо дальше того, что считали возможным буржуазно-дворянские либералы, господствовавшие в Собрании. Вот почему либеральное большинство Собрания было не столько удовлетворено тем, что удалось сломить саботаж со стороны короля и упрочить положение и власть Собрания, сколько обеспокоено растущей опасностью слева, со стороны бунтарски настроенной парижской народной массы.

Собрание не удовольствовалось тем, что распорядилось начать следствие по поводу событий 5—6 октября. Мирабо лично

внес проект закона против мятежных сборищ, имевший целью навсегда предотвратить повторение такого рода событий. Собрание некоторое время колебалось принять этот закон. Но новые драматические происшествия в Париже покончили с его колебаниями.

Не оправдались наивные надежды парижских женщин на то, что вместе с королем в столицу вернутся изобилие и процветание. Дороговизна и голод, наоборот, еще более усилились. В народе росла ненависть к «скупщикам», т. е. к крупным купцам, которые, по общему мнению, скупили хлеб и прячут его, дожидаясь еще большего повышения цен.

21 октября булочник Дени Франсуа объявил собравшейся у его заведения толпе, что хлеба для продажи у него больше нет. Толпа не поверила и ворвалась в булочную, в которой обнаружили шесть дюжин свежих булочек, которые Франсуа испек для буфета Национального собрания. Франсуа обвинили в том, что он «скупщик», и повели в ратушу. Когда муниципальные служащие допрашивали Франсуа, ворвалась толпа, схватила незадачливого булочника, вывела его на площадь, и портовый крючник Блэн вздернул его на фонаре. Затем голову Франсуа насадили на пике, а его труп поволокли по улицам.

Эта расправа привела в ужас всю парижскую буржуазию. Парижская коммуна посыпает депутатацию в Национальное собрание с требованием немедленно принять закон против мятежных сборищ. Собрание вотирует срочность обсуждения вопроса и предлагает своему Конституционному комитету безотлагательно представить соответствующий законопроект. В вечернем заседании того же дня, 21 октября, Собрание принимает печально знаменитый Военный закон (*Loi martiale*), разрешавший местным властям в случае «мятежных сборищ» вызывать Национальную гвардию, регулярные войска, жандармов, и открывать огонь по толпе, если она не разойдется после троекратного предупреждения. «Подстрекателей» и «вожаков», если толпа собралась с оружием в руках, а также всех лиц, «учинивших насилие», надлежало приговаривать к смертной казни. На ратуше, в знак того, что действуют законы военного времени, надлежало вывешивать красный флаг.

Это был крайне суровый закон. Применяя его, новые буржуазные власти проявили гораздо больше жестокости, чем доведенный до отчаяния народ. Расстрелы, аресты, казни людей из народа становятся и при новом режиме таким же повседневным явлением, каким они были и при «старом порядке». Однако Военный закон не был единственным антинародным законом, принятым Собранием в эти октябрьские дни.

Еще в июле 1789 г. Сийес предложил предоставить политические права не всем гражданам, а лишь тем из них, кто участвует в поддержании общественных институтов уплатой соответствующих налогов. Этих граждан он назвал «активными»

ми», в отличие от неимущих, которых не считал достойными участвовать в органах управления или хотя бы в их избрании. «Все жители страны,— говорил он,— должны пользоваться в ней правами *пассивного* гражданина; все они имеют право на защиту своей личности, своей собственности, своей свободы и пр.; но не все имеют право на активное участие в формировании общественных властей, не все жители — *активные* граждане... Только те, кто содействуют поддержанию общественных институтов, суть настоящие акционеры великого общественного предприятия. Они одни — истинные активные граждане, *истинные* члены ассоциации».

Это представление о том, что лишь собственники могут быть наделены политическими правами, восприняло все умеренно-либеральное большинство Учредительного собрания. Конституционный комитет предложил включить в конституцию статьи, разделяющие граждан на «активных» и «пассивных». Под «активными» гражданами понимались лица, уплачивающие налог определенного размера, и только они наделялись избирательными правами. К «пассивным» гражданам причислялись неимущие, и они лишались избирательных прав. Против этого предложения, явно противоречившего Декларации прав, возражали Робеспьер и некоторые другие представители «крайне левой». «Декларация прав,— говорил Робеспьер,— требует уничтожения всех привилегий, всех различий, всей изъятости... Носителем верховной власти является народ, все составляющие его люди... Каждый гражданин имеет право участвовать в законодательной деятельности, а следовательно, и право выбирать и быть избранным, каково бы ни было его состояние». Робеспьера поддержал депутат от третьего сословия Реннского сенешальства Дефермон. «Общество не должно быть подчинено собственникам,— сказал он,— иначе возникла бы аристократия богатых, которых меньше, чем бедных». Но все эти возражения были оставлены без внимания.

В конце октября 1789 г. принимается статья конституции, разделявшая граждан на «активных» и «пассивных». К «активным» гражданам, которые только одни могли участвовать во всякого рода выборах, были причислены лишь мужчины, достигшие 25 лет, не находившиеся в положении слуги на жалованье и платившие прямой налог в размере местной трехдневной заработной платы. При населении примерно в 25 млн. человек лишь 4 млн. 300 тыс. французов приобретали права «активных» граждан. Собрание декретировало также двухступенчатость выборов. Избиратели избирали сначала выборщиков, и лишь коллегии выборщиков — депутатов. Для выборщиков был установлен еще более высокий имущественный ценз: уплата прямого налога в размере местной десятидневной заработной платы. Наконец, декретом от 3 ноября было установлено, что кандидаты в депутаты Национального собрания должны

платить прямой налог в размере одной марки серебра (около 52 ливров) и обладать еще какой-нибудь земельной собственностью.

Провозгласив в Декларации прав всех людей свободными и равными в правах, умеренно-либеральное большинство Учредительного собрания в действительности взяло курс на то, чтобы лишить широкие народные массы самых элементарных прав и закрепить классовые привилегии крупной буржуазии и помещиков.

Праздник Федерации. Отклики на французскую революцию за рубежом

Важным событием в жизни страны на начальном этапе революции явилось движение за создание федераций коммун, городов, провинций. Это движение стало развиваться с ноября 1789 г. во Франш-Конте и Дофине, а затем и в других провинциях. Сначала коммуны и города «федерировались» в пределах одной провинции, чтобы совместно защищать себя как от «аристократов», так и от «разбойников». Затем появились федерации провинций. В январе 1790 г. создается федерация Бретани и Анжу, в феврале — федерация Франш-Конте, Эльзаса, Шампани, в мае — федерация Лиона, в июне — федерация Лилля и Страсбурга. Повсеместно происходили торжественные празднества с участием Национальной гвардии, регулярных войск, представителей гражданских властей и огромных толп народа. Участники этих празднеств клялись поддерживать новый порядок, следить за исполнением законов и составлять одну громадную братскую семью.

Венцом всего этого движения явился грандиозный праздник Федерации (т. е. праздник объединения всех французов), состоявшийся 14 июля 1790 г., в первую годовщину взятия Бастилии, на Марсовом поле в Париже. На этот праздник прибыли делегаты (федераты) от Национальной гвардии всех областей страны, а также от регулярных войск. На Марсовом поле был воздвигнут «алтарь отечества», у которого епископ Отёнский Талейран отслужил торжественную мессу. Лафайет от имени Национальной гвардии принес присягу на верность «нации, закону и королю». Аналогичную присягу от имени Национального собрания принес его тогдашний председатель Дебонне. Текст присяги повторили и все присутствовавшие на празднестве (свыше 300 тыс. человек). Присягу «нации и закону» принес и король, явившийся на праздник вместе с королевой, шляпа которой была украшена трехцветными лентами.

В то время, когда торжественная процессия из официальных лиц и делегатов от Национальной гвардии еще только вступала на Марсово поле, разразился сильный ливень. Но это не обес-

куражило собравшихся. Кто-то запел на мотив популярной кадрили:

Ah! Ça ira, ça ira, ça ira!
Наплевать на аристократов и лужи!
Ah! Ça ira, ça ira, ça ira!
Обсохнем мы скоро,— придет пора!
Ah! Ça ira, ça ira, ça ira!
Не нужно нам дворян с попами.
Ah! Ça ira, ça ira, ça ira!
И равенства наступит рай.

Так родилась боевая песня революции — знаменитая «Ça ira!» («Пойдет!», «Наладится!»). А вот какие куплеты исполняли в этот же день рабочие, готовившие Марсово поле к торжеству:

Аристократы, трудненько стало вам!
На Марсовом поле по шее дали вам.
Король — гражданства щит — чтит нашу
свободу
И нам лишь добро сулит — отец народу!

Праздник Федерации отразил монархистские и конституционалистские иллюзии, которые были тогда широко распространены в народе. Вместе с тем этот праздник еще больше сплотил провинции вокруг Парижа и продемонстрировал решимость народа защищать революцию.

Французская революция нашла широкий отклик в других странах. Ее приветствовали не только такие убежденные революционеры-демократы, как Томас Пейн или Георг Форстер, но и гораздо более широкий круг либерально мыслявших людей из интеллигенции и имущих классов почти всех стран Европы. Итальянский поэт Альфиери, английский поэт Кольридж, немецкий поэт Клопшток написали оды на взятие Бастилии. Немецкий историк и публицист Шлётцер называл 14 июля «незабвенным днем» не только для Франции, но и для всей Европы. Лидер английских вигов Фокс видел во взятии Бастилии «самое великое и благотворное событие, когда-либо происходившее в мире».

С энтузиазмом встретили французскую революцию философ Кант, поэт и драматург Фридрих Шиллер, композитор Бетховен, драматург Ричард Шеридан, поэт Уильям Вордсворт и многие другие выдающиеся люди той эпохи.

Историческое значение французской революции высоко оценивал русский писатель Н. М. Карамзин, находившийся тогда во Франции. «Французская революция,— писал он в частном письме (1790 г.),— принадлежит к числу событий, определяющих судьбы человечества на долгий ряд веков. Начинается новая эпоха; я вижу это, а Руссо предвидел».

Восторженным поклонником французской революции был А. Н. Радищев, который не сомневался в том, что примеру

Франции последуют и другие народы. В 1790 г. Радищев опубликовал свою замечательную книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», представлявшую настоящий обвинительный акт против крепостничества и самодержавия. В этой книге он поместил оду «Вольность», в которой писал:

Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает
Над гордою главой царя.
Ликуйте, склепанны народы!
Се право мщеннное природы
На плаху возвело царя.

«Бунтовщик хуже Пугачева», «царям грозится плахою»,— с возмущением говорила о Радищеве Екатерина II, по приказу которой он был сослан в Сибирь.

Париж стал местом паломничества для «пилигримов свободы», как называли себя представители различных наций, приезжавшие во Францию, чтобы «подышать воздухом свободы». Среди них были и русские. Два брата, князья Голицыны, принимали участие в штурме Бастилии, а молодой граф П. А. Строганов, находясь в Париже, вступил в Якобинский клуб, за что по возвращении на родину был сослан в свою деревню. В Париже образовалась целая иностранная колония, наиболее колоритной фигурой в которой был прусский барон Клоотс. Незадолго до праздника Федерации 14 июля 1790 г. Клоотс явился в Национальное собрание во главе «посольства рода человеческого» (т. е. иностранцев, проживавших в Париже) и заявил, что весь мир принимает Декларацию прав человека и гражданина. Собрание оказалось восторженный прием этому «посольству» и разрешило иностранцам принять участие в празднике Федерации.

Иностранцы явились на этот праздник в костюмах своих народов. 300 англичан украсили себя лентами с надписью на латинском языке: «Где свобода, там и родина».

Правда, уже возвышали свой голос и те, кто был напуган французской революцией. Осенью 1790 г. английский публицист Эдмунд Бёрк, бывший виг, опубликовал трактат «Размышления о французской революции», ставший своего рода политическим евангелием всех врагов революции и теоретиков реставрации. Бёрк доказывал, что каждый народ может строить свою общественно-политическую жизнь лишь в рамках традиций, созданных предками, и что всякая попытка отойти от этих традиций ведет к катастрофе. Бёрк старался пробудить симпатии к «страдающей красавице» — королеве Марии-Антуанетте, и скорбел о том, что уже нет больше рыцарей, готовых умереть за свою королеву. Книга Бёрка была с удовлетворением встречена монархами. Английский король Георг III рекомендовал прочесть ее «каждому джентльмену», а Людовик XVI пытался издать ее на французском языке. Но в самой Англии книга Бёрка вы-

звала протесты. Участник американской войны за независимость Томас Пейн ответил Бёрку книгой «Права человека» (первая часть этой книги вышла в марте 1791 г., вторая — в 1792 г.), в которой утверждал, что и монархия, и аристократия отжили свой век и что начавшаяся во Франции революция неизбежно распространится и на другие страны. Английское правительство распорядилось отдать Пейна под суд, но он успел уехать во Францию. «Мое отчество там, где люди сражаются, чтобы добить себе свободу», — заявил он.

Революция во Франции способствовала подъему народного движения во многих европейских странах, особенно в тех, которые являлись ее непосредственными соседями. В Пьемонте крестьяне отказывались платить феодальные повинности и заявляли: «Мы — третье сословие, и если дворяне не будут сидеть смирио, мы сожжем их замки». Крестьянские волнения начались также в немецких землях на Рейне. В Трирском курфюршестве крестьяне уже в августе 1789 г. перестали платить десятину. В Саарской области они отказались от несения барщины. В дальнейшем крестьянское движение охватило Цвайбрюкken, Нассау, Гессен-Дармштадт, Вюртемберг и другие земли, про-двигаясь все дальше на восток. В августе 1790 г. в Саксонии, в районе города Мейссена, вспыхнуло крупное крестьянское восстание, которое охватило десятки деревень. Восставшие на-несли ряд поражений правительенным войскам и вступили в Мейссен, где освободили из тюрьмы своих арестованных во-жаков. Крестьяне заставляли помещиков подписывать бумаги с отречением от своих феодальных прав. «В Саксонии все должно быть, как во Франции», — говорили они.

Во многих городах, в особенности на Рейне, возникли тайные общества друзей французской революции.

14 июля 1791 г., когда праздник Федерации отмечался вто-рично и в самой Франции, и ее друзьями за рубежом, тюбинген-ские студенты Гёльдерлин, Гегель и Шеллинг посадили «дерево свободы».

Под прямым воздействием взятия Бастилии и других собы-тий во Франции началась революция в Бельгии, находившейся тогда под властью Габсбургов. Уже 18 августа 1789 г. произошло народное восстание на родственной бельгийской террито-рии — в Льежском архиепископстве, входившем в состав Гер-манской империи. Архиепископ был изгнан, а Льеж превратил-ся в базу формирования отрядов волонтеров для вторжения в австрийские владения. В Брюсселе создается пов-станческий комитет, и разбрасываются прокламации с лозун-гом «Здесь, как в Париже!» (*Ici comme à Paris!*). В октяб-ре прусские войска оккупировали Льеж, и база волонтеров пе-реносится в Голландию. 24 октября около 30 тыс. волонтеров вступили на бельгийскую территорию и нанесли крупное пора-жение австрийским войскам в районе Тёргаута. Эта славная

победа подняла на ноги всю страну. 13 ноября австрийцы были изгнаны из Гента, а 12 декабря восстал Брюссель. Австрийские войска поспешно отступили в Люксембург. В Брюсселе собрались Генеральные штаты (представители сословий) и 12 января 1790 г. провозгласили образование независимой республики Соединенных бельгийских штатов. Однако в дальнейшем в Бельгии началась острая внутренняя борьба между так называемыми штатистами, которых возглавлял адвокат Генрих ван-дер-Ноот, и фонкистами, лидером которых был адвокат Фонк. Штатисты отстаивали средневековую обособленность бельгийских провинций и привилегии высшего духовенства, земельной аристократии и городского патрициата. Фонкисты опирались на формирующуюся буржуазию и мелких дворян и пытались преобразовать Бельгию на буржуазный лад по французскому образцу. Монархия Габсбургов использовала эту борьбу и уже в ноябре 1790 г. восстановила свое господство в Бельгии, в которой осталась стоять сильная австрийская армия.

Революция в Бельгии пользовалась большим сочувствием во Франции. Многие газеты расценивали ее как непосредственное продолжение французской революции и заявляли о своей солидарности с нею. Именно в честь бельгийской революции Камиль Демулен назвал свою газету «Революции Франции и Брабанта».

Но чем более сильное воздействие оказывала французская революция на положение дел в других странах, тем враждебнее становилось отношение к ней со стороны реакционных европейских монархий.

ГЛАВА III ОГРАНИЧЕНИЕ АБСОЛЮТИЗМА

...Первая стадия революции есть ограничение абсолютизма, удовлетворяющее буржуазию; вторая — завоевание республики, удовлетворяющее «народ», т. е. крестьянство и мелкую буржуазию вообще...

(В. И. Ленин)

Подъем общественно-политической жизни

Победа революции вызвала невиданный ранее подъем общественно-политической жизни во всей стране и особенно в Париже. Один за другим возникали клубы, вокруг которых группировались представители определенных слоев населения. Появилось множество газет самых различных идеино-политических направлений.

Ведущим политическим клубом той эпохи стал Якобинский клуб, выросший из Бретонского клуба депутатов Генеральных штатов.

После событий 5—6 октября, вслед за Национальным съездом, Бретонский клуб также перебрался в Париж и снял для своих заседаний библиотеку монастыря св. Якова. По этой причине его членов в насмешку стали называть «якобинцами» (jacobins). В Париже клуб был реорганизован и взял себе название «Общества друзей конституции» (после провозглашения республики якобинцы изменили это название на «Общество друзей свободы и равенства»). В него стали принимать не толь-

ко депутатов Национального собрания, но также (по рекомендации шести членов) писателей, журналистов и других лиц, «оказавших услуги делу свободы». Но высокие членские взносы (вступительный взнос — 12 ливров, ежегодный — 24 ливра) надежно охраняли его от неимущих. Заседания клуба являлись закрытыми. Публику стали допускать на них лишь с октября 1791 г. Аналогичные клубы стали возникать и в других городах и почти все они устанавливали постоянную переписку с парижским клубом, становясь как бы его филиалами. Принятый в феврале 1790 г. и подписанный его председателем герцогом д'Эгийоном устав Якобинского клуба так определял задачи клуба: «1. Предварительно обсуждать вопросы, которые должны быть решены Национальным собранием; 2. Трудиться над созданием и утверждением конституции... 3. Переписываться с другими обществами того же рода, которые могут организоваться в королевстве».

Уже в августе 1790 г. Якобинский клуб имел 150 филиальных обществ, в июне 1791 г. — 406, а в дальнейшем — более тысячи. По своему социальному составу и парижский Якобинский клуб, и его филиалы на местах являлись преимущественно буржуазными и буржуазно-чиновничими, хотя в них состояли и люди из народа. Так, в относящихся к 1789—1792 гг. списках членов якобинских клубов в 12 городах, включая такие, как Париж, Гавр, Страсбург, числились 4037 человек, из них профессии указаны для 2591 человека. Вот эти профессии: чиновники, лица свободных профессий, духовенство — 809 (31%); ногоцианты — 381 (15%); ремесленники и лавочники — 980 (38%); крестьяне — 199 (8%); офицеры — 96 (4%); солдаты — 126 (несколько более 4%).

Парижский Якобинский клуб (*société-mère*) объединял первоначально все группировки «левой» Учредительного собрания: от Мирабо до Робеспьера. Но постепенно в его рядах началась политическая дифференциация, которая затем распространялась и на «народные общества» в департаментах. Уже в апреле 1790 г. от якобинцев обособилось наиболее консервативное крыло конституционалистов — сторонники Мирабо и Лафайета, образовавшие в роскошных апартаментах Пале-Рояля клуб-салон «Общество 1789 года». Среди членов этого общества (а их число было ограничено 600, членский взнос был еще более высок, чем у якобинцев) находились помимо Лафайета и Мирабо такие лица, как Сийес, Байи, Кондорсе, Талейран, Ле Шапелье. Но многие из них, в том числе и Мирабо, оставались одновременно и членами Якобинского клуба. Вплоть до лета 1791 г. Якобинский клуб был политическим штабом основной группировки конституционалистов, сплотившейся вокруг братьев Ламет, Барнава, Дюпора. Однако в клубе росло влияние и более левых групп, одна из которых объединялась вокруг Бриссо, другая — вокруг Робеспьера.

По характеру своей деятельности Парижский Якобинский клуб был типично «парламентским» клубом. Главную роль в нем всегда играли депутаты, и его основная функция заключалась в том, чтобы вырабатывать политическую линию якобинцев сначала в Учредительном собрании, затем в Законодательном собрании, и наконец в Конвенте. С «братьями обществами» парижских саякюотов «общество — мать» было связано слабо и никогда не выступало в роли организатора каких-либо массовых выступлений в Париже.

С ноября 1790 г. якобинцы стали издавать свой печатный орган «Журнал Общества друзей конституции» (еженедельник, одно время выходил под другим названием). Однако на страницах этого еженедельника отчеты о заседаниях клуба не печатались.

Взгляды различных группировок среди якобинцев находили свое отражение во многих газетах, издававшихся членами клуба: «Курьер» Горса, «Патриотические анналы» Карра, «Французский патриот» Бриссо, «Революции Франции и Брабанта» Камиля Демулена и др.

Одной из самых распространенных газет демократического направления была тогда газета «Парижские революции» (ее тираж доходил до 200 тыс. экземпляров), которую издавал богатый книготорговец Прюдом, а редактировали (в разное время) Лустало, Сильвен Марешаль, Фабр д'Эглантин, Шометт.

«Общество 1789 года» представляли газеты «Парижская газета», «Парижская хроника», «Друг патриотов».

Правее «Общества 1789 года» находился «Клуб друзей монархической конституции», который в ноябре 1790 г. основал Станислав Клермон-Тоннер. В этот клуб входили Малуэ, аббат Монтескью и другие соратники Мунье, который еще ранее эмигрировал. «Французский салон» был центром, где встречались крайние роялисты во главе с аббатом Мори. Роялисты также имели свои газеты — «Друг короля» аббата Руайю, «Апостольские деяния» Ривароля и др.

В апреле 1790 г. группа демократически настроенной интеллигенции основала «Общество друзей прав человека и гражданина», известное как Клуб кордельеров: они заседали в бывшем монастыре францисканцев, подпоясывавшихся веревкой («кордой»); отсюда насмешливое прозвище «кордельеры». Клуб кордельеров значительно отличался от Якобинского клуба и по своему составу, и по характеру своей деятельности. В этот клуб принимали всех граждан, независимо от того, являются ли они «активными» или «пассивными», принимали даже женщин, перед которыми были закрыты двери других клубов. Членский взнос у кордельеров был низок, 2 су в месяц, но если гражданин не мог платить и этой суммы, то его принимали без всяких взносов. Заседания клуба являлись открытыми, и на них всегда

было много людей из народа. Депутаты Национального собрания редко посещали этот клуб, сразу ставший одним из главных центров борьбы против политики цензовых ограничений, проводившейся конституционалистами. Наиболее популярными ораторами здесь были Дантон, Камиль Демулен, Марат, которые состояли одновременно и в Якобинском клубе, но от большинства тогдашних якобинцев отличались тем, что решительно выступали за всеобщее избирательное право. Имелись среди кордельеров и республиканцы, как, например, адвокат Франсуа Робер и его супруга, писательница Робер-Керальо, которые совместно издавали газету «Национальный Меркурий». За республику выступал и Камиль Демулен. Большим влиянием среди кордельеров пользовались журналисты Шометт и Эбер, актер и драматург Ронсен, его друг Венсан, типографщик Моморо. Впоследствии именно они стали определять политическую линию этого клуба.

Клуб кордельеров был тесно связан с чисто народными по своему составу «братьскими обществами» (*sociétés fraternelles*), которые стали возникать в различных кварталах Парижа. Первое такое общество создал бедный учитель пансиона Клод Дансар, который с февраля 1790 г. стал собирать в библиотеке монастыря якобинцев (там, где заседал и Якобинский клуб) рабочих, ремесленников, мелких торговцев своего квартала с их женами и детьми и при свете свечи, купленной вскладчину, читал и объяснял им декреты Национального собрания. Это общество взяло себе название «Братского общества патриотов обоего пола, защитников конституции». Пример оказался заразительным. Вскоре появляются новые общества: «Общество победителей Бастилии», «Общество неимущих обоего пола», «Братское общество друзей прав человека, врагов деспотизма» и многие другие. На собраниях этих обществ присутствовало чаще до 50 или 100 человек, но иногда даже до 300 и 800. Среди их членов преобладали рабочие, ремесленники, мелкие торговцы, много было женщин, подростков. На собраниях обществ читались и комментировались декреты Национального собрания, статьи из газет, обсуждались местные нужды. Эти общества сплачивали, просвещали и приобщали к политике беднейшие слои народа.

«Братские общества» ориентировались на Клуб кордельеров, который стоял гораздо ближе к санкюлотам, чем якобинцы. В мае 1791 г. была предпринята попытка создать «Центральный комитет народных обществ». Этот ЦК образовался под председательством Франсуа Робера, и его первые заседания происходили в Клубе кордельеров. 15 июня того же года ЦК принял адрес к Национальному собранию с требованием отмены деления граждан на «активных» и «пассивных»; адрес подписали председатели 13 «братьских обществ».

В январе 1790 г. члены Клуба кордельеров аббат Клод Фо-

ше, участник штурма Бастилии, и Николя Бонвиль, литератор и публицист, основали «Социальный кружок» (*«Cercle social»*), носивший первоначально довольно замкнутый характер. Некоторое время спустя «Социальный кружок» основал более широкую организацию под названием «Всемирная федерация друзей истины». Эта организация насчитывала до 3 тыс. членов и с октября 1790 г. по июль 1791 г. проводила в цирке Пале-Рояля открытые собрания, на которые приходили тысячи людей из народа. Печатным органом «Социального кружка» была газета «Железные уста», которую редактировал Бонвиль.

В «Социальный кружок» входили люди, придерживавшиеся самых различных взглядов. Но его руководители Фоше и Бонвиль вошли в историю общественной мысли эпохи революции как те деятели, которые первыми связали требование политического равенства с требованием равенства социального и первыми стали пропагандировать среди парижского плебса аграрно-уравнительные идеи.

С октября 1790 г. по апрель 1791 г. Фоше прочел в цирке Пале-Рояля цикл лекций об «Общественном договоре» Руссо. Лекции Фоше имели огромный успех. Их посетили тысячи рабочих, ремесленников, мелких лавочников, не говоря уже об интеллигенции. Чем был обусловлен этот успех? Тем, что этот аббат истолковал равенство действительно по-плебейски, не только как политическое, но и как социальное равенство, и решительно заявил о праве всех французов на землю. «В хорошо устроенном обществе все права общие: верховная общественная власть должна таким образом провести [разграничительные] линии [между участками], чтобы все имели кое-что и никто не имел бы ничего лишнего», — говорил он.

Уравнение имуществ и прежде всего равный раздел земли — так же толковал социальное равенство и Бонвиль.

Правда, ни Фоше, ни Бонвиль не предлагали революционных мер для осуществления той программы, которую считали единственно справедливой. Яростно атакованные представителями всех оттенков буржуазной мысли, в том числе и якобинцами, которые обвинили «Социальный кружок» в пропаганде «аграрного закона» и заявили о разрыве всех связей с ним, — подвергаясь всем этим нападкам. Фоше и Бонвиль разъяснили, что единственное, что они предлагают — это реформа наследственного права в духе Руссо: делить наследство на определенные равные доли между детьми усопшего, а к разделу остального привлечь всех других родственников. «Вы еще оставите на земле следы первородного греха, но лучшие законы вам не подходит», — писал Бонвиль.

Историческое значение агитации Фоше и Бонвilia заключается в том, что она дала толчок развитию социальной мысли, которое в конечном итоге привело к возникновению коммунистической программы «Заговора равных». «Революционное

движение, которое началось в 1789 г. в *Cercle social*, — писал К. Маркс, — которое в середине своего пути имело своими главными представителями *Леклерка* и *Руи*, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором *Бабёфа*, — движение это породило коммунистическую идею...¹ Но, отвергая революционное осуществление уравнительного передела земли, Фоше и Бонвиль остались в стороне от плебейского движения, застряли по сути дела на либеральных позициях и вполне закономерно оказались в дальнейшем в рядах жирондистов.

Деятельность «Социального кружка» была насильственно прервана летом 1791 г., когда он стал одним из центров республиканской агитации и тем навлек на себя преследования со стороны властей. Однако идея уравнительного земельного передела продолжала жить и развиваться. В защиту этой идеи неоднократно выступала такая влиятельная демократическая газета, как «Парижские революции», среди редакторов-сотрудников которой были Сильвен Марешаль и Шометт.

В феврале 1791 г. в «Парижских революциях» была напечатана статья «О богатых и бедных», написанная Марешалем, будущим участником заговора Бабёфа. Автор статьи заявлял, что все бедняки «должны стать в один прекрасный день собственниками», и призывал богачей согласиться на добровольный передел земли. «Богатые, согласитесь по доброй воле на аграрный закон. Пусть новый кадастр, предусматривающий маленькие равные доли, осуществит эту торжественную конституцию, которая провозглашает всех людей равными». Эта статья подверглась критике со стороны Лагарпа в газете «Французский Меркурий». Стремясь показать, насколько статья Марешала шокирует общественное мнение, Лагарп сообщал, что Рютледж, оратор Клуба кордельеров, «только что единодушно был освистан якобинцами за то, что заговорил об аграрном законе». Отвечая Лагарпу, Марешаль писал в мае того же года: «Французская революция является настоящим аграрным законом, осуществляемым народом. Народ вступил вновь в свои права. Еще шаг вперед, и он вступит вновь во владение своим имуществом».

Фоше и Бонвиль первыми стали требовать также и того, чтобы народу было дано право не только избирать своих депутатов, но и давать им наказы, контролировать их. В ноябре 1789 г. Фоше выступил в Коммуне Парижа с речью «О правах депутатов и народа», в которой протестовал против лишения народных масс права избирать и контролировать своих депутатов и предупреждал об опасности захвата власти «кастой богачей». Фоше требовал, чтобы вся нация, в том числе и миллионы неграмотных крестьян, имела право обсуждать на своих первичных собраниях проекты законов, выражать свое согла-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 132.

сие или несогласие с ними и чтобы Национальное собрание считалось с ветом народом. Бонвиль также требовал утверждения народом конституции и важнейших законов, видя в этом гарантию против угнетения его «аристократией богатства». Этот политический идеал разделяли и «братьские общества», и Клуб кордельеров. Выслушав 29 мая и 7 июня 1791 г. две речи Рене де Жирардена, Клуб кордельеров постановил требовать, «чтобы на будущее время все законы представлялись на утверждение народа».

19 или 20 июня 1791 г. 16 комиссаров от секций Гобеленов и Французского театра представили Учредительному собранию петицию, в которой содержалось требование не только всеобщего избирательного права, но и утверждения законов народом. «Приготовьте священные дни универсальной санкции законов безусловно всеми гражданами», — говорилось в петиции. Примерно в это же время Шометт в составленном им для Клуба кордельеров «Обращении к нации» предлагал во избежание того, чтобы народные представители не нарушили воли своих избирателей, давать им наказы, и чтобы Клуб кордельеров был сделан хранителем дубликатов этих наказов.

Так рождалось понимание демократии более глубокое, чем ее буржуазное понимание.

Социальные чаяния беднейших слоев народа нашли свое яркое выражение и в газете Эбера «Пер Дюшен».

«Пер Дюшен» («папаша Дюшен») — персонаж парижского фольклора. Это балагур-печник, с длинной трубкой во рту, который на остром, крепком и не всегда цензурном языке выражал свою «радость» или свой «гнев» по поводу происходящих событий. Этот образ родился на ярмарочных представлениях и затем перекочевал в публистику. Первые листовки и брошюры от имени «папаши Дюшена» появились еще до революции. С сентября 1790 г. почтовый служащий Лемэр стал выпускать газету «Пер Дюшен». С декабря 1790 г. газету под таким же названием стал издавать и аббат Жюмель. С июня—июля 1790 г. появляются и разрозненные номера эберовского «Пер Дюшена». Регулярно Эбер стал выпускать свою газету с 1 января 1791 г. Эберовский «Пер Дюшен» более других угодил настроениям своих читателей. Его конкуренты были вынуждены вскоре прекратить свои издания, а Эбер стал популярнейшим среди санкюлотов журналистом.

Эбер яростно нападал на богатых и в особенности на «скупщиков», как тогда называли крупных торговцев, которые скупали продукты по дешевой цене, а затем держали их на своих складах до тех пор, когда их можно было продать подороже. «Тысячи проклятий! — писал он в феврале 1791 г. — Неужели мне никогда не удастся схватить хоть одного из них и разделаться с ним так, как он того заслуживает? Не воображают ли эти пройдохи, занимающиеся ажиотажем, что только они одни

останутся безнаказанными? Как! Мы покончили со знатью, с членами парламентов, с духовенством, а это дьявольское отродье увильтнет от расправы? Пусть они трепещут, эти чудовища! Придет день, когда чаша терпения народа переполнится и им дадут почувствовать, что такое жестокая, но справедливая кара».

В июне 1791 г. Эбер горько упрекал депутатов Учредительного собрания: «Разве мы не советовали вам сбросить к черту всех старых идолов и возвысить бедный народ, который уже в течение стольких веков втаптывали по уши в грязь? Вы уничтожили аристократию дворян и духовенства, а теперь создаете в тысячу раз более гнусную аристократию богатства».

После бегства в Варенн «папаша Дюшен» заявил, что король «подлый дезертир», что нация не хочет больше видеть ни «этую толстую свинью», ни «проклятую Мессалину», его супругу, и что он, простой печник, готов стать регентом. «Что же ты станешь делать, папаша Дюшен, став регентом? Я начну с того, что прогоню всех притворных патриотов, проскользнувших, подобно змеям, в Национальное собрание, в муниципалитет, в департамент. Я соберу вам новое Законодательное собрание, которое будет состоять не только из активных граждан... Я буду покровительствовать искусствам, поддерживать торговлю, я добьюсь казни всех тех, кто занимается ажиотажем».

После расстрела на Марсовом поле «папаша Дюшен» советовал не избирать в Законодательное собрание ни аристократов, ни буржуа, а лишь людей из народа. «Вычеркните из нашего списка герцогов, маркизов, приказных, сборщиков податей, финансистов, банкиров, словом, всех тех, которые занимаются ремеслом обкрадывания и высасывания соков... Оставьте в стороне прекрасные отели Сен-Жерменского предместья, округа Марэ, бульваров и всех блестящих кварталов — там вы нашли бы лишь гнезда аристократов. Не поддавайтесь также на удочку заманивателей из улиц Сен-Дени, Сент-Оноре, из Пале-Рояля, всех этих мошенников, занимающихся ныне сколачиванием денег. Эти свиньи стали бы также торговать вашей свободой, как они торгуют всяkim другим товаром. Люди достойные прячутся по чердакам».

А вот наказ «папаши Дюшена» Законодательному собранию: «Прежде всего удешевите хлеб, раздавите всех пиявок народа... Заставьте повесить всех финансистов до последнего и всех этих плутов торговцев человеческим мясом, которые спекулируют на продовольствии граждан и жиреют за счет крови несчастных».

Социальные идеи, которые выдвигали и деятели «Социального кружка», и Эбер, отражали ненависть парижского «мелкого люда» не только к «аристократам», но и к «богачам». Они отражали стремление бедноты направить революцию не только против феодальных привилегий, но и против привилегий богат-

ства, против крупной собственности. Но все эти идеи не выходили за рамки мелкобуржуазного эгалитаризма, т. е. были направлены даже в своем самом радикальном варианте лишь на уравнение имущества. Однако уже с самого начала революции велась пропаганда и коммунистических идей, которые связывали подлинное социальное равенство не с тем или иным ограничением частной собственности, а с ее полным упразднением.

В июле 1789 г. Франсуа Буассель, в прошлом адвокат при Верховном суде Кап-Франсэ (главный город французской колонии Сан-Доминго), проживавший теперь в Париже на небольшую ренту, издал сугубо теоретический трактат «Катехизис человеческого рода». В этом трактате он критиковал «человекоубийственный, продажный и противообщественный строй», основанный на частной собственности. Этот строй возник как следствие эгоизма и себялюбия людей, которые сначала неразумно разделили между собой землю, а затем распространяли право собственности и на все остальное. Собственность Буассель объявлял причиной всех бед человечества. Она дала возможность собственникам поработить тех, кто ее лишен. Право собственности было распространено и на женщин, а отсюда возникла современная форма брака. Различные религии также были придуманы лишь для того, чтобы освятить и закрепить несправедливые общественные порядки. Буассель требует отменить право собственности, не ограничиваясь «агарным законом» и другими паллиативами, которые не затрагивают корень зла. В обществе не должно быть никакой исключительной собственности, и все должны трудиться на общее благо. Однако немедленный переход к строю, основанному на общности, Буассель считал невозможным. Прежде всего необходимо перевоспитать людей, подавить в них эгоизм и развить в них «социальные чувства». Для этой цели он предлагал повсеместно организовать общественные школы и мастерские, чтобы воспитывать в них молодое поколение. Он считал также необходимым карать злоупотребления собственностью, вплоть до ее конфискации, и обложить собственников крупным налогом, за счет которого и содержать общественные школы и мастерские. Буассель был уверен, что если осуществить все эти мероприятия, то уже следующее поколение будет жить при коммунизме.

Буассель разоспал свой трактат различным влиятельным лицам: королю, Неккеру, Мирабо, многим другим депутатам Учредительного собрания, а также в клубы. Результат для автора был самый неожиданный. На заседании Учредительного собрания 4 ноября 1789 г. епископ Клермонский обвинил Буасселя в «богохульстве» и «безнравственности», заявил, что он помогается раздела земель и общности женщин, издевается над святой троицей, и потребовал, чтобы королевский прокурор обратил внимание на это «зловредное сочинение». Лишь за-

ступничество Ле Шапелье, который сослался на то, что указанная книга недостаточно хорошо известна Собранию, избавило Буасселя от судебного преследования.

Ретиф де ля Бретон продолжал начатую им еще до революции агитацию за упразднение «чудовищной системы собственности» и за объединение всех французов в общины-коммуны.

В самом конце 1789 г. вышла в свет новая книга Ретифа «Тесмограф», которую он написал и начал набирать (этот писатель сам набирал и печатал свои произведения) еще в конце 1788 г., но в которую на протяжении всего 1789 г. вносил многочисленные дополнения, отразившие события и проблемы первых месяцев революции. В этой книге Ретиф набросал картину коренного социального переворота, первая стадия которого — всеобщий/ уравнительный передел земли, превращение всех граждан в собственников, а конечная цель — коммунизм, поскольку равенство, установленное на основе права частной собственности, не может быть прочным. «Примите мою систему,— обращался он к своим согражданам.— Объедините всю нацию в общины, по 25—30 хозяйств, и вы увидите, какие счастливые результаты вы получите! Но покуда вы будете иметь, с одной стороны, чудовищную систему собственности... покуда вы будете заниматься лишь унизительным и частным милосердием, покуда вы будете иметь ростовщиков, монополистов, лотереи, ломбарды, более опасные, чем места разврата, вы будете несчастны».

Однако коммунистические идеи, которые пропагандировали Ретиф де ля Бретон, Буассель и некоторые другие литераторы, получили тогда лишь ограниченное распространение. Подавляющее большинство санкюловотов не поднялось до понимания необходимости отмены частной собственности как непременного условия действительного равенства. Их социальные чаяния выражались в основном в мелкобуржуазном эгалитаризме, т. е. в стремлении к уравнению имуществ.

Сторонником эгалитаризма был и Робеспьер, но ограниченного, умеренного эгалитаризма в духе Руссо. Робеспьер хотел устраниТЬ крайности имущественного неравенства и уничтожить нищету. «Законодатели, вы ничего не сделали для свободы, если законы ваши не направлены к тому, чтобы при помощи мягких и эффективных средств уменьшить крайнее неравенство имущества», — говорил он 5 апреля 1791 г. в Учредительном собрании. Однако практические предложения по ограничению неравенства, которые выдвигал в те годы Робеспьер, не шли дальше предложений об обложении налогом соответственно состоянию, о равном разделе имущества между наследниками и других аналогичных мероприятий, рекомендовавшихся еще Руссо. Что касается идеи уравнения собственности, которая была столь популярна среди санкюловотов, то она оставалась для Робеспьера химерой, как и коммунистические идеи, которые

он решительно отвергал. Имея в виду сторонников всех этих идей, Робеспьер писал в апреле 1792 г.: «С самого начала этой революции они пытались напугать всех богачей аграрным законом, изображенным порочными людьми нелепым пугалом для глупцов. Хотя эта сумасбродная ложь была опровергнута, они упорно повторяли ее, как если бы защитники свободы были безумцами, способными придумать проект, в равной мере опасный, несправедливый и несуществимый; как если бы они не знали, что равенство имуществ по существу невозможно в гражданском обществе, что оно неизбежно предполагает общность имуществ, что является еще более явной химерой... Мы хотим равенства в правах, потому что без него нет ни свободы, ни общественного счастья. Но когда общество выполнит свою обязанность обеспечить своих членов необходимым им продовольствием посредством труда, граждане, не испорченные роскошью, друзья свободы, не будут стремиться к богатству».

Вряд ли можно было дать понять яснее, чем это сделал Робеспьер, что неимущие могут требовать от общества лишь предоставления им работы и средств пропитания, а никак не наделения собственностью?

Одним из наиболее радикальных публицистов демократического лагеря был Марат. Он разоблачал не только интриги и заговоры двора. Он яростно нападал на само Учредительное собрание и уже в сентябре 1789 г. требовал его распуска и замены его другим Собранием, двери которого были бы закрыты для дворянства и духовенства. Он разоблачал тогдаших кумиров — Мирабо, Лафайета, Байи, видя в них уже законченных изменников революции. Он призывал народ к мятежу, к бунту, к истреблению всех своих врагов, считая, что только такими средствами, а не путем реформ и поправок к конституции можно развить и углубить революцию.

Однако революцию Марат понимал весьма своеобразно. Ему было чуждым представление о революции как о действии организованных масс, руководимых передовой партией. В этом нет ничего удивительного, так как подобное представление было выработано на гораздо более поздней ступени исторического развития. В заслугу Марата можно поставить уже то, что он лучше многих своих современников понимал, что революцию совершил народ. «Неверно,— писал он,— что вся нация в целом выступила против деспота, потому что он по-прежнему окружен своими приспешниками, дворянством, духовенством, судьями в мантии, финансистами, капиталистами, учеными, литераторами... Революция была сделана и поддержана только низшими классами общества, рабочими, ремесленниками, мелкими торговцами, земледельцами, плебсом, неимущими, которых богачи называют канальями, а римские наглецы называли пролетариами».

Но, прекрасно понимая решающую роль народных масс в революции, Марат поднялся лишь до мелкобуржуазных представлений о ней самой. Марат понимал под революцией не более чем стихийный народный бунт и народную расправу, к которым он и призывал неустанно со страниц своего «Друга народа», «Перестаньте же напрасно терять время на обдумывание средств обороны,— писал он в декабре 1790 г.,— у вас остается только одно из них — именно то, которое я рекомендовал уже столько раз: *всебицее восстание и народная расправа*. Начните с того, чтобы захватить короля, дофина и королевскую семью, поставьте их под сильную охрану, и пусть они отвечают за все собственными головами. Отрубите затем без всяких колебаний головы контрреволюционным генералам, министрам и бывшим министрам... Перебейте без всякой пощады весь парижский Генеральный штаб, всех депутатов Национального собрания — попов и приверженцев министерства, всех известных приспешников деспотизма... Шесть месяцев тому назад пятисот, шестисот голов было бы достаточно для того, чтобы отвлечь вас от разверзшейся бездны. Теперь, когда вы неразумно позволили вашим неумолимым врагам составлять заговоры и накапливать свои силы, возможно, потребуется отрубить пять-шесть тысяч голов; но если бы даже пришлось отрубить двадцать тысяч, нельзя колебаться ни одной минуты».

Марат был очень близок к санкюлотам, гораздо более близок, чем чопорный и осторожный Робеспьер. Пропагандируя стихийное народное восстание и народные расправы, Марат как никто другой выражал дух мелкобуржуазного бунтарства, свойственный и основной массе санкюлов. Но его социальные взгляды являлись столь же буржуазно ограниченными, как и взгляды Робеспьера, не одобрявшего, конечно, той политической тактики, которую защищал Марат.

Марат и Робеспьер впервые встретились друг с другом в январе 1792 г. и... решительно не сошлись во взглядах. Робеспьер, по его собственным словам, упрекнул Марата, «что он сам виноват в том, что полезные мысли, изложенные в его статьях, не приносят того блага, которое они могли принести, и это произошло потому, что он упорно настаивал на своих чрезвычайных и резких предложениях (как, например, предложение казнить пятьсот-шестьсот преступников), возбуждающих негодование не только сторонников аристократии, но и друзей свободы». Марат вскипал и ответил Робеспьеру не менее резко: «Узнайте, что, если бы после резни на Марсовом поле я нашел две тысячи человек, воодушевленных чувствами, раздиравшими мою душу, я бы во главе их заколол кинжалом генерала [Ла-Файета] посреди его батальона разбойников, сжег деспота в его дворце и посадил на кол наших отвратительных представителей...» «Робеспьер слушал меня в ужасе,— заключал Марат

рассказ об этом свидании,— он побледнел и некоторое время молчал. Это свидание укрепило мнение, которое всегда у меня о нем было, что он соединяет знания мудрого сенатора с честью подлинно добродетельного человека и рвением настоящего патриота, но ему в равной степени не хватает дальновидности и мужества государственного деятеля».

Но именно тот Марат, который предлагал обычно самые крайние меры, когда речь шла о тактике политической борьбы, проявлял большую умеренность во всем, что касалось социально-экономических проблем. Марат высказывался за устранение крайностей общественного неравенства, требовал раздробления хотя бы части продаваемых церковных земель и пр., но идея уравнения собственности оставалась и для него химерой.¹ «Всё не следует требовать осуществления строгого равенства,— писал он в августе 1789 г.,— не способного существовать в обществе и не существующего и в природе: поскольку небеса наделили различных людей различной степенью чувствительности, умственного развития, воображения, способности к труду, активности и силы, постольку неодинаковы и имеющиеся в их распоряжении средства для достижения своего благополучия и приобретения того, что это благополучие обеспечивает».

Общественно-политическая жизнь уже на начальном этапе французской революции отличалась большой сложностью. Основной тон этой эпохи придавал процесс размежевания между либерализмом и демократией, завершившийся в общих чертах к лету 1791 г. Но одновременно происходила и определенная дифференциация и среди самой демократии: буржуазному пониманию демократии, сводившему проблему равенства в основном к равенству политических прав граждан, все более противопоставлялось санкюлотское понимание демократии, делавшее акцент на их *фактическом* равенстве.

Законодательство Учредительного собрания

Французская буржуазия, завладевшая летом и осенью 1789 г. всей полнотой власти в стране, не была классом однородным. Среди нее имелись различные слои и группы, одни менее революционные, другие более. Да и в ходе самой революции буржуазия не оставалась неизменной. Падало влияние одних ее групп, росло влияние других, появлялись даже новые группы буржуазии. На первых порах к власти пришла самая умеренная фракция буржуазии — так называемые конституционисты, господствовавшие в Учредительном собрании, в Коммуне Парижа, в Якобинском клубе и задававшие тогда тон в общественно-политической жизни всей страны. Конституционисты выражали интересы богатой буржуазии «старого порядка» (банкиры, откупщики, купцы-«фабриканты», крупные

землевладельцы-буржуа и крупные арендаторы, высшие чиновники) и сравнительно узкой прослойки либеральной аристократии. Эта буржуазия (*vieux bourgeoisie*), тесно связанная и с дворянством, и с дворянским государством (откупа, займы, аренды), не стремилась к коренной ломке социальных отношений. Ее интересам более отвечала политика частичных буржуазных реформ и компромисса с дворянством.

Естественно, что конституционисты могли вести революцию вперед лишь до известного предела, а затем они неминуемо должны были вступить в конфликт и с народом, и с другими, более радикальными группировками буржуазии.

Учредительное собрание последовательно провело курс на создание во Франции режима конституционной монархии, буржуазной по своему существу. Декретами от 8 и 10 октября 1789 г. был изменен традиционный титул французских королей: из «милостью божьей, короля Франции и Наварры», Людовик XVI стал «милостью божьей и в силу конституционного закона государства королем французов» (не *Roi de France*, а *Roi des Français*). Этот король французов остался главой государства и главой исполнительной власти, но править он мог лишь на основании закона, который уже не являлся выражением королевской воли. Законодательная власть принадлежала Национальному собранию, которое фактически стало высшей властью в стране. За королем было сохранено право назначать министров, но не из состава Собрания (чтобы нельзя было таким способом подкупать депутатов). Любое распоряжение короля должно быть скреплено подписью министра, а министров Собрание могло привлечь к судебной ответственности за государственную измену. Король не мог больше безгранично черпать из государственной казны: на содержание двора по цивильному листу была отпущена определенная сумма, впрочем, довольно крупная (25 млн. ливров). В мае 1790 г., после бурных прений у короля было отнято право объявлять войну и заключать мир. Отныне это право перешло к Национальному собранию. Правда, Мирабо пытался доказать, что дипломатия и внешняя политика должны остаться в компетенции короля, но он лишь потерял на этом изрядную долю своей былой популярности. Именно в эти дни в Париже появился памфлет «Великая измена графа Мирабо».

Чтобы лишить короля возможности повторить когда-либо в будущем попытку разгона Национального собрания, было установлено, что никакие регулярные войска не могут находиться на расстоянии ближе 30 лье от места его заседаний (без согласия Собрания).

Центральная администрация была реорганизована. Исчезли королевские советы и статс-секретари. Отныне назначались шесть министров: внутренних дел, юстиции, финансов, иност-

ранных дел, военный, военно-морского флота. Однако поста премьер-министра не было создано.

По муниципальному закону от 14—22 декабря 1789 г. городам и провинциям было предоставлено самое широкое самоуправление. Упразднялись все агенты центральной власти на местах. Должности интендантов и их субдепутатов были уничтожены.

Декретом от 15 января 1790 г. Собрание установило новое административное устройство страны. Изжившая себя средневековая система деления Франции на провинции, губернаторства, женералитэ, бальяжи, сенешальства и пр. перестала существовать. Страна была разделена на 83 департамента, примерно равных по территории. Имена им дали по названиям рек и гор. Департаменты подразделялись на округа (дистрикты). Дистрикты разделялись на кантоны, которые являлись низшей избирательной единицей и местом пребывания мирового судьи. Низшей административной единицей являлась коммуна (община). Коммуны больших городов разделялись на секции (районы, участки). Париж по специальному для него принятому «муниципальному закону» от 21 мая — 27 июня 1790 г. был разделен на 48 секций (вместо ранее существовавших 60 округов).

Управление повсюду осуществляли выборные органы, вполне автономные в решении всех местных дел. Во главе департаментов стояли Генеральные советы и их исполнительные директории. Имелась также должность генерального прокурора-синдика, уполномоченного следить за исполнением законов. Аналогичным образом было организовано и управление округами. Коммуны также имели свои Генеральные советы и выборных мэра, прокурора и командующего Национальной гвардией. Подлинно демократической эта система управления не являлась. Избирательный ценз и другие ограничения отстраняли от участия в местных выборных органах беднейшие слои населения и обеспечивали преобладание в них буржуазии и других состоятельных слоев. Тем не менее прогрессивное значение этой системы несомненно.

Судебная реформа была проведена на тех же основаниях, что и административная реформа. Все старые судебные учреждения, включая и парламенты, были ликвидированы. Продажа судебных должностей, как и всяких других, была отменена. В каждом кантоне учреждался мировой суд, в каждом округе — суд дистрикта, в каждом главном городе департамента — уголовный суд. Создавались также единый для всей страны Кассационный суд, имевший право аннулировать приговоры судов других инстанций и направлять дела на новое рассмотрение, и Национальный Верховный суд, компетенции которого подлежали правонарушения со стороны министров и высших должностных лиц, а также преступления против безопасности государства. Суды всех инстанций являлись выборными (на

основе имущественного ценза и других ограничений) и судили с участием присяжных.

Реформе подвергалась и налоговая система. Правда, далеко не сразу. В начале революции еще продолжали взимать старые налоги, в том числе и пресловутую габель. Это натолкнулось на ожесточенное сопротивление всего населения, особенно крестьян. Шаг за шагом пришлось отменить все налоги «старого порядка», в том числе и косвенные. Декретом от 21 марта 1790 г. была отменена габель. Исчезли внутренние таможни и городские ввозные пошлины. Введены были три прямых налога: поземельный — на доходы от земельной собственности; налог на движимость — на доходы от всего остального имущества; торгово-промышленный налог — на доходы от торговли и от промышленного производства.

Налоговая реформа, особенно отмена косвенных налогов «старого порядка», принесла значительное облегчение населению. Однако неравенство в налогообложении отнюдь не было ликвидировано. Основная тяжесть и новых налогов по-прежнему падала на крестьянство. После термидора победившая буржуазия встала на путь восстановления косвенных налогов, смешанных народным движением 1789—1791 гг.

Декретом от 19 июня 1790 г. были отменены институт наследственного дворянства и все связанные с ним титулы. Называть себя маркизом, графом и пр. было запрещено. Граждане могли носить только фамилию главы семьи. Упразднены были и дворянские гербы.

Большие перемены произошли и в положении церкви. Учредительное собрание поставило «под охрану нации» гигантский государственный долг, образовавшийся при старой монархии. Иначе и быть не могло, поскольку заимодавцами королей были самые богатые и влиятельные слои тогдашней буржуазии. Но этот долг надо было платить, как и компенсацию владельцам судебных и иных должностей, приобретенных при «старом порядке». Надо было найти какой-то выход из финансового кризиса, который продолжал углубляться. И выход был найден. Еще 10 октября Талейран предложил использовать для погашения государственного долга церковные имущества, которые надлежало передать в распоряжение нации и продать. Это предложение вызвало яростное сопротивление со стороны «правой» Учредительного собрания. Аббат Мори демагогически заявлял, что церковные имущества — это «достояние бедняков» (церковь оказывала благотворительную помощь беднякам), а также пытался доказать, что конфискация церковной собственности подорвет принцип частной собственности как таковой. Обращаясь к буржуазным собственникам, он говорил: «Наша собственность гарантирует вашу собственность. Сегодня нападают на нас, но не заблуждайтесь: если нас ограбят, вас постигнет та же участь». Однако либерально-буржуазное большин-

ство Собрания не дало себя запугать, а позиции «правой» были ослаблены эмиграцией около 200 депутатов-дворян. 2 ноября 1789 г. Собрание большинством 568 голосов против 346 при 40 воздержавшихся принял декрет, передававший все церковные имущества в распоряжение нации, которая брала на себя содержание священнослужителей и оказание вспомоществования беднякам. 19—21 декабря того же года Собрание декретировало продажу части церковных имуществ на сумму 400 млн. ливров и выпуск на равную сумму ассигнатов, т. е. доходных пятипроцентных бумаг, выпущенных крупными купюрами по 1000 ливров каждая и принимавшихся в уплату за церковные имущества. 27 августа 1790 г. ассигнаты были превращены в банковые билеты, и выпуск их был доведен до 1200 млн. ливров; были выпущены купюры среднего достоинства — по 50 ливров, а затем и совсем мелкие купюры — по 5 ливров. Фактически ассигнаты превратились в бумажные деньги, которые было предписано принимать в обмен на звонкую монету. Но так как казначейство злоупотребляло выпуском ассигнатов, то стоимость их стала быстро падать, а звонкая монета — исчезать из обращения. В конечном итоге возникла невиданная еще в истории инфляция, которая во многом способствовала обострению социальных противоречий в стране.

Но Собрание не ограничилось одной конфискацией церковных имуществ. Несколькими декретами, принятыми в июне—ноябре 1790 г., оно осуществило так называемое «гражданское устройство духовенства», т. е. провело реформу церкви, лишившую ее прежнего привилегированного положения в обществе и превратившую церковь в орган буржуазного государства. Из ведения церкви изымались такие функции, как регистрация рождений, смертей, браков, которые передавались государственным органам. Законным признавался только гражданский брак. Протестанты уравнивались в правах с католиками. Была закрыта часть монастырей (те, где давались монашеские обеты). Число епархий было сокращено до 83, по одной на департамент. Сокращено было и число церковных приходов, но жалованье приходским священникам повысили до 1200 ливров в год (вместо прежних 700 ливров). Упразднялись все церковные титулы, кроме епископа и кюре (приходского священника). Епископы и приходские священники избирались выборщиками, первые — выборщиками департамента, вторые — приходскими выборщиками. Утверждение епископов папой (как главой вселенской католической церкви) отменялось: отныне французские епископы лишь извещали папу о своем избрании и «приобщении к его причастию». Отменялись и так называемые аннаты, т. е. уплата папе вновь избранными епископами доходов за первый год с их епархий. Все священнослужители обязаны были принести специальную присягу «гражданскому устройству духовенства» под угрозой отставки.

Церковная реформа вызвала раскол среди французского духовенства. После того как папа не признал «гражданского устройства» церкви во Франции, все французские епископы, за исключением 7, отказались принести гражданскую присягу. Их примеру последовало около половины низшего духовенства. Между присяжным (*assentementé*), или конституционным, и неприсяжным (*réfractaires*) духовенством возникла острая борьба, значительно осложнившая политическую обстановку в стране. В дальнейшем «неприсяжные» священники, сохранившие влияние на значительные массы верующих, становятся одной из важнейших сил феодальной контрреволюции.

Учредительное собрание ликвидировало все прежние ограничения, стеснявшие свободу торговой и промышленной деятельности. Исчезли внутренние пошлины и таможни, в том числе городские заставы. Была восстановлена свобода хлебной торговли, за исключением свободы экспорта. Всякая регламентация и таксация в области хлебной торговли (а в последний раз их пытался восстановить Неккер) отменялись. Хлебом (зерном, мукой) могли торговать кто угодно и по свободно складывающейся на рынке цене. Но так как хлеба не хватало, а деньги обесценивались, то свобода хлебной торговли не только не привела к падению цен хлеба (как следовало из теорий Тюрго), но способствовала росту дороговизны. Фактически от свободы хлебной торговли выигрывали лишь крупные хлеботорговцы. Беднейшие слои населения, особенно в городах, вскоре опять стали требовать таксации цен на хлеб.

2 марта 1791 г. принимается так называемый закон д'Алларда (докладчика по этому вопросу), уничтоживший корпорации, цеховые советы, институт мастеров, а также привилегии «королевских мануфактур». Упразднена была и правительенная регламентация промышленного производства. Отменены были и привилегии крупных торговых компаний и городов в области внешней торговли. Так, например, 3 апреля 1790 г. Ост-Индская компания была лишена монопольного права на торговлю в районах, расположенных за мысом Доброй Надежды. Марсель также утратил свои привилегии в торговле со странами Леванта.

Все эти реформы, буржуазные по своему существу, в значительной степени преобразили страну. Уничтожены были остатки прежней феодальной раздробленности с такими ее архаическими институтами, как внутренние таможни, особые привилегии провинций и городов, местное право и т. п. Устраниены были преграды, которые создала экономическая политика «старого порядка» для развития торговли и промышленности. Путь для более быстрого развития производительных сил страны и роста капиталистических отношений был расчищен. Однако ахиллесовой пятой всего законодательства Учредительного собрания являлось то, что ломка старого не была доведена до

конца, а коренные жизненные интересы широких народных масс игнорировались.

Особенно ярко это проявилось в аграрном вопросе, который касался судеб подавляющего большинства населения страны.

Обстановка в деревне оставалась напряженной. Правда, во второй половине августа 1789 г. волна первой «жакерии» спала. Декрет от 5—11 августа, объявивший феодальный порядок «полностью уничтоженным», пробудил большие надежды среди крестьян. Поджоги замков прекратились. Но время шло, а бремя феодальных повинностей все еще продолжало тяготеть над крестьянами. Сеньеры и их управляющие продолжали взыскивать с крестьян чинш, шампары и другие платежи, условия выкупа которых Собрание все еще не объявляло. В конце концов это вызвало новый взрыв крестьянского недовольства. С ноября — декабря 1789 г. началась новая волна крестьянских восстаний, преимущественно в западных и юго-западных районах страны. Вновь горят замки. Сеньеров принуждают подписывать бумаги об отказе от своих феодальных прав. Наблюдается массовый отказ платить повинности сеньерам, а также налоги. Местные власти тщетно пытаются заставить крестьян «уважать закон», посылая все новые и новые карательные экспедиции в деревню. Новая волна «жакерии» сделала невозможным для Собрания оттягивать и дальше законодательное регулирование вопроса о крестьянских повинностях.

Декретом от 15 марта 1790 г. Собрание установило порядок упразднения феодальных прав, декретом от 3—9 мая того же года — процедуру и размеры выкупа тех из них, которые подлежали отмене лишь за выкуп.

Сохранилось разделение феодальных прав на «личные» и «реальные». «Личные» права признавались результатом «узурпации» со стороны сенюра и подлежали отмене без выкупа. «Реальные» права рассматривались как следствие первоначальной уступки земли сенюром крестьянину и подлежали отмене лишь за выкуп. Сенюр был освобожден от обязанности представлять документы («титулы»), подтверждающие его права. Достаточно было удостоверить самый факт владения данным правом в течение 30 лет.

Без всякого возмещения отменялись: почетные права сенюра, право суда, права мэнморта и серваж, лично-наследственные барщины, баналитеты, дорожные, рыночные и иные аналогичные сборы, право охоты и рыбной ловли, монопольное право содержания голубятен и кроличьих садков.

Право триажа для сенюра (т. е. право брать себе треть общинных угодий) на будущее время отменялось. Общинам предоставлялось также право возбуждать в суде иск о признании незаконными триажей, произведенных в течение последних 30 лет.

Подлежали выкупу: ценз, шампарты и ренты, пошлина, взимаемая при переходе земли в другие руки.

Сумма выкупа была установлена из расчета 4—5% дохода от основного капитала ренты, т. е. в размере, превышающем в 20 раз годовой доход для денежных повинностей и в 25 раз — для натуральных повинностей.

Выкупу подлежали не только основные права, например ценз или шампарт, но и казуальные платежи (*lods et ventes*).

Предварительно крестьянин должен был погасить все недочеты сеньеру за последние 30 лет. Выкуп был индивидуальным, но если крестьяне были связаны круговой порукой за долги сеньеру (а это явление было широко распространено), то выкуп мог быть только коллективным, или же требовалось, чтобы желающий выкупить свои повинности уплатил долги и за всех своих односельчан. К тому же выкуп был факультативным, т. е. он мог состояться только при наличии добровольного согласия и со стороны крестьянина, и со стороны сеньера.

Удивительно ли, что крестьяне были разочарованы? Безвозвратно отменялись лишь обременительные, но все же второстепенные повинности, которые к тому же были уже сметены жизнью. Захваченные сеньерами общинные земли фактически сохранялись за ними. Главные крестьянские повинности, связанные с владением землей, разрешалось выкупать за столь крупную сумму и при наличии столь многих отягщающих обстоятельств, что выкуп этих повинностей становился практически невозможным для подавляющего большинства крестьян-цензитариев. Крестьяне прозвали декреты от 15 марта и 3—9 мая 1790 г. «злодейскими декретами» и попросту игнорировали их. В источниках отразилось очень небольшое количество выкупных операций, совершенных на основании этих законов. Выкупали повинности не столько крестьяне, сколько владельцы цензив из некрестьянской среды.

Столь же разочаровал крестьян и порядок продажи земель из фонда «национальных имуществ» (*biens nationaux*), который был установлен Учредительным собранием. В фонд национальных имуществ «первого происхождения» вошли церковные земли, коронные земли, княжеские уделы и еще некоторые другие владения. Их общая стоимость оценивалась в 3 млрд ливров. Этот фонд предназначался для покрытия государственного долга и обеспечения ассигнаций, которые выпускались во все большем количестве.

Еще до революции крестьяне мечтали о том, чтобы заполучить немного земли за счет церковных или королевских владений. Во многих наказах предлагалось разделить земли церкви или королевского дома на мелкие участки и либо продавать их по дешевой цене, либо наделять ими бедняков за небольшую ренту. Учредительное собрание не могло игнорировать эти наказы и на первых порах пошло в известной мере навстречу поже-

ланиям крестьян, причем инициатива уступок крестьянам и на этот раз принадлежала либеральной аристократии (герцог Ларошфуко-Лианкур и др.), а не представителям буржуазии «старого порядка».

Законом от 14—17 мая 1790 г. Учредительное собрание установило порядок продажи земель из фонда национальных имуществ, сравнительно благоприятный для крестьян. Национальные имущества предписывалось продавать с торгов тому, кто больше даст за них. Но крупные имения надлежало дробить и продавать предпочтительно мелкими участками, «если за них в их совокупности будет предлагаться сумма, равная сумме, предложенной за все имение в целом». При покупке участков покупателю надлежало внести лишь 12% его стоимости, а остальную сумму он мог вносить в течение последующих 12 лет равными долями с начислением 5% годовых.

Этот закон открывал известную возможность перед крестьянами приобрести землю из фонда национальных имуществ. Но запротестовала буржуазия. На заседании Якобинского клуба 15 июня адвокат Польверель заявил, что нация, «которая должна уплатить немедленно два миллиарда и у которой нет иного средства покрыть свой долг, кроме продажи этих имуществ, не может и не должна давать покупателям 15 лет рассрочки». Якобинцы поддержали Польвереля, как и другие представители буржуазной общественности. Голоса немногих, кто высказывался в пользу крестьян, потонули в общем хоре голосов, требовавших пересмотра закона от 14—17 мая.

Законом от 3—17 ноября 1790 г. Учредительное собрание установило новые условия продажи национальных имуществ. Формально и этот закон предписывал дробление назначенного к продаже имения на части и предпочтительную продажу частями. Но, во-первых, имения надлежало подвергать возможно меньшему дроблению (не меньше, чем на фермы или хутора), во-вторых, покупателю уже не предоставлялось тех льгот, которые были предусмотрены законом от 14—17 мая. При покупке нужно было вносить уже не 12%, а 20% стоимости земли, а оставшуюся сумму уплатить не в течение 12 лет, а только 4,5 лет. Этот порядок продажи национальных имуществ благоприятствовал богатым покупателям, особенно городской буржуазии, открывал лишь самые скромные возможности для среднего крестьянства и совершенно отстранял от покупок деревенскую бедноту.

Продажа земель из фонда национальных имуществ пошла очень быстро. Уже к 1 ноября 1791 г. этих земель было продано на 1,5 млрд ливров. Покупателей было много. Повсюду цены, по которым национальные имущества продавались с торгов, были выше оценочных цен. Так, например, в округе Гайак (департамент Тарн) ферма Лонгвиль, оцененная в 28 250 ливров, была продана за 56 тыс. ливров; мельницы на ручье Крушу,

оцененные в 20 900 ливров, были проданы за 41 300 ливров. В целом же по этому округу национальные имущества, оцененные в 213 355 ливров, были проданы за 410 505 ливров.

В департаменте Кальвадос национальные имущества, проданные до 1 августа 1791 г., были предварительно оценены в 15,3 млн ливров, а выручено было от продажи с торгов 24,7 млн ливров, т. е. с превышением более чем на 25%.

Покупали землю, особенно в местностях, примыкающих к крупным городам, главным образом богатая городская буржуазия, крупные чиновники, а также дворяне. Так, например, в департаменте Сены и Уазы из 46,7 тыс. арпанов проданных земель буржуа из Парижа или других городов купили 39,8 тыс. арпанов, т. е. более $\frac{6}{7}$, а жителям деревень досталось всего лишь 6,3 тыс. арпанов. Из сельских жителей землю покупали преимущественно те, кто был побогаче. Так, в Версальском кантоне жители Парижа приобрели 40,1% национальных имуществ «первого происхождения», жители Версаля — 28,4%, фермеры — 18,9%, пахари — 3,5%, неопределенные лица — 8,8%. Приведем еще один пример. В коммуне Пюизё, в 6 км от Понтуаза, по дороге из Парижа в Гавр, национальные имущества состояли из 6 участков церковных земель общей площадью в 68 га. Три из этих участков — ферму в 55 га за 65 900 ливров, участок в 5 га за 11 тыс. ливров и участок в 2 га за 2500 ливров — купил богатый арендатор Томассен. На долю остальных его односельчан достались лишь жалкие крохи.

В департаменте Гар богатая торговая и банковская буржуазия из Нима, Алеса, Изеса и других городов также приобрела львиную долю национальных имуществ — около $\frac{5}{6}$. Вот некоторые из этих покупок: Адам Эдуард и Шарль Мишель-сын, негоцианты из Нима, вместе с Серром Жаком, контролером акцизного ведомства, приобрели епископское имение в Алесе за 87260 ливров; Аллеман Антуан, буржуа из Кавильярга, приобрел имение Малак за 132 тыс. ливров; Афурти, банкир из Нима, купил пашотные земли, луга и мельницу, принадлежавшие аббатству в Мило, за 136 тыс. ливров; негоциант из Марселя Арнавон купил за 192100 ливров поместье Вернед, принадлежавшее монахам-кардезианцам; Альбер Жан-старший, муниципальный чиновник из Монпелье, и Сабатье Гийом, житель Парижа, купили сообща поместье и замок Эсперан, принадлежавшие бенедиктинцам, за 773 тыс. ливров; Лабланш-младший из Соммьера, действуя по поручению Кинара, Берлу и Палиаса, негоциантов из Монпелье, купил имение за 225 тыс. ливров и еще одно имение за 2 млн. ливров; этот же Лабланш приобрел еще ряд других участков (за 2400 ливров, за 15 тыс. ливров, за 12 тыс. ливров и др.).

Подобные примеры можно множить до бесконечности. Богатая городская и сельская буржуазия, крупные чиновники, дворяне, офицеры и другие состоятельные люди скупили лучшие

и наиболее ценные земли из фонда национальных имуществ. Разумеется, в местностях, расположенных вдалеке от таких крупных городов, как Париж, Марсель, Бордо и др., доля сельских жителей в покупке национальных имуществ была выше. Например, в департаменте Эны буржуа приобрели лишь от 40 до 45% проданных земель, остальное досталось жителям деревень, но опять-таки наиболее богатым из них. В департаменте Нор доля покупателей-крестьян составила 55%, но преобладали среди них богатые крестьяне.

Вот некоторые образцы крестьянских покупок (по департаменту Гар): Банье Жан и Банье Жюль из Венежо купили в мае 1791 г. участок земли за 305 ливров; Барре Мишель, хозяин из Вильнёва, приобрел в феврале 1791 г. участок земли за 875 ливров и оливковую рощу за 3 тыс. ливров в марте 1791 г.; Бассу Пьер, хозяин из Конкуля, купил 25 июля 1791 г. участок земли за 1775 ливров; Жак Бенуа-сын, с хутора Травес, купил в июле 1791 г. участок земли за 900 ливров; Блан Антуан, хозяин из Арамона, купил в январе 1791 г. гумно и курятник за 726 ливров, а в мае 1791 г.— участок земли за 1500 ливров; Бурье Антуан из Арригаса приобрел виноградник за 132 ливра в июне 1791 г.; Бонфуа Бартелеми, хозяин из Монфрена, купил в мае 1791 г. участок земли за 2400 ливров, а в июле 1791 г. еще один участок за 1100 ливров.

Иногда крестьяне покупали землю в складчину вместе с мелкими торговцами, ремесленниками и другими небогатыми людьми. Вот некоторые примеры (по департаменту Гар): 16 покупателей из Пюжо объединились, чтобы купить 16 мая 1791 г. за 525 ливров участок земли у картезианского монастыря в Вильнёве; 13 покупателей из Сен-Жиля, крестьяне и ремесленники, совместно купили за 87 тыс. ливров земли, принадлежавшие аббатству, и канатный паром; 105 покупателей из Пюжо, крестьяне, торговцы, ремесленники, объединились, чтобы приобрести 30 марта 1791 г. поместье Сент-Антельм за 130 тыс. ливров; 106 покупателей, из них 67 из Вильнёва и 39 из Пюжо, приобрели совместно 12 марта 1791 г. ферму Сен-Брюно за 153 688 ливров.

Покупка земель в складчину (затем эти земли делились между участниками покупки соответственно взносу каждого) несколько облегчала положение мелких покупателей на торгах. Но против таких «ассоциаций» запротестовали богатые буржуа, и впоследствии Конвент (декретом от 24 апреля 1793 г.) запретил их.

Продажа национальных имуществ (представлявшая самое крупное в истории Франции перемещение земельной собственности) имела большие социальные последствия. Она в огромной степени расширила и укрепила крупное буржуазное землевладение во французской деревне, принеся известные выгоды и крестьянской верхушке. Формировался как бы новый слой

буржуазии, наиболее заинтересованный в полной победе революции, в недопущении какого-либо возраста к «старому порядку». Что касается крестьянской бедноты, то она практически была лишена возможности приобрести землю из фонда национальных имуществ. Естественно, что в деревне царило сильнейшее недовольство. Крестьянская беднота роптала. Директория департамента Крёз доносила 3 марта 1791 г., «что в некоторых кантонах, особенно в горах, говорят: церковные имущества являются национальными; мы образуем нацию,— следовательно, они нам принадлежат, у нас нет нужды продавать их, а надо их поделить». Из дистрикта Монтелимар (департамент Дром) сообщали в апреле 1791 г., «что жители нескольких деревень... захотели повесить лиц, купивших национальные имущества, и конфисковали эти имущества в свою пользу». Двух комиссаров, посланных дистриктом в эти деревни, «заставили... подписать и утвердить акт о разделе этих имуществ, которые должны принадлежать тем, кто их конфисковал, так как они являются частью нации». Для восстановления «порядка» в эти деревни были направлены две роты солдат с артиллерией.

Крестьянству (даже его зажиточной верхушке), лишенному практической возможности выкупить феодальные повинности и получившему весьма ограниченный доступ к национальным имуществам, ничего не оставалось больше делать, как бунтовать, и оно продолжало бунтовать. Одна волна «жакерии» следовала за другой, составляя как бы основу, общий фон всей той эпохи, полной самых драматических событий. Рост озлобление крестьян не только против дворян, но и против «буржуа», которые забирали в свои руки лучшие земли из фонда национальных имуществ. Во время крестьянских волнений в департаменте Соны-и-Луары один из «зачинщиков» говорил: «Не мы ли хозяева?... уже прогнали часть дворян в другие страны... надо было прогнать также и буржуа».

Политическое положение в стране обострялось. Уже начались роялистские мятежи. 10 мая 1790 г. произошло избиение протестантов и «патриотов» в Монтобане. В июне вспыхнуло роялистское восстание в Ниме, которое удалось подавить лишь с помощью крестьян Севенниских гор. В августе в замке Жалес, на границе трех департаментов — Гар, Ардеш и Лозер, роялисты создали вооруженный лагерь численностью до 20 тыс. человек. Этот лагерь удалось разогнать лишь в феврале 1791 г.

В папских владениях на юге Франции — в Авиньоне и графстве Венессен еще с лета 1789 г. началось движение за объединение с Францией. Жители Авиньона избрали свой муниципалитет и создали Национальную гвардию. Папа Пий VI отменил, однако, все эти нововведения и направил в Авиньон своего представителя Селестини с заданием восстановить там старый порядок. Но муниципалитет Авиньона не допустил Селестини

в город. В Карпантра — столице графства Венессен — Селестин был принят, и этот город подчинился папе.

10 июня 1790 г. аристократы и монахи подняли восстание в Авиньоне, которое, однако, Национальная гвардия подавила. На другой день дистрикты Авиньона единодушно высказались за присоединение города к Франции. В Париж была направлена делегация, тепло принятая в Якобинском клубе. Но Учредительное собрание уклонялось от решения этого вопроса, не желая окончательно поссориться с папой. В начале 1791 г. между «патриотами» Авиньона и «папистами» Карпантра началась война, принявшая очень ожесточенный характер. «Патриотов» Авиньона поддерживала Национальная гвардия из соседних французских городов.

Гражданская война в папских владениях на юге Франции еще долгое время будоражила страну. Правда, 14 сентября 1791 г. Учредительное собрание приняло декрет о присоединении Авиньона и Венессена к Франции. Но и в дальнейшем там продолжались трагические события: «паписты» избивали «патриотов», те — «папистов».

Серьезные волнения вспыхнули и в армии, где уже давно назревал конфликт между офицерами-дворянами и солдатской массой.

Солдаты иunter-офицеры все больше втягивались в общественно-политическую жизнь. Они посещали клубы, участвовали в народных шествиях, братались с национальными гвардейцами. Офицеры пытались пресечь рост революционных настроений среди солдат суровыми дисциплинарными взысканиями. Солдаты протестовали. Они избирали своих делегатов, которые приносили жалобы командованию на плохое питание, на невыплату солдатам жалованья, на жестокость офицеров и пр. Командование отвечало арестами «зачинщиков», увольнениями из армии и другими суровыми мерами. Тогда начались солдатские бунты. В ноябре 1789 г. матросы и рабочие порта в Тулоне схватили адмирала графа Альбера, отличавшегося своей жестокостью, и посадили его в местную тюрьму. Потребовался специальный декрет Национального собрания, чтобы они освободили его из тюрьмы. В дальнейшем адмирал Альбер был переведен в Брест, где также вызвал матросское восстание. Имели место случаи, когда солдаты прогоняли наиболее ненавистных командиров и избирали на их место кого-либо из младших офицеров: так, молодой Даву, будущий маршал Франции при Наполеоне, был в 1790 г. избран комендантом крепости Генден.

Учредительное собрание целиком стало на сторону реакционного монархического офицерства против бунтующих солдат. 6 августа 1790 г. оно приняло декрет, объявлявший виновным в государственной измене каждого солдата, который откажется повиноваться своему начальнику. Именно этот декрет и повлек

за собой кровавые события в Нанси, где вместе с другими частями стоял и швейцарский полк Шатовьё.

Солдаты этого полка, которым уже давно не выплачивали жалованья, потребовали проверки казначейских счетов и избрали для этой цели своих делегатов. Однако командир полка приказал арестовать делегатов. Полк Шатовьё был популярен, поскольку, будучи 13—14 июля в Париже, дал понять, что не выступит против народа. 13 августа толпа граждан Нанси, солдат и национальных гвардейцев напала на гауптвахту и освободила арестованных, которых затем пронесли на руках по улицам города. Вслед затем гарнизон Нанси (в котором стояли четыре полка) направил делегатов в Национальное собрание с жалобой на командование. Лафайет приказал арестовать этих делегатов и добился 16 августа у Собрания декрета, предписывающего командующему войсками в Меце генералу и бывшему маркизу Буйе подавить «восстание» гарнизона Нанси. Буйе (двоюродный брат Лафайета) направился с войсками и Национальной гвардией Меча в Нанси, где тем временем были созданы солдатские комитеты, пытавшиеся организовать оборону города. В местном арсенале было взято оружие и роздано населению. У городских ворот выставили пушки (28—29 августа). Когда войска Буйе подошли к Нанси, то они были встречены артиллерийским огнем. Завязался бой. 31 августа Буйе ворвался в город и учинил свирепую расправу над его защитниками. 23 солдата из полка Шатовьё были повешены, один — колесован, 41 — приговорен к каторжным работам. Сам полк был расформирован, и остальных его солдат рассредоточили по разным гарнизонам.

Кровавая расправа с гарнизоном Нанси возмутила народ. 2 сентября толпы парижан окружили Национальное собрание, требуя головы Буйе и ареста министров, виновников расправы. Но Собрание, наоборот, приняло по предложению Мирабо резолюцию с выражением благодарности Буйе. Национальная гвардия Парижа устроила на Марсовом поле торжественную панихиду по убитым солдатам армии Буйе. Никогда раньше различие между настроениями народа и позицией Собрания не проявлялись столь явно, как в эти дни. События в Нанси еще больше способствовали падению популярности Мирабо (который в апреле 1791 г. умер) и особенно Лафайета, которого считали главным виновником этой расправы. В Париже был создан специальный комитет за освобождение швейцарцев из полка Шатовьё, сосланных на каторгу. Впоследствии Законодательное собрание амнистировало этих солдат, которые были восторженно встречены в Париже. Цепи, которые они носили на каторге, были прибиты к стене в Якобинском клубе (уже обновленном).

Убийства в Нанси, открыто одобренные Учредительным собранием, имели серьезные последствия. Они подбодрили рояли-

стскую контрреволюцию, которая повсюду стала выступать более активно.

При дворе опять вернулись к плану бегства короля и его семьи в одну из крепостей на северо-восточной границе, где стояли войска Буйе. Приготовления к отъезду королевской семьи велись уже с октября 1790 г. Слухи об этом тревожили парижан. 19 февраля 1791 г. в Рим уехали тетки короля, принцессы Аделаида и Виктория, а 22 февраля толпы народа ворвались в Люксембургский дворец, к графу Прованскому, и взяли с него слово, что он никогда не оставит своего брата — короля. Для верности его заставили переселиться в Тюильри. Теток короля дважды задерживали в пути, и понадобилось специальное распоряжение Национального собрания, чтобы их наконец выпустили из Франции.

28 февраля граждане из предместья Сент-Антуан, встревоженные слухами о том, что в Венсенском замке идут какие-то военные приготовления, напали на этот замок и разрушили его башню. Роялисты использовали этот инцидент и распустили слух, что готовится нападение и на Тюильри. Около 400 дворян, вооруженных кинжалами, собрались в Тюильри, чтобы защитить королевскую семью. Лафайет, который с опозданием привел Национальную гвардию к Венсенскому замку, поспешил теперь в Тюильри и заставил «рыцарей кинжала» сдать свое оружие.

18 апреля король и его семья собирались отправиться в Сен-Клу, чтобы провести там праздник пасхи, как это было сделано и в прошлом году. Но на этот раз перед Тюильри собирались толпы народа, решившие, что король отправляется в более далекое путешествие. Когда королевские экипажи тронулись, путь им преградили национальные гвардейцы. Королю пришлось вернуться в Тюильри, а роялисты открыто заговорили о том, что «божьего помазанника» держат пленником в его дворце.

Что касается Учредительного собрания, то оно предпринимало все новые и новые шаги, еще более отделявшие его от народа.

Общий подъем общественно-политической жизни, наблюдавшийся во Франции после победы революции, сказался и на рабочем движении, которое заметно активизировалось. В годы революции продолжали существовать такие архаичные организации, как компаньонажи, т. е. тайные союзы подмастерьев, которые на свой лад вели борьбу с хозяевами. Но в эти же годы появились и зачатки рабочих организаций современного типа, прежде всего в Париже.

Осенью 1790 г. возник «Типографский и филантропический клуб». Это был союз рабочих-печатников, издававший даже свою газету (вышло более 30 номеров этой газеты: первый — 1 ноября 1790 г., последний — 31 мая 1791 г.). Число членов этого союза достигло внушительной цифры — 1100 или 1200 че-

ловек. В начале 1791 г. был создан «Братский союз рабочих плотницкого дела». Имеются сведения о возникновении «братских обществ» рабочих и по другим профессиям: слесарей, подмастерьев-каменщиков, подмастерьев-башмачников, кожевников и дубильщиков, а также грузчиков парижского порта.

С конца 1790 г. по всей стране, а особенно в Париже, стало расти стачечное движение. Французская экономика вышла к этому времени из тягчайшего кризиса, начавшегося в 1787 г. и послужившего непосредственным толчком к революции. Урожай в 1790 г. был хороший, в 1791 г.—несколько хуже, но все же лучше, чем в 1789 г. Цены на хлеб снизились, а его производство возросло. В деревне увеличился спрос на рабочие руки, причем в такой степени, что наблюдался отлив рабочих из города в деревню. Положение в промышленности было более сложным. Продолжавшаяся эмиграция дворян и других богатых людей резко понизила спрос на предметы роскоши, в производстве которых кризис углублялся. Но зато в других отраслях производства — в строительном деле, в типографском и во многих других — наблюдался подъем. В целом и в промышленности спрос на рабочие руки возрос. Это обстоятельство дало возможность рабочим многих профессий начать борьбу за повышение своей заработной платы, которую уже заметно снижала начавшаяся инфляция.

Летом 1790 г. в департаменте Уазы, в разгар жатвы, происходили «буйства» (*bacchanales*) жнецов, которые составляли «сборища» и заставляли фермеров повышать им оплату труда. Еще больший размах аналогичные «буйства» приобрели летом 1791 г. главным образом в департаменте Эны, а также опять в департаменте Уазы. Косари и жнецы, в том числе пришлые из городов, бросали работу и принуждали фермеров увеличивать им оплату. Они принуждали к стачке и тех батраков, которые еще продолжали работать. Местные власти направляли против бастующих сельскохозяйственных рабочих национальных гвардейцев, войска, жандармов. «Подстрекателей» к стачкам бросали в тюрьму.

Самое крупное за время революции стачечное движение среди промышленных рабочих развернулось в Париже в апреле—мае 1791 г. Первыми забастовали рабочие-плотники, которые потребовали у своих хозяев повышения дневной оплаты с 30—40 су до 50. За ними последовали рабочие-кузнецы, жаловавшиеся на очень длинный рабочий день — с 4 ч утра до 7 ч вечера — и просившие установить 13-часовой рабочий день, а также увеличить им дневную оплату с 30 до 40 су. Забастовали также слесари, столяры, каменщики, кровельщики, башмачники, типографские рабочие, выдвигавшие сходные требования. Большую роль в этом движении сыграли Типографский клуб и другие рабочие организации. Полицейские агенты сообщали, что члены Типографского клуба ходили по типографиям

и заставляли рабочих покидать работу, если они работали за меньшую плату, чем было установлено клубом. Аналогичные обвинения предъявлялись и союзу рабочих-плотников. Общее количество бастовавших в Париже в апреле-мае 1791 г. рабочих составляло около 80 тыс. человек. Парижская коммуна еще в конце апреля вмешалась в конфликт, выпустив специальное обращение к рабочим, в котором заявила о «преступности» стачки и потребовала ее прекращения. Но рабочие продолжали бастовать и в свою очередь стали подавать адреса и в Коммуну, и в Национальное собрание с жалобами на своих хозяев. Те также засыпали и Коммуну, и Собрание адресами и петициями с требованием запретить стачки и коалиции рабочих.

Стачки рабочих возникали не только в Париже. Еще в декабре 1790 г.—январе 1791 г. происходили волнения среди рабочих, занятых на строительстве канала в департаменте Ионны. Эти волнения были подавлены силой оружия. В апреле-мае 1791 г. крупным очагом стачечного движения стал департамент Нор, где рабочие также боролись за повышение заработной платы.

На все эти события Учредительное собрание реагировало принятием 14 июня 1791 г. закона Ле Шапелье (по имени докладчика), в котором наиболее ярко проявился классовый буржуазный характер всего его законодательства. Этот закон запрещал коалиции граждан «одной специальности и профессии», как якобы восстанавливающие только что запрещенные цехи, запрещал этим гражданам «заключать между собой соглашения, направленные к тому, чтобы сообща отказаться или согласиться только при определенной плате оказывать услугу своим мастерством или своим трудом». Все такие постановления объявлялись «посягательством на свободу и на Декларацию прав человека», а «зачинщиков» и «подстрекателей» к этим постановлениям надлежало приговаривать «к уплате штрафа в размере 500 ливров и лишению прав активного гражданина и доступа на первичные собрания в течение одного года». Если же упомянутые решения и соглашения содержат в себе угрозы по адресу предпринимателей или других рабочих, «то все зачинщики, подстрекатели и подписавшиеся под этими актами или текстами будут наказаны штрафом в размере 1000 ливров каждый и трехмесячным тюремным заключением».

20 июля 1791 г. к закону Ле Шапелье была принята дополнительная статья, специально направленная против стачек сельскохозяйственных рабочих. По этой статье «жнецам, батракам, сельским рабочим» запрещалось «объединяться между собой с целью добиться повышения и фиксации сдельной оплаты или заработка под угрозой штрафа, не могущего превышать стоимости 12 рабочих дней, и задержания муниципальной полицией».

Таким образом, как только рабочие попытались объединиться в борьбе за повышение заработной платы, захватившая всю полноту власти в стране буржуазия поспешила лишить их важнейших прав — права на создание рабочих союзов и права на стачку. Закон Ле Шапелье носил ярко выраженный антирабочий характер, хотя запрещение коалиций лиц «одной специальности и профессии» формально относилось и к предпринимателям. Известна оценка К. Марксом «этого буржуазного государственного переворота»¹, при помощи которого «французская буржуазия в самом начале революционной бури решилась отнять у рабочих только что завоеванное право ассоциаций»². К. Маркс подчеркивал также, что этот закон, «втихомодействующий государственно-полицейскими мерами конкуренцию между капиталом и трудом в рамки, удобные для капитала, пережил все революции и смены династий. Даже правительство террора оставил его неприкосновенным»³.

Закон Ле Шапелье просуществовал до 1864 г.

Непосредственное влияние этого закона на французское рабочее движение, делавшее тогда лишь свои первые шаги, было самым пагубным. Типографский клуб и другие зачатки классовых рабочих организаций были вынуждены прекратить свою деятельность, а стачечное движение лета 1791 г. — задушено.

С целью обеспечить хозяевам дешевые рабочие руки и подорвать стачечное движение Учредительное собрание предприняло тогда и еще один шаг: декретом от 16 июня 1791 г. были окончательно закрыты существовавшие в Париже с июля 1789 г. «благотворительные мастерские». Это вызвало волнения в предместье Сент-Антуан, где рабочие пытались захватить у Национальной гвардии пушки, но потерпели в этом неудачу.

К лету 1791 г. выработка конституции была в основных чертах завершена. Режим буржуазной монархии был создан. Однако еще до того, как этот режим получил свое окончательное законодательное оформление, возник острый политический кризис, поводом к которому послужила попытка короля сбежать из Парижа, чтобы встать во главе армии Буйе.

Варенский кризис

Накануне революции республиканские настроения не были распространены во Франции. Народные массы, особенно крестьянство, находились в плена представлений наивного монар-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 752.

² Там же, с. 751—752.

³ Там же, с., 752.

хизма и все еще сохраняли веру в «доброго короля», а буржуазия вполне сознательно предпочитала монархию республике. В просветительской литературе господствовала догма Монтескье и Руссо относительно того, что республика возможна лишь в малых странах и что для больших государств единственны разумным строем является конституционная монархия. Эта догма продолжала пользоваться почти всеобщим признанием и в первые годы революции. Под ее влиянием находился даже такой радикальный публицист, как Марат. «В большом государстве,— писал он в августе 1789 г.,— множественность дел требует самого быстрого их отправления, забота об его обороне также требует величайшей поспешности в исполнении приказов,— в этом случае форма правления должна быть, следовательно, монархической. Это — единственная форма правления, подходящая для Франции». После событий в Нанси (август 1790 г.) Марат, правда, заявил, «что было бы грубой ошибкой считать, что французское правительство может быть только монархическим». Но уже в феврале 1791 г. он высказался в совершенно противоположном духе: «Я знаю, что очень ограниченная монархия — это то, что нам больше всего сейчас подходит, учитывая развращенность и низость приспешников старого режима, столь склонных злоупотреблять полномочиями, которые им доверены. С такими людьми федеративная республика быстро выродилась бы в олигархию».

В начале революции республиканские идеи защищали очень немногие: Франсуа Робер и его друзья из Клуба кордельеров, философ Кондорсе и некоторые другие члены «Общества 1789 года» и еще несколько человек, которых, однако, можно было пересчитать по пальцам. Но постепенно положение стало меняться.

Королевский двор оказался центром интриг, направленных против революции. Король лишь формально присягнул «нации и закону», а на деле противодействовал всем важнейшим актам Национального собрания. Король и королева вступили в тайную переписку с иностранными дворами, строя планы вооруженного переворота. Свои главные надежды они возлагали на армию Буйе и уговаривали императора Леопольда II, брата Марии-Антуанетты, оказать поддержку Буйе силами австрийских войск, стоявших в Бельгии. Французские эмигранты, собиравшиеся в городах Северной Италии и на Рейне, открыто готовились к вторжению во Францию. Первоначально центром эмиграции был Турин — столица сардинского короля Виктора-Амадея III, который приходился тестем графу д'Артуа. Но в июне 1791 г. граф д'Артуа перенес свою резиденцию в Кобленц на Рейне, входивший во владения архиепископа Тирского, также родственника Бурбонов. Кобленц стал своего рода «столицей» эмигрантов, откуда граф д'Артуа и принцы рассылали своих

эмиссаров к европейским дворам, подбивая их на интервенцию против французской революции.

Контрреволюционная деятельность короля и принцев-эмигрантов компрометировали не только лично их, но и институт монархии как таковой. В демократической печати, в клубах все громче звучали голоса тех, кто критиковал и короля, и монархию, и доказывал преимущества республиканского строя. Простой народ, особенно же парижские санкюлоты, также преисполнялся неприязнью к королю, который возмущал их своим вероломством и лживостью.

Между тем европейские державы не очень-то спешили окказать помощь французскому королю. Их гораздо больше занимали другие дела, возникшие еще до французской революции. Самым крупным событием международной жизни конца 80-х годов XVIII в. была война России и Австрии с Турцией (Россия вела ее с августа 1787 г., Австрия — с февраля 1788 г.). Эта война поставила обе империи в весьма затруднительное положение. Энергичное противодействие планам России и Австрии оказала Англия. Побуждаемый и субсидируемый Англией шведский король Густав III начал в июне 1788 г. войну с Россией. Одновременно Англия заключила союзные договоры с Голландией и Пруссией, создав тем самым Тройственный союз, направленный против России и Австрии. Военные действия России и Австрии против Турции развивались успешно. В декабре 1788 г. Суворов взял Очаков, а в конце августа 1789 г. разгромил турок при Фокшанах. Это позволило австрийским войскам занять Бухарест, Белград, Крайову (сентябрь — ноябрь 1789 г.). Но дипломатическая ситуация складывалась угрожающая, особенно для Австрии. Заключив союзные договоры с Турцией (январь 1790 г.) и с Речью Посполитой (март 1790 г.), Пруссия предъявила Австрии ультиматум: немедленно выйти из войны с Турцией на основе признания довоенных границ и передать Польше часть Галиции. От Польши же Пруссия рассчитывала получить Гданьск и Торунь.

Тяжелым ударом для монархии Габсбургов явилась также революция в Бельгии и изгнание австрийских войск из этой страны (октябрь—декабрь 1789 г.).

России удалось вывести из войны Швецию. В августе 1790 г. между этими странами был заключен Верельский мирный договор на основе признания довоенных границ. Австрии же пришлось капитулировать перед англо-прусским нажимом. На конгрессе в Рейхенбаухе (июль 1790 г.), на котором присутствовали делегаты не только Австрии и Пруссии, но также Англии и Голландии, Австрия взяла на себя обязательство выйти из войны с Турцией без существенного изменения границ (если же границы будут изменены, то Пруссия получит соответствующие компенсации). Пруссия же обязалась содействовать восстановлению власти Габсбургов в Бельгии и совместно с Англией

и Голландией гарантировала сохранение там австрийского господства. В сентябре 1790 г. Австрия подписала перемирие с Турцией, а 4 августа 1791 г. в Систове и мирный договор, которым восстанавливались довоенные границы с незначительными изменениями в пользу Австрии.

Россия продолжала войну одна и, после того как Суворов взял в декабре 1790 г. Измаил, а в июле 1791 г. турецкая армия была разгромлена при Мачине, принудила Турцию заключить в январе 1792 г. Ясский мирный договор, закрепивший за Россией все приобретения, сделанные ею на юге во второй половине XVIII в.

Австрии же удалось в ноябре 1790 г. вторично завоевать Бельгию и восстановить там свое господство.

Но еще до того, как был развязан узел международных противоречий на Балканах; отвлекавший внимание европейских держав от французских дел, возник и еще один узел — польский.

Под влиянием французской революции в Польше усилилось движение за реформы, необходимость которых ощущалась еще со времени ее первого раздела (1772 г.). В этой стране сложился прогрессивный шляхетско-буржуазный блок (Г. Коллонтай, И. Потоцкий и др.), который добился принятия сеймом 3 мая 1791 г. новой конституции, ограничивавшей произвол и всевластие феодальной знати. Эта конституция натолкнулась на ожесточенное сопротивление польских магнатов, обратившихся за поддержкой к Екатерине II. Австрия и Пруссия также вмешались в польские дела, которые надолго приковали к себе внимание всех трех северных монархий.

К этому надо добавить, что до тех пор, пока речь шла о создании во Франции режима конституционной монархии, ни при английском дворе, ни даже в Вене еще не сложилось впечатления, что французские события представляют смертельную опасность для всех других государей. В особенности в Лондоне не считали реставрацию старых порядков во Франции ни возможной, ни полезной, а в представлявшемся неизбежным вследствие внутренних неурядиц ослаблении французской мощи видели для себя даже известную выгоду. Да и Мирабо, и Лайфайет, и другие деятели 1789 г. не казались иностранным монархам столь страшными бунтовщиками, с которыми не мог бы справиться сам французский король. «Я думаю, — писала Екатерина II Гримму, — что если бы повесить некоторых из них, остальные одумались бы... Эти каналы совсем как маркиз Пугачев».

Что касается Леопольда II, человека осторожного, осмотрительного и только еще входившего в курс дел после неожиданной смерти в начале 1790 г. его старшего брата и предшественника Иосифа II, то когда Людовик XVI и Мария-Антуанетта стали засыпать его просьбами о помощи, он отвечал уклончиво и явно затягивал принятие каких-либо окончательных решений.

Мария-Антуанетта рвала и металла, обвиняя своего брата в «слепоте» и «эгоизме», но добиться от него определенных обязательств так и не смогла. Бегство из Парижа, которое король и его супруга все же попытались осуществить, имело в виду также и еще одну цель: поставить императора Австрии и других европейских монархов в такое положение, когда они уже не могли бы не вмешаться во французские дела.

Король и его семья бежали из Парижа в ночь с 20 на 21 июня 1791 г. В русском посольстве был получен паспорт на имя баронессы Корф, вдовы полковника русской службы. Баронессу Корф изображала герцогиня де Турзель, воспитательница обоих детей короля, Людовик XVI ехал под видом лакея баронессы Корф, Мария-Антуанетта — под видом ее горничной. Одновременно с королевской семьей бежал и граф Прованский, но он поехал из Парижа другой дорогой и благополучно достиг бельгийской границы. Замысел короля заключался в том, чтобы добраться до крепости Монмеди, т. е. в расположение войск Буйе, и оттуда, опираясь на армию Буйе и австрийские войска в Бельгии, а также на отряды эмигрантов, предпринять поход на Париж, чтобы разогнать Национальное собрание и восстановить свою неограниченную власть.

Однако все эти планы были сорваны революционной бдительностью народа. В местечке Сен-Менегу короля опознал сын местного почтмейстера, бывший драгун полка Конде Жан Батист Друэ, который поскакал напрямик, через лес, в близлежащий Варенн, куда направилась карета с беглецами, и поднял там тревогу. Король и его семья были задержаны. Отряд гусар, который Буйе послал в Варенн, чтобы отбить короля, натолкнулся на толпы вооруженного народа и должен был ретироваться. Утром 22 июня королевская семья была отправлена обратно в Париж под конвоем Национальной гвардии и под наблюдением трех комиссаров Национального собрания. Известие о бегстве короля и его задержании в Варенне подняло на ноги все окрестные города и села. Повсюду жители вооружались, опасаясь иностранного нашествия. Опять начались расправы с «аристократами» и нападения на замки. Когда короля везли обратно в Париж, то в Сен-Менегу местный сеньер граф Дампьер поскакал к королевской карете и самым почтительным образом приветствовал королевскую семью. Естественно, что это не понравилось толпе крестьян, которые встречали карету короля с совсем иными чувствами. К тому же крестьяне люто ненавидели своего сеньера. Кто-то схватил лошадь графа под уздцы, граф дал шпоры, выстрелил из пистолета, умчался в поле, но был настигнут, и вскоре его голова торчала на пике.

В дни Варенского кризиса Франция впервые услышала о волонтерах (*volontaires*, т. е. добровольцы). Опасаясь войны и не очень полагаясь на верность регулярной армии, Учредительное собрание декретом от 21 июня 1791 г. (дополненном

декретами от 22 июля и 4 августа) призвало национальных гвардейцев королевства (т. е. «активных» граждан) организовать отряды добровольцев для спасения родины и свободы. Этот призыв нашел широкий отклик в стране. Во всех департаментах началось формирование батальонов волонтеров, которым было назначено небольшое жалование и дано право самим выбирать своих командиров. Сохранить чисто буржуазный характер волонтеров не удалось. В их ряды в большом количестве вступали и «пассивные» граждане, которые вооружались в основном пиками. К концу августа уже более 100 тыс. волонтеров выступили к границам.

25 июня король и его семья вернулись в Париж. Народ и национальные гвардейцы, запрудившие все улицы, по которым проезжала карета с беглецами, встретили их ледяным молчанием. Учредительное собрание, которое еще 21 июня взяло на себя всю полноту власти в стране и обязало министров исполнять свои декреты без королевской санкции, распорядилось приставить к королю стражу. Фактически король был отстранен от власти и оказался на положении узника.

Известие о бегстве короля вызвало в Париже, как и по всей стране, огромное возбуждение. Народ негодовал. На улицах собирались большие толпы. Раздавались крики: «Нам не нужно короля. Нам достаточно Национального собрания и министров. Республика! Республика! Мы не хотим иметь королем клятвопреступника!» Повсюду разбивали бюсты короля, рвали его портреты, соскабливали на вывесках и даже на дощечках с названием улиц слово «королевский». В Париже, как и в приграничных департаментах, опасались иностранного нашествия. Поэтому парижане также бросились вооружаться. Многие секции объявили свои заседания непрерывными и раздавали оружие рабочим. В предместье Сент-Антуан пивовар Сантер, участник штурма Бастилии, вооружил 2 тыс. «пассивных граждан». Секция Французского театра (на ее территории находился Клуб кордельеров) попыталась даже ввести революционным путем всеобщее избирательное право. Она постановила 23 июня открыть доступ в свое «первичное собрание» всем гражданам, достигшим возраста в 25 лет и имеющим определенное местоожительство. Секция выбросила также из текста присяги слова «активный гражданин» и «король». Клуб кордельеров принял на заседании 22 июня предложенный Робером адрес к Учредительному собранию с требованием «либо провозгласить немедленно, что Франция больше уже не монархия, что она республика, либо по крайней мере подождать, чтобы все департаменты, все первичные собрания высказались по этому важному вопросу, прежде чем во второй раз ввергнуть прекраснейшее государство в мир оковы и цепи монархизма».

Однако, когда в этот же вечер Робер пришел к якобинцам, предлагая им поддержать требование республики, его встретили

возгласами протesta: «Монархия установлена конституцией. Это преступно!» Большинство якобинцев, резко осуждая Людовика XVI как «клятвопреступника», не шло дальше предложений либо об установлении над ним опеки, либо об учреждении регентства при его малолетнем сыне.

Марат требовал низложения Людовика XVI, «который показал себя слишком недостойным для трона», и грозил «отцам-сенаторам» (т. е. членам Учредительного собрания) всеобщим осуждением, «если они не назначат регента», т. е. еще и сейчас исключал республику.

Марат выдвигал в те дни и еще одну идею. Он обратился к народу с призывом «назначить немедленно военного трибуна, верховного диктатора, чтобы расправиться со всеми известными главными изменниками... Остановите свой выбор на гражданине, который до сих пор показал себя наиболее просвещенным, ревностным и преданным; поклянитесь ему в нерушимой верности и свято подчиняйтесь ему во всем, что он прикажет, чтобы избавиться от смертельных врагов... Трибун, военный трибун, или вы безнадежно погибли».

В такой, идущей еще от античных образцов форме представлял себе тогда Марат революционную диктатуру, необходимость которой он уже сознавал.

Некоторые из якобинцев, говоря о регенте, имели в виду герцога Филиппа Орлеанского, который как раз в эти дни вступил в Якобинский клуб и всячески афишировал свой «патриотизм». Главой «орлеанистов» среди якобинцев был Шодерло де Лакло, автор нашумевшего в свое время романа «Опасные связи» (1782 г.). Но Дантон также тогда высказывался за кандидатуру герцога Орлеанского либо на пост председателя опекунского совета, либо на пост регента.

Республика представлялась тогда большинству якобинцев институтом сомнительным, опасным и пригодным фактически лишь на то, чтобы расчистить дорогу к власти для всякого рода честолюбцев или клик. Эти предрассудки относительно республики разделял и Робеспьер, который довольно прозрачно намекал на то, что некая «клика» прочит Ляфайета на роль французского Кромвеля. «Мне внушает отвращение всякий образ правления, где властвуют смутьяны,— говорил он у якобинцев.— Англия освободилась от ига одного из своих королей только для того, чтобы вновь подпасть под еще худшее иго... Я не вижу среди нас того могучего гения, который мог бы сыграть роль Кромвеля; но я вижу коалиции, более активные и более сильные, чем то подобает свободному народу, но я вижу граждан, соединяющих в своих руках слишком разнообразные и слишком мощные средства».

А в своем «Адресе к французам» (июль 1791 г.) Робеспьер писал: «Что касается монарха, то я не разделяю того ужаса, который внушал титул короля почти всем свободным народам.

Лишь бы только нации было предоставлено подобающее ей место, а патриотизму, вызванному нашей революцией, был дан соответствующий простор».

Однако движение за республику росло и ширилось. «Пусть все 83 департамента объединяться в федерацию и заявят, что они не хотят ни тиранов, ни монархов, ни протекторов, ни регентов», — призывала газета Бонвиля «Железные уста». «Республика или смерть!» — воскликнул Фрерон в своей газете «Народный оратор». За республику высказывалась также газета Бриссо «Французский патриот». «Людовик XVI сам разбил свою корону... После такого клятвопреступления король и конституция несовместимы друг с другом», — писала эта газета.

В речи, произнесенной 10 июля в Якобинском клубе, Бриссо высмеял опасения, что если Франция низложит своего короля, то это навлечет на нее нашествие иностранных монархов. «Кто вы такие? Вы — свободный народ, а вам грозят нападением нескольких коронованных разбойников и своры рабов! — говорил он. — Боялись ли когда-нибудь Афины и Спарта бесчисленных полчищ, ведомых персидскими деспотами? Говорил ли кто-нибудь Мильтиаду, Кимону, Аристиду: „Признайте царя, иначе погибните?“ Они ответили бы достойными греков словами: „Увидимся при Марафоне, у Саламина“. И у французов будет свой Марафон, свой Саламин, если найдутся державы, настолько безумные, чтобы напасть на них». Бриссо доказывал, что не французы должны бояться войны с иностранными монархами, а эти последние «должны избегать войны, чтобы избегнуть со-прикосновения своих народов с революционной Францией. Разве смогут иноземные короли, вооружаясь против нас, наводняя Францию своими войсками, уберечься от глетворного духа свободы? Смеют ли они надеяться, что их солдаты не станут слушать эти священные гимны; что они не станут восхищаться конституцией, которая... сделала всех людей равными?... Их сеньеры покажутся им более заносчивыми, их министры — большими притеснителями, их налоги — более обременительными, и они восстанут. Американская революция породила Французскую революцию, которая станет тем священным очагом, откуда разнесутся искры и воспламенят своим огнем те нации, властелины которых посмеют к нему приблизиться!»

Провозглашение республики и война с европейскими монархами, если они решатся выступить в защиту Людовика XVI, война не только ради защиты независимости Франции, но и с целью распространения республиканского строя в других странах — вот программа, которую формулировал Бриссо уже в дни Вареннского кризиса. Именно эта программа сделала его лидером буржуазных республиканцев на следующем этапе революции, когда развернулась борьба против цензового и монархического режима, созданного конституционалистами.

За республику выступал в дни Вареннского кризиса

и Кондорсе, последний из блестящей плеяды «энциклопедистов», лично знавший Вольтера, д'Аламбера, Тюрго. Правда, Кондорсе не был столь воинственно настроен, как Бриссо, и отождествлял республику не с пропагандистской войной, а с политикой мира. В большой речи в «Социальном кружке» 8 июля Кондорсе решительно опроверг возражения, которые выдвигались тогда (в том числе и Робеспьером) против провозглашения во Франции республики. Говорят, что республика может привести к тирании, наподобие кромвелевской. Но как возможна тирания при наличии разделения властей и свободы печати? «Ясно, что если бы английский народ умел читать не только Библию, то лицемер, с которого с первых его шагов была бы сорвана маска, вскоре стал бы безопасен». Не соглашался Кондорсе и с тем, что король необходим, чтобы придать силу исполнительной власти. «Когда царит равенство, не требуется большой силы, чтобы заставить отдельных людей повиноваться... Напротив, именно существование наследственного главы лишает исполнительную власть всей ее силы, возбуждая против нее недоверие друзей свободы». Не беспокоило Кондорсе и то, что республика может выродиться в военную диктатуру. «Какую завоеванную провинцию разграбит французский генерал, чтобы купить наши голоса? Обещает ли он нашим солдатам, как это было обещано солдатам Рима, отдать им на разграбление Испанию или Сирию? Нет, конечно, и именно потому, что мы не можем быть народом-повелителем, мы останемся свободным народом».

Если в дни Вареннского кризиса и кордельеры, и такие люди, как Бриссо и Кондорсе, совместно выступали за республику, то это отнюдь не означает, что все они вкладывали в это слово одинаковое содержание. Кордельеры ориентировались в общем на народную республику, в которой не будет ни бедных, ни богатых, и все граждане будут равны не только формально, но и фактически. Бриссо и Кондорсе были сторонниками буржуазной республики — республики для богатых, для интеллигентской элиты, в которой имущество равенство граждан исключалось. Во главе этой республики в качестве ее президента и Бриссо, и Кондорсе действительно хотели поставить Лафайета, учитывая его популярность. Само собой понятно, что Лафайет, убежденный монархист, не имел никакого отношения к этим планам и весьма активно поддержал усилия Барнава и других лидеров конституционалистов, направленные на то, чтобы восстановить Людовика XVI на престоле. Понятно также, что в своей речи в «Социальном кружке» 8 июля, которая произвела большое впечатление на современников, Кондорсе нарисовал идеализированный образ буржуазной республики, оказавшейся в реальной действительности куда ближе к воинственной политике Бриссо, чем к миролюбивой программе само-

го Кондорсе. Но это нисколько не умаляет роли Кондорсе как одного из пионеров республиканской пропаганды во Франции.

14 июля 1791 г. Париж, как и в прошлом году, отметил праздник Федерации. На этот раз из толпы, собравшейся на Марсовом поле, неслись возгласы: «Долой Людовика XVI! Не надо короля!»

Адреса с требованием смещения «короля-клятвопреступника» и провозглашения республики шли и из департаментов. «Чтобы быть римлянами,— заявляли в своем обращении к Учредительному собранию члены „Общества друзей конституции и равенства” в г. Монпелье,— нам недостает только ненависти к королям и изгнания их. Первое у нас есть, второго мы ждем от вас... Сделайте Францию республикой... Если же, благодаря вам, Капеты и их трон еще долго будут тяготеть над нами, мы будем проклинать вас за все бедствия, которые они принесут нам, а они принесут их наверное, потому что порода королей вредоносна». Аналогичные адреса поступили из Страсбурга, Клермон-Феррана и многих других городов. В городе Доль, где местные якобинцы также высказались за установление республики, на статуе Людовика XVI была сделана надпись: «Первый и последний король французов».

Этот взрыв республиканских и демократических чувств, наблюдавшийся как в Париже, так и по всей стране, крайне напугал умеренно-либеральное большинство Учредительного собрания и побудил его «амнистировать» Людовика XVI. Смещение «короля-клятвопреступника» и еще более низвержение монархии означали бы углубление революции, а Лафайет, Барнав и другие лидеры конституционалистов уже давно пришли к выводу, что революцию нужно остановить. В программной речи в Собрании 15 июля Барнав говорил: «Вы сделали все, что могло благоприятствовать свободе и равенству... Лишний шаг в этом направлении был бы роковым и преступным актом: лишний шаг по пути к свободе означал бы уничтожение королевской власти, а лишний шаг по пути к равенству — уничтожение собственности... Таким образом, несомненно, что революцию уже сейчас пора закончить».

Уже в обращении к французам от 22 июня Учредительное собрание заявило, что Людовик XVI не бежал, а был похищен. Буйе, убежавший в Люксембург, обратился 26 июня с письмом к Собранию, в котором брал всю ответственность за происшедшее на себя, а в заключение пригрозил: «Вы ответите за жизнь короля и королевы перед всеми государями мира. Если только один волос упадет с их головы, от Парижа не останется камня на камне. Я знаю пути и сам поведу иностранные армии». Это обращение, предвосхившее по своему тону манифест герцога Брауншвейгского, облегчало игру Барнава и его друзей. Отныне можно было переключить народный гнев на Буйе и эмигрантов и попытаться выгородить короля.

Собрание поручило нескольким своим комитетам расследовать обстоятельства бегства короля. И все они пришли к выводу, что король должен быть признан невиновным в силу конституционного принципа неприкосновенности его особы и что к судебной ответственности должны быть привлечены лишь генерал Буйе и его помощники как виновные в «похищении» короля. После длительных и бурных прений, в ходе которых демократически настроенные депутаты тщетно пытались доказать необходимость привлечь к суду и короля, Собрание 15 июля одобрило предложения комитетов, проложив тем самым путь к восстановлению Людовика XVI на троне.

Это решение вызвало огромное возмущение среди республиканцев, которые, однако, еще не имели поддержки со стороны большинства населения даже в Париже, не говоря уже о всей стране. Не поддержали их и якобинцы, хотя многие из них и осуждали решение Собрания.

15 июля кордельеры и члены примыкающих к ним «братских обществ» собрались на Марсовом поле, у «алтаря отечества» и приняли здесь новую петицию Учредительному собранию с требованием, чтобы оно отложило решение вопроса об участии Людовика XVI до тех пор, пока по этому вопросу не выскажется вся страны. Эту петицию понесла в Собрание избранная здесь же делегация, которую сопровождала большая толпа народа. Однако Национальная гвардия рассеяла толпу, арестовав при этом несколько человек. Делегацию приняли Робеспьер и Петион, которые заявили о бесцельности петиции, поскольку Собрание уже решило вопрос о короле. Но кордельеры продолжали настаивать на своем. Вечером того же дня на собрании членов народных обществ в цирке Пале-Рояля, которое созвал «Социальный кружок», была принята резолюция о непризнании декрета Учредительного собрания относительно реабилитации Людовика XVI. С этой резолюцией участники собрания в цирке Пале-Рояля пришли в Якобинский клуб, который как раз в это время обсуждал предложение Шодерло де Лакло принять петицию с протестом против декрета Учредительного собрания о восстановлении Людовика XVI на престоле и собрать под этой петицией «десять миллионов подписей». Прибывшие призвали якобинцев собраться совместно завтра на Марсовом поле и принести там присягу «никогда не признавать Людовика XVI кордлем». Якобинцы согласились с этим и избрали комиссию для составления соответствующей петиции. В состав комиссии вместе с Лакло, Дантоном и другими был включен и Бриссо, который, однако, не стал на этот раз настаивать на требовании республики.

Утром 16 июля Якобинский клуб одобрил предложенную этой комиссией петицию, требовавшую, «чтобы Национальное собрание приняло от имени нации отречение Людовика XVI от престола и позаботилось о его замене при помощи всех консти-

туционных средств». Якобинцы заявляли также, «что они никогда не признают Людовика XVI своим королем, если только большинство нации не выразит желания, противного тому, которое выражено в этой петиции».

Иными словами, якобинцы требовали отстранения Людовика XVI, но высказывались за сохранение монархии. Это вызвало резкую критику со стороны корделиеров, когда петиция была в тот же день оглашена на Марсовом поле. Собравшиеся постановили исключить из текста петиции слова «при помощи всех конституционных средств». Но Якобинский клуб не согласился с этой поправкой и вечером того же дня, после жаркой дискуссии решил вообще не принимать никакой петиции (поскольку Собрание уже решило вопрос о короле) и отказаться от участия в демонстрации на Марсовом поле, которую корделиеры назначили на следующий день. Это решение было принято по предложению Робеспьера.

С утра 17 июля на Марсовом поле стали собираться толпы народа, преимущественно «мелкий люд»: рабочие, ремесленники, лавочники, мелкие служащие. Сюда же прибыли и лидеры корделиеров — Робер, Шометт, Бонвиль, Моморо и др. Из лидеров якобинцев не было никого. Была составлена новая петиция и положена на «алтарь отечества», для того чтобы присутствующие могли ее подписать. Петиция требовала от Учредительного собрания «принять во внимание, что преступление Людовика XVI доказано, что король отрекся, принять его отречение и созвать новое Учредительное собрание, чтобы в истинно национальном духе приступить к суду над виновным, а главное — к замене прежней и организации новой исполнительной власти».

Под этой петицией, которая хотя и не упоминала прямо о республике, но безусловно носила республиканский характер, подписалось более 6 тыс. человек, в том числе Робер, Шометт, Эбер, Анрио, Бонвиль и другие лидеры корделиеров. Но здесь не было подписей ни Робеспьера, ни Дантоне, ни Марата.

Республиканская манифестация на Марсовом поле 17 июля была воспринята и Учредительным собранием, и Коммуной Парижа как «мятежное соборище», к которому надлежало применить Военный закон 1789 г. Нашелся и повод пустить в ход оружие. Еще утром этого дня под «алтарем отечества» были обнаружены двое мужчин, неизвестно для чего забравшиеся туда. Жорес полагал, что это были просто два веселых парня, решивших через щели в помосте попугать поднимавшихся на него женщин. Парней отвели в караул Гро-Кайу, допросили, но ни в чем предосудительном уличить не могли. Между тем разнесся слух, что эти люди хотели взорвать «алтарь отечества». Толпа, не долго думая, ворвалась в караульное помещение, схватила парней, отрубила им головы, воткнула их на пике и понесла по городу. Этот кровавый инцидент дал повод Ком-

муне распорядиться вывесить над ратушей красный флаг (знак военного положения) и приказать Лафайету двинуть Национальную гвардию на Марсово поле, хотя граждане, начавшие собираясь там после полудня, не имели к инциденту в Гро-Кайу никакого отношения. Батальоны Национальной гвардии прибыли на Марсово поле уже после 7 ч вечера. Во главе ихшли мэр Байи и Лафайет. Мирные люди, митинговавшие на Марсовом поле (оружия не было ни у кого), встретили их возгласами протesta. Раздались крики: «Долой красное знамя! Долой штыки!» Было брошено несколько камней. Обозленный Лафайет, не выполнив даже процедуру о троекратном предупреждении, приказал открыть огонь. Прогремели несколько залпов. На «алтаре отечества» остались лежать свыше 50 трупов. Несколько сот человек были ранены. Национальная гвардия разогнала собравшихся, произведя еще вдобавок многочисленные аресты.

Кровавая бойня на Марсовом поле 17 июля показала, как далеко зашло размежевание классовых сил в бывшем третьем сословии. Самая умеренная буржуазная фракция — фракция конституционалистов, которая в начале революции боролась вместе с народом против королевского абсолютизма, выступила теперь с оружием в руках против народа, в защиту монрахии Бурбонов, которую она тщетно пыталась преобразовать на буржуазный лад.

В Якобинском клубе произошел раскол. Еще 16 июля, после принятия петиции о низложении короля, из клуба вышли почти все его члены — депутаты Учредительного собрания. Эти депутаты — сторонники Лафайета и Барнава — образовали в бывшем монастыре Фейянов новый клуб, взявший себе название «Общества друзей конституции, заседающего у фейянов». В первом списке членов этого клуба, датированном 16—18 июля, значилось 365 имен. У якобинцев остались лишь 5 депутатов Учредительного собрания (Робеспьер, Петион и др.).

К фейянам (*feuillants*) перешли все те либералы-монархисты, которые считали революцию законченной. У якобинцев остались более радикально настроенные буржуазные деятели, которые хотели вместе с народом продолжать и углублять революцию. Правда, и среди них вскоре также произошло размежевание. Клубы «друзей конституции» в департаментах требовали на первых порах примирения между фейянами и якобинцами. Но в дальнейшем большинство их пошло за якобинцами.

Либерально-монархическое большинство Учредительного собрания после бойни 17 июля круто повернуло вправо. Усилились гонения на демократов и республиканцев, названные современниками «трехцветным террором». Было начато следствие по поводу событий 17 июля. К судебной ответственности привлекли 14 человек, из них трое — Камиль Демулен, Лежандр, Сантен — скрылись. Сначала Дантон, а затем и Марат должны

были уехать в Англию. Клуб кордэльеров был опечатан и смог возобновить свои заседания лишь в конце июля. Закрыли несколько газет, отличавшихся своей республиканской направленностью. «Социальный кружок» вынужден был прекратить свою деятельность. В конституцию были внесены поправки, еще более закреплявшие привилегии буржуазной верхушки. Декретом от 27 августа 1791 г. Собрание отменило установленный в конце 1789 г. особый ценз для кандидатов в депутаты (марка серебра), поскольку этот ценз закрывал доступ в парламент значительной части образованной, но небогатой буржуазии. Право выдвигать свою кандидатуру в депутаты было предоставлено всем «активным гражданам». Но ценз для выборщиков был еще более повышен: владеть имуществом, приносящим доход в размере стоимости 150—200 рабочих дней, или арендовать имущество, ценность которого не менее стоимости 400 рабочих дней, или быть нанимателем жилого помещения, приносящего доход, равный стоимости 100 рабочих дней. Этот декрет отстранил от общественных должностей не только неимущих, но и большую часть мелких собственников и часть самой буржуазии. Правда, применение этого декрета Собрание отложило до обновления коллегии выборщиков, т. е. на два года.

Выборщики для избрания депутатов в предусмотренное конституцией Законодательное собрание (однопалатное, избираемое на два года) были избраны уже в июне 1791 г. А в конце августа эти выборщики приступили к избранию депутатов. По предложению Робеспьера Учредительное собрание постановило, что ни один его член не может быть переизбран в Законодательное собрание.

В начале революции доступ в Национальную гвардию формально ничем не был ограничен, существовало лишь фактическое ограничение: вступающий в Национальную гвардию должен был экипироваться за свой собственный счет. После бойни на Марсовом поле Собрание и по закону лишило неимущих доступа в Национальную гвардию. Декретом от 28 июля, с поправками от 19 сентября, было установлено, что в Национальную гвардию принимаются лишь «активные граждане».

Массовая эмиграция дворян, в том числе офицеров, заставила Учредительное собрание подумать о порядке замещения вакантных офицерских должностей. Декретом от 28 сентября 1791 г. было установлено, что вакантные должности младших офицеров (подпоручики) могут замещаться либо унтер-офицерами данной части по старшинству, либо сыновьями «активных граждан» после сдачи соответствующих экзаменов. Тем самым был узаконен доступ к офицерским должностям выходцам из буржуазии и частью из народа (из унтер-офицерского состава).

При обсуждении конституции поднимался вопрос и о правах населения французских колоний, состоявшего из белых, мулатов и негров-рабов. Возникшее еще в 1788 г. филантропическое

«Общество друзей чернокожих» (Кондорсе, Бриссо) требовало запретить работорговлю и постепенно освободить негров. Однако колониальные дельцы, широко представленные в Собрании, решительно воспротивились этим требованиям, которые поддерживали также Робеспьер и Петион. Декретами от 8 и 28 марта 1790 г. во французских заморских владениях были учреждены «Колониальные собрания» с участием представителей белого населения и части мулатов (и с правом лишь совещательного голоса). Собрание решило не распространять конституцию Франции на ее колонии. Позорные институты рабства и работорговли были сохранены. 28 сентября 1791 г. Собрание декретировало предоставление свободы лишь тем рабам, которые вступают на территорию самой Франции.

3 сентября 1791 г. Собрание приняло окончательный текст конституции и представило ее на утверждение королю. 13 сентября король дал конституции свою санкцию и на следующий день, 14 сентября, явился в Собрание, где принес присягу на верность конституции.

18 сентября на Марсовом поле состоялось празднество в честь первой в истории Франции конституции. Вечером король с семьей проехал по Елисейским полям, встречаемый восторженными криками буржуазной публики: «Да здравствует король!» Отношение парижских санкюотов к королю ярко выразил неведомый нам по имени сапожник, наклеивший на окне своей мастерской листок бумаги с надписью: «Да здравствует король, если ему можно верить!»

30 сентября Собрание разошлось, объявив предварительно всеобщую амнистию. В манифесте, с которым в день роспуска Собрания Людовик XVI обратился к стране, говорилось: «Наступил конец революции».

Однако король ошибался, как ошибались Барнав и другие лидеры конституционалистов. С принятием конституции и роспуском Учредительного собрания революция отнюдь не кончилась. Завершился лишь ее первый этап, на котором был сломлен абсолютизм и создан режим конституционной буржуазной монархии. Этот режим представлял собой крупный шаг вперед по сравнению с дореволюционным периодом. Однако многие важные задачи буржуазно-демократической революции еще не были решены. Крестьянство еще не избавилось от основных феодальных повинностей, тяготевших над ним. Не получило оно и широкого доступа к земле из фонда национальных имуществ. Политические права подавляющего большинства народа были крайне ограничены, а беднота, неимущие фактически лишины всяких прав. Место аристократии дворянской заняла «аристократия богатства», верхушка буржуазии, которая превратилась в новый господствующий класс.

Неизбежен был новый революционный взрыв. Неизбежен был подъем революции на новую, более высокую ступень. Не-

избежен был приход к власти более передовой буржуазной фракции, чем конституционалисты. Новый подъем революции был ускорен войной, угроза которой обрисовалась уже в конце деятельности Учредительного собрания.

Арест королевской семьи в Варенне дал императору Леопольду II формальный предлог для вмешательства во французские дела. 6 июля 1791 г. он обратился из Падуи с нотой к европейским дворам, предлагая им совместно выступить в защиту французской монархии. На эту ноту немедленно откликнулся прусский король Фридрих-Вильгельм II, рассчитывавший окружить свои владения на Рейне за счет Франции. 25 июля в Вене между Австрией и Пруссиеи был заключен предварительный договор, предусматривавший их совместные действия по оказанию помощи французскому королю.

Вслед за тем Леопольд II и Фридрих-Вильгельм II встретились в саксонском замке Пильниц и подписали 27 августа 1791 г. декларацию, призывающую всех других государей Европы предпринять совместно с ними «самые действенные средства, чтобы предоставить французскому королю возможность укрепить в условиях полной свободы основы монархического правления, равно отвечающего как правам монарха, так и благополучию французской нации». Оба монарха заявляли также, что в ожидании согласия с этим других государей «они отдадут своим войскам надлежащие приказы, чтобы те пребывали в состоянии готовности начать военные действия».

Правда, другие государи откликнулись на этот призыв далеко не сразу. Летом 1791 г. лишь один шведский король Густав III выразил готовность посадить свою армию (впрочем, весьма небольшую) на суда англо-русской эскадры и произвести высадку в Нормандии. Впоследствии Екатерина II одобрила этот план, но с английской стороны он был решительно отвергнут. «В своих действиях в отношении волнений, столь сильно потрясших французское королевство, я руководствовался принципами полного и строгого нейтралитета и никогда, ни в одном случае не отступал от этой системы... Я весьма далек от желания вмешиваться во внутренние дела этого королевства», — ответил Георг III 13 августа 1791 г. шведскому королю.

Пильницкая декларация не означала еще немедленной интервенции. Однако первый шаг к созданию коалиции европейских монархий против французской революции был сделан.

Обострился и начавшийся уже давно конфликт между Францией и Германской империей по вопросу о правах немецких князей в Эльзасе. В этой провинции, которая еще по Вестфальскому миру 1648 г. перешла во владение Франции, многие немецкие князья — и светские, и духовные — продолжали владеть крупными поместьями и соответствующими феодальными правами. Декреты от 4—11 августа 1789 г. об отмене некоторых феодальных прав сеньоров, об отмене церковной десятины,

а также декрет от 2 ноября о передаче церковных имуществ в распоряжение нации серьезно задели интересы немецких князей, в том числе и таких влиятельных, как герцог Цвейбрюкенский, епископ Шпайерский и др. Эти князья, обладавшие как бы «двойным подданством», обратились прежде всего к Людовику XVI и Национальному собранию с протестом против августовских декретов: они требовали, чтобы эти декреты не распространялись на их владения в Эльзасе. Эти протесты вызвали возмущение и в Собрании, и среди широкой французской общественности. Но король принял сторону немецких князей, а Миррабо предложил компромиссное решение: выкупить у немецких князей в Эльзасе и их земли, и их феодальные права. В конце концов Собрание согласилось с этим и приняло 28 октября 1790 г. соответствующий декрет. Но немецкие князья отвергли этот компромисс и обратились за защитой своих прав к Германской империи. Собравшийся в ноябре 1790 г. немецкий рейхстаг постановил потребовать от Франции сохранения феодальных прав немецких князей в Эльзасе. 14 декабря 1790 г. император Леопольд II направил Людовику XVI ноту с извещением об этом. Но Национальное собрание твердо настаивало на выкупе. Тогда 6 августа 1791 г. немецкий рейхстаг постановил, что защита прав имперских князей в Эльзасе есть дело всей Германской империи, от которого ни один ее член уклониться не может. После некоторых колебаний император Леопольд II утвердил это постановление.

Это значило, что Германская империя все больше втягивалась в конфликт с Францией. С большим удовлетворением наблюдала за этим Екатерина II, которая энергично ратовала теперь за скорейшее вмешательство во французские дела. «Ослабление монархической власти во Франции подвергает опасности все другие монархии,— говорила она.— Пора действовать и приняться за оружие для устрашения сих беснующихся».

Дело явным образом шло к войне между Францией и европейскими монархиями, которые все больше бряцали оружием.

ГЛАВА IV ВОЙНА И СВЕРЖЕНИЕ МОНАРХИИ

Начало деятельности Законодательного собрания

1 октября 1791 г. открылось Законодательное собрание (*Assemblée nationale législative*), в состав которого было избрано 745 депутатов. Все они были новыми людьми, так как члены Учредительного собрания, по предложению Робеспьера, объявили себя не подлежащими переизбранию. Новая ассамблея являлась гораздо более классово однородной, чем ее предшественница. Если в Учредительном собрании половина мест принадлежала представителям дворянства и духовенства, то в Законодательном собрании лиц дворянского происхождения и священников было немного: около 20 конституционных священников и лишь немногим больше бывших дворян. Цензовая и двухступенчатая система выборов закрыла доступ в него и представителям трудящихся: среди его депутатов были лишь 3 крестьянина и 4 ремесленника. Подавляющее большинство депутатов принадлежало к буржуазии и буржуазной интеллигенции, особенно много было адвокатов (400 человек). Почти все они вышли из рядов местной выборной администрации, где занимали должности мэров, командиров Национальной гвардии, мировых судей, прокуроров-синдиков округов и департаментов и т. п.

Серьезные сдвиги в соотношении классовых сил в стране оказались и на характере тех политических группировок, которые образовались в Законодательном собрании. «Правую» новой ассамблеи составляли уже не защитники феодально-абсолютистского строя, как это было в Учредительном собрании, а либералы-монархисты, сторонники цензовой конституции 1791 г. К «правой» принадлежали 264 депутата, и почти все они состояли членами Клуба фейянов.

Фейяны (представлявшие либеральную аристократию и те слои буржуазии, которые были наиболее связаны со «старым порядком») считали революцию законченной и решительно противились всяkim дальнейшим социальным и политическим реформам. Свою предвыборную агитацию они провели под лозунгом: «Конституции, всей конституции, ничего, кроме конституции!». Политическое влияние фейянов уже падало, и среди них наблюдались внутренние раздоры. Наиболее близко к королю стояли члены бывшего «триумвирата» Учредительного собрания — братья Шарль и Александр Ламет, Барнав, Дюпор, за которыми шла группа *ламетистов* в Законодательном собрании — генерал Матьё Дюма, бывший граф Теодор Ламет (братья членов «триумвирата»), бывший граф Вьено и др. Эта группа готова была даже пойти на угодный королю пересмотр конституции 1791 г.: создание двух палат, абсолютное вето короля на решения обеих палат, назначение судей королем. Напротив, Лафайет, отстраненный от дворца, отстаивал неприкосновенность конституции 1791 г. и Декларации прав. Сторонники Лафайета в Собрании составили группу *файетистов* (Рамон, Пасторе, Гувион, бывший маркиз Жирарден и др.).

«Левую» новой ассамблеи составляли 136 депутатов — в большинстве своем члены Якобинского клуба и Клуба корделиеров. Эти депутаты не считали революцию законченной и отстаивали необходимость дальнейших социальных и политических реформ. Среди «левой» также уже намечались определенные различия. Ее наиболее влиятельными лидерами были депутаты от Парижа — журналист Бриссо, философ Кондорсе и депутаты от департамента Жиронды, выдающиеся ораторы — Верньо, Гаде, Жансонне. Современники называли эту группу «бриссотинцами», а депутатов от Жиронды — жирондистами. Уже в XIX в. поэт и историк Ламартин распространил наименование «жирондисты» (*girondins*) на всю группу сторонников Бриссо и Верньо, под каковым они и остались в истории. Жирондисты — в большинстве своем адвокаты, журналисты, литераторы — выражали интересы новых групп буржуазии, влияние которых теснило влияние наиболее богатых слоев буржуазии «старого порядка». Они представляли крупную и отчасти среднюю торговую-промышленную буржуазию, развитие которой было крайне стеснено социально-экономической структурой феодального общества и которая была заинтересована в более ради-

кальной ломке этой структуры, но без того, чтобы поставить под угрозу привилегии богатства и собственности. Их главной опорой были не парижские банкиры и откупщики, склонявшиеся в общем к фейянам, а богатые купцы-оптовики, судовладельцы, промышленники из таких крупных портовых городов юго-западной Франции, как Марсель, Бордо, Нант и др. Эта группа буржуазии была кровно заинтересована в дальнейшем расширении внутреннего и внешнего рынка для французской промышленности, в развитии свободной конкуренции и частного предпринимательства, в обеспечении полной свободы прибыли. Именно эти коренные жизненные интересы торгово-промышленной буржуазии обусловили как борьбу жирондистов с фейянами за дальнейшее углубление революции, как их воинственную внешнюю политику, так и их последующий конфликт с санкюлотами, выступившими против неограниченной свободы частного предпринимательства, за таксацию и регламентацию торговли и прибыли. Еще в дни Вареннского кризиса Бриссо и Кондорсе выступали за республику, но за республику для богатых, для интеллектуальной элиты. В начальный период деятельности Законодательного собрания, когда открытые выступления за республику были невозможны, «бриссотинцы» вели линию на то, чтобы враждебность Людовика XVI делу революции, его измена нации стали очевидны для всех и тем подготовить почву для свержения монархии. Но когда революционный народ действительно поднялся против монархии, чтобы дать политике «бриссотинцев» ее логическое завершение, они отшатнулись от народа, охваченные страхом перед восстанием, которое могло поколебать социальные привилегии богатых и «образованных».

В рядах «левой» Законодательного собрания образовалась также «районе левая», подвергвшая критике политику жирондистов именно за то, что они недостаточно считались с интересами народа и менее состоятельных слоев самой буржуазии. Этой группе дали насмешливое прозвище «Гора» (*la Montagne*), «горцы» (*les montagnards*), поскольку ее представители сидели на верхних скамьях, в амфитеатре¹. Наиболее непримиримым критиком «бриссотинцев» был Робеспьер, избранный после роспуска Учредительного собрания общественным обвинителем (*accusateur public*) при Парижском уголовном суде и продолжавший оставаться одним из лидеров Якобинского клуба. «Районе левую» Законодательного собрания представляли «трио кордельеров» (Базир, Шабо и Мерлен де Тионвиль), а также Робер Ленде, Кутон, Лазар Карно и еще немногие депутаты.

¹ Существуют и другие версии происхождения термина «монтаньяры»: от «Писем с Горы» Руссо или от символа масонов «Синай», т. е. Гора Законов.

Наиболее многочисленной группой в Законодательном собрании были депутаты центра — 345 человек. Эти депутаты называли себя *независимыми*, но в действительности они не занимали самостоятельной позиции, колеблясь между фейянами и жирондистами.

В связи с роспуском Учредительного собрания Байи и Лафайет сложили также и свои полномочия в Парижской коммуне: Байи отказался от поста мэра Парижа, Лафайет — от поста командующего Национальной гвардией Парижа. 16 ноября 1791 г. состоялись выборы нового парижского мэра. Главными претендентами на этот пост были от фейянов Лафайет, от якобинцев Петион, ставший одним из лидеров жирондистов. Из приблизительно 82 тыс. избирателей, внесенных в списки, в голосовании приняли участие всего 10 632 человека. Петион получил 6728 голосов, Лафайет — 3126. Завоевание поста мэра Парижа было важным успехом Жиронды, которая все более выдвигалась на роль ведущей политической группировки буржуазии. Прокурором Коммуны Парижа был избран Манюэль, якобинец, близкий к жирондистам, а его вторым заместителем — Дантон. Фейяны потерпели поражение и при выборах прокурора-синдика Парижского департамента: на этот пост был избран Рёдерер, один из друзей Бриссо. Однако многие другие важные посты и в Коммуне Парижа, и в Парижском департаменте оставались в руках фейянов.

Фейяны оказывали определенное влияние на состав и политику правительства, но всей полнотой правительственной власти они не обладали. Парламентского министерства, т. е. такого, которое опиралось бы на большинство Собрания и проводило бы намеченную им политическую линию, во Франции той эпохи еще не существовало. Министров назначал и смешивал король, и большинство из них выполняло его личную волю, которая чаще шла вразрез с политикой Собрания, даже с политикой фейянов, чем находилась в гармонии с нею. Продолжалась и тайная дипломатия двора, т. е. в тех случаях, когда тот или иной министр действовал в согласии с решениями Собрания, король или королева поступали за его спиной в совершенно противоположном духе.

С самого начала деятельности новой ассамблеи король взял курс на то, чтобы вернуть себе первенствующее положение, утвержденное им при Учредительном собрании. Он широко использовал право вето и другие свои права, чтобы противодействовать политике Собрания. Поводом к первому серьезному конфликту между ним и Собранием послужил вопрос об эмигрантах и неприсяжных священниках.

В австрийских Нидерландах и на Рейне скопились многие тысячи дворян-эмигрантов, которые открыто готовились к вторжению во Францию. Обосновавшийся в Кобленце граф Пропанский объявил себя регентом Франции на том основании, что

Людовик XVI и его малолетний сын находятся якобы «в плену» у якобинцев. Возникло здесь и эмигрантское «правительство» во главе с Шарлем Калонном, которое направляло своих эмиссаров к иностранным дворам, склоняя их на вооруженное выступление «в защиту» французской монархии. Была создана в Кобленце и эмигрантская «армия» под командованием принца Конде. Ее численность составляла около 15 тыс. человек.

Союзниками эмигрантов внутри страны являлись неприсяжные священники, которые подбивали верующих на сопротивление гражданскому устройству духовенства, а фактически на борьбу со всем новым порядком. Уже начинались волнения на религиозной почве, перераставшие во многих случаях в роялистские мятежи.

Еще в августе 1791 г. вспыхнули первые волнения крестьян в Вандее, вызванные агитацией неприсяжных священников в защиту «истинной веры». Толпы крестьян нападали на местных «патриотов» и избивали их. На подавление этих волнений были брошены регулярные войска, которыми командовал генерал Дюмурье. Именно там, в Вандее, Дюмурье приобрел репутацию «патриота», которая так помогла ему в его дальнейшей карьере. Переезжая из города в город, он непременно являлся в общество местных якобинцев и приветствовал их, устраивал гражданские празднества и лихо отплясал вокруг «алтарей отечества». Там же он познакомился и с одним из лидеров жирондистов Жансонне, прибывшим в Вандею в качестве комиссара Законодательного собрания.

В октябре 1791 г. вся Франция была потрясена кровавыми событиями, разыгравшимися в Авиньоне. «Патриотический» муниципалитет этого города, нуждаясь в деньгах, стал снимать колокола и изымать церковное серебро. Среди верующих начались разговоры о «святотатстве», искусно подогреваемые священниками. 16 октября обезумевшая от ярости толпа верующих, в том числе много женщин, буквально растерзала в церкви Кордельеров секретаря Коммуны Лескуюе. Этот несчастный, у которого отрезали нос, губы, прокололи ножницами язык, умер в страшных мучениях. На эту зверскую расправу «патриоты» Авиньона ответили не менее жестоким актом. Командир местной Национальной гвардии Журдан отдал приказ перебить всех, кто мог быть заподозрен в участии в расправе с Лескуюе. Избиения шли в течение двух дней, 16 и 17 октября. Трупы убитых сбрасывали в колодец башни Гласьер папского дворца, который ранее использовался в качестве ледника. Когда впоследствии этот замурованный колодец вскрыли, то в нем обнаружили свыше 100 трупов, в том числе 32 женских.

В Авиньон были введены войска, началось следствие, и Журдана (прозванного Журдан-головорез) спасла от смертной казни только общая амнистия, объявленная в марте 1792 г. Зако-

нодательным собранием по делу об убийствах в Авиньоне и Венессене. Столкновения между «патриотами» и верующими, провоцируемые реакционным духовенством, происходили и в других частях страны.

По требованию «левой», поддержанной подавляющим большинством депутатов, Законодательное собрание принял ряд мер как против эмигрантов, так и против неприсяжных священников.

Декретом от 31 октября 1791 г. оно обязало старшего из братьев короля, графа Прованского, вернуться в течение двух месяцев во Францию под угрозой лишения своих прав на регентство, если в таковом возникнет надобность. Другим декретом, от 9 ноября, такой же срок для возвращения на родину, т. е. до 1 января 1792 г., предоставлялся всем эмигрантам вообще под угрозой лишения их должностей, чинов, пенсий, доходов с имений, а в случае тайного их возвращения после истечения этого срока — предания суду как изменников. На доходы французских принцев, находившихся в эмиграции, секвестр накладывался с момента принятия декрета.

Декретом от 29 ноября 1791 г. неприсяжные священники обязывались в недельный срок принести гражданскую присягу; отказавшиеся это сделать лишались права на получение жалованья и пенсий, объявлялись «подозрительными» и отдавались под надзор местных властей, которые при возникновении религиозных волнений могли высыпалить их, а прямо замешанных в этих волнениях — предавать суду и карать тюремным заключением сроком до двух лет.

Вторым декретом от 29 ноября Собрание просило короля потребовать от курфюрстов Тирского и Майнцского и от других государей Германской империи, чтобы они положили конец «сборищам» французских эмигрантов на границе и вербовке ими войск. Собрание напоминало также королю о необходимости скорее завершить переговоры с империей относительно выплаты вознаграждения немецким князьям за утраченные ими в Эльзасе феодальные права.

Все эти декреты Собрание приняло почти единогласно, т. е. их поддержали и депутаты-фейяны. Однако братья Ламет и другие бывшие «триумвиры» посоветовали королю согласиться лишь с декретами относительно графа Прованского и обращения к курфюрстам Тирскому и Майнцскому, а остальные декреты — отвергнуть. Не утверждать декрета против неприсяжных священников просили короля и члены директории Парижского департамента — фейяны, которые, однако, настаивали на принятии самых решительных мер против эмигрантов. Король воспользовался расколом среди фейянов и наложил свое вето как на декрет против эмигрантов, так и на декрет против неприсяжных священников.

Королевское вето на эти декреты вызвало бурную реакцию в стране. Большинство газет, клубы, муниципальные и иные органы приветствовали Собрание и осуждали короля, которого обвиняли в двуличии, в злоупотреблении правом вето и т. п. Раздавались уже и предостережения относительно того, что если король не изменит своего образа действий, то это вызовет новое восстание. Представляя 11 декабря в Собрании адрес секции Французского театра, Камиль Демулен говорил: «Продолжайте, верные уполномоченные, и если вам упорно не будут разрешать спасти нацию, ну, что же, нация спасет себя сама... Ведь сила королевского вето имеет предел, и с помощью вето не помешать взятию Бастилии».

Борьба партий по вопросу о войне

Тем временем и в Собрании, и в клубах, и в газетах разгорались все более бурные дебаты о войне. Пильницкая декларация, формирование эмигрантской «армии» на Рейне, поддержка, которую немецкие и иные государи оказывали братьям короля, не оставляли сомнения в том, что Франции грозит иностранная вооруженная интервенция. Но какую позицию должна занять сама Франция по отношению к этой угрозе? Добиваться ли сохранения мира с Германской империей или самой бросить ей вызов?

Этот вопрос вызвал раскол в правительстве, среди фейянов, а также среди якобинской «левой».

Ламетисты и связанная с ними группа министров — министр иностранных дел Делескар, министр внутренних дел Кайе де Жервиль, морской министр Бертран де Мольвиль — стояли за сохранение мира с Австрией и другими немецкими государствами во чтобы то ни стало. Ламетисты не хотели войны, так как боялись поражения Франции и краха созданного ими режима цензовой конституционной монархии. Ламетисты советовали королю потребовать от курфюрста Тирского и других немецких князей роспуска вооруженных отрядов французских эмигрантов, ибо видели в существовании этих отрядов единственную причину, могущую поссорить Францию с Германской империей. Во всех остальных вопросах они рекомендовали идти на самые большие уступки немецким князьям. Делескар предлагал даже купить в Германии или в Польше земли, чтобы вознаградить ими тех из них, которые потеряли свои феодальные права в Эльзасе.

Наоборот, Лафайет и его сторонники стояли за войну, но за «малую войну», войну не со всей Германской империей, а только с теми рейнскими князьями, которые давали убежище вооруженным отрядам французских эмигрантов. Файетисты убеждали короля, что такая война укрепит его позиции и позволит

ему, опираясь на победоносную армию, обуздать «крайних революционеров».

Король рассудил, что на данном этапе ему выгоднее всего идти вместе с файетистами, и в начале декабря 1791 г. назначил бывшего графа де Нарбонн, друга Лафайета и сторонника «малой войны», на пост военного министра. Однако замысел короля заключался в том, чтобы разжечь руками Нарбонна не малую, а большую войну, войну со всей Германской империей, поражение в которой Франции ему представлялось несомненным. Информируя в эти дни своего друга графа де Ферзена о планах Лафайета и Нарбонна начать войну только с несколькими немецкими курфюрстами, Мария-Антуанетта писала: «Глупцы! Они не понимают, что если они сделают подобную вещь, то они окажут услугу нам, потому что если мы начнем, то потребуется наконец вмешательство всех держав, чтобы защитить права каждой».

Руководствуясь этим провокационным замыслом, Людовик XVI явился 14 декабря в Собрание и торжественно объявил, что, «будучи представителем народа, он почувствовал на него несенное ему оскорблениe и посему повелел известить курфюрста Трирского, что если тот до 15 января 1792 г. не положит конец всем «сборищам» французских эмигрантов в своих владениях, то он, король, будет видеть в нем «лишь врага Франции». Вслед за королем выступил Нарбонн, который сообщил, что уже отданы приказы о формировании на северо-восточных границах трех армий — Северной, Центральной и Рейнской — и о назначении их командующими соответственно генералов Рошамбо, Лафайета и Люкнера.

Собрание бурно аплодировало королю, видя в нем «подлинного патриота». А этот «патриот», вернувшись во дворец, в тот же день настрочил письмо своему личному эмиссару при иностранных дворах барону де Бретейль, в котором поручал ему известить императора Леопольда и других государей, что он желает, чтобы курфюрст Трирский отверг предъявленный ему ультиматум и тем дал бы повод к войне. Мотивируя свою позицию, король писал: «Внутренне я не могу одобрить революцию и нелепую, ненавистную конституцию, которая ставит меня ниже, чем был поставлен польский король... Вместо гражданской войны будет война политическая, и положение в результате этого станет гораздо лучше... Физическое и моральное состояние Франции таково, что она не сможет выдержать в этой войне и половину кампаний, но надо, чтобы казалось, что я действительно готов ее начать... Мое поведение должно быть таким; чтобы в несчастьи нация видела спасение только во мне».

Такова была позиция различных группировок в правящих верхах по вопросу о войне. Ламетисты боялись войны и хотели ее избежать. Файетисты ратовали за войну, но лишь за «малую войну», войну только с прирейнскими князьями. Король обман-

нывал и тех и других, стремясь подвести Францию под поражение в «большой войне».

А какова была позиция в этом вопросе якобинской «левой»? Жирондисты стояли за войну. Выступая 16 декабря в Якобинском клубе, Бриссо заявил: «Народ, завоевавший себе свободу после десяти веков рабства, нуждается в войне. Война нужна для упрочения свободы, для очистки ее от пороков деспотизма, для избавления ее от людей, могущих ее извратить». Главным очагом контрреволюции Бриссо объявлял двор братьев короля в Кобленце и требовал немедленного похода на Кобленц. «Недовольные опираются только на Кобленц, взывают только к Кобленцу, наглеют только потому, что существует Кобленц,— говорил он в той же речи.— Это центр, куда тянутся все связи фанатиков и привилегированных; значит, надо мчаться в Кобленц, если мы хотим уничтожить и дворянство, и фанатизм».

«Патриотизму» короля, его готовности действительно вести войну с немецкими князьями, покровительствовавшими французским эмигрантам, Бриссо не верил и прямо заявлял, что ожидает изменения со стороны короля, но что именно в этой измене он видит спасение Франции. «Да, либо мы победим эмигрантов, и священников, и курфюрстов,— говорил он 30 декабря у якобинцев,— и тогда мы упрочим наше общественное доверие и благосостояние, либо мы будем разбиты и преданы... и изменники будут, наконец, уличены и наказаны, и мы сможем, наконец, добиться исчезновения всего того, что препятствует величию французской нации. Сознаюсь, господа, у меня только одно опасение, а именно что мы не будем преданы. Нам нужны великие изменения: в этом наше спасение, ибо в лоне Франции есть еще сильные дозы яда, и нужны мощные взрывы, чтобы их удалить».

Такова была стратегия Бриссо. Он считал, что только война даст возможность окончательно сломить сопротивление новому буржуазному порядку со стороны дворянства и духовенства и свергнуть ориентирующуюся на них монархию. И он продолжал энергично ратовать за войну. «Война является в настоящее время национальным благодеянием; единственное бедствие, которого можно опасаться, это что войны не будет»,— заявил он 29 декабря в Законодательном собрании.

Воинственную позицию Бриссо разделяли и все остальные лидеры Жиронды, которые хотели закрепить победу буржуазии над дворянством, довести революцию до буржуазной республики, но без опасных для самой буржуазии уступок народу в социальной области и которые видели в войне с иностранными монархами лучшее средство к этому. «Скажем Европе, что французы хотят мира,— говорил Инар в Собрании 29 ноября,— но что если кабинеты иностранных дворов попытаются вызвать войну королей против Франции; то мы вызовем войну народов против королей». Считавшаяся почти неизбежной измена Людо-

вика XVI в такой войне их не пугала. «Отведем заранее место изменникам, и этим местом будет эшафот!» — воскликнул Гаде в Собрании 14 января 1792 г.

А вот что говорил в Собрании 25 декабря литератор Луве, выступавший от имени одной из парижских секций: «Война! И пусть Франция сразу берется за оружие... Пусть тысячи граждан-солдат с быстротой молнии ринутся на все владения феодализма!.. Пусть дворцы будут окружены штыками, пусть Декларацию прав несут в хижины... Пусть род человеческий поднимется и вздохнет! Пусть нации сольются в единую нацию!»

Однако и якобинская «левая» не была единой по вопросу о войне. Против агитации жирондистов за «революционную войну» решительно выступил Робеспьер, поддержанный частью якобинцев. Уже в середине декабря 1791 г. он вступил в полемику с Бриссо по вопросу о войне, которая приобрела широкую известность и фактически положила начало размежеванию между жирондистами и монтаньярами. Робеспьер понимал неизбежность войны между Францией и европейскими монархиями. Но он считал безрассудством со стороны Франции самой содействовать ускорению этой войны. «Нация не отказывается от войны, если она необходима, чтобы обрести свободу,— говорил он 18 декабря у якобинцев,— но она хочет свободы и мира, если это возможно, и она отвергает всякий план войны, направленный к уничтожению свободы и конституции, хотя бы и под предлогом их защиты». Робеспьер оспаривал мнение Бриссо, что главная опасность для революции — это эмигранты и их иностранные покровители. «Есть ли у нас внутренние враги? — спрашивал он Бриссо.— Вам они неизвестны, вы знаете только Кобленц. Разве Вы не говорите, что корень зла в Кобленце? Итак, он не в Париже? Значит, между Кобленцем и другим местом, расположенным невдалеке от нас, никакой связи нет?... Так знайте же, что, по мнению всех просвещенных французов, настоящий Кобленц находится во Франции». И Робеспьер прямо указывал на королевский двор, на королевских министров, на реакционный генералитет, на сторонников двора в Собрании, которые все ратуют за войну, но лишь с той целью, чтобы подвести Францию под поражение и с помощью иностранных штыков восстановить в ней absolutism. «Вас хотят толкнуть на действия, которые доставят двору сильнейшее расширение власти. Хотят затеять притворную войну, которая может привести к капитуляции», — заключал он.

Беспокоило Робеспьера и то, как бы в случае войны «надеждой и кумиром нации» не стали честолюбивые генералы, представлявшие, с его точки зрения, не меньшую угрозу свободе, чем король-деспот. «Если одному из этих генералов суждено добиться кое-каких успехов, то какое влияние придаст он своей партии?» — спрашивал он у якобинцев.

Робеспьер высмеивал утверждение Бриссо, что если французские войска перейдут границу, то народы других стран встретят их как своих освободителей. Выступая 2 января 1792 г. в Якобинском клубе, он говорил: «Никто не любит вооруженных миссионеров, и первый совет, какой дают природа и осторожность,— оттолкнуть их как врагов». Робеспьер доказывал, что прежде, чем нести свободу другим народам, нужно упрочить ее у себя дома. «Прежде чем влияние нашей революции даст почувствовать себя среди других наций,— подчеркивал он,— надо чтобы она сама упрочилась. Желать дать им свободу раньше, чем мы сами ее завоевали,— значит утвердить одновременно и наше порабощение, и порабощение всего мира».

Однако с Робеспьером шли тогда лишь немногие из якобинцев. С ним, правда, солидаризировался Марат, но Марат вскоре уехал в Англию, и его газета не выходила с 15 декабря 1791 г. до 12 апреля 1792 г. Подавляющее же большинство якобинцев склонилось на сторону партии войны, которую представлял Бриссо. В адресе, с которым Якобинский клуб обратился 15 февраля 1792 г. к своим филиальным отделениям в провинции, говорилось: «Нам нужна война, чтобы укрепить нашу конституцию... До тех пор пока существуют благородные и короли, мы все равно будем вынуждены бороться против их попыток восстановить деспотизм... Нация горит желанием приблизить момент, когда великий спор народов и королей разрешится на поле битвы».

Почему же Робеспьер, который отстаивал политику мира, потерпел неудачу у якобинцев? В позиции Робеспьера были и свои слабые места. Бриссо при всем его авантюризме давал нации вполне определенную перспективу: подвергнуть монархию испытаниювойной и либо заставить ее служить революции, либо свергнуть ее. Робеспьер же, отвергая путь военных авантюризмов, не выдвигал другой, подлинно революционной альтернативы: не призывал к свержению монархии еще до того, как ей удастся вовлечь нацию в опасную для дела свободы внешнюю войну.

Напротив, в полемике с Бриссо Робеспьер предостерегал против восстания, на возможность которого тот весьма осторожно, но все же намекал. Вот что говорил Робеспьер в Якобинском клубе 16 декабря 1791 г.: «Если нас предадут, сказал также тот депутат-патриот, против которого я выступаю, то народ окажется на месте. Да, несомненно; но Вы не можете не знать, что восстание, на которое Вы здесь намекаете, это лекарство редкое, ненадежное и крайнее... Народ на месте; но вы, его представители, ведь и вы тоже на месте. И что же вы там делаете, если вместо того, чтобы предвидеть и расстраивать замыслы его угнетателей, вы не находите ничего другого, как

оставить ему страшное право восстания и последствия крушения империи?»

Предостерегал Робеспьер и против республики, в которой по-прежнему видел лишь форму олигархического правления. «Что мне до того, что мнимые патриоты рисуют мне перспективу залить Францию кровью, чтобы освободиться от монархии, если на ее развалинах они не хотят установить суверенитет нации и гражданское и политическое равенство? — писал он в мае 1792 г. — Я предпочитаю видеть народное представительное Собрание и граждан, пользующихся свободой и уважением при наличии короля, чем рабский и униженный народ под палкой аристократического сената и диктатора».

В дальнейшем Робеспьер преодолел свои монархические предрассудки (как и Марат) и стал убежденным и активным поборником республики, но не республики буржуазных нотаблей в духе Бриссо, а демократической республики. Но именно эти монархические предрассудки помешали ему на рубеже 1791/92 года противопоставить авантюрной политике Бриссо действительно революционную альтернативу. Позиция, которую тогда занял Робеспьер, была внутренне противоречивой. Он справедливо указывал на то, что главные враги революции находятся не во вне, а внутри страны. Но, отвергая лозунг Бриссо «На Кобленц», он не противопоставлял ему лозунга «На Тюильри», т. е. не призывал к свержению монархии. Он ограничивался требованием лишь того, чтобы король был поставлен в такое положение, когда он не смог бы больше нарушать конституцию. Он хотел, чтобы был установлен будильный надзор над королевским двором, над министерством, над генералами, но чтобы конституционно-монархическая система не была поколеблена. «Французы, представители, объединяйтесь вокруг конституции; защищайте ее против исполнительной власти; защищайте ее против всех мятежников», — призывал он.

Эта тактика уже не отвечала объективным потребностям того момента, когда в стране все шире развертывалась борьба против режима цензовой буржуазной монархии, оформленного конституцией 1791 г. Вот почему Бриссо, который защищал авантюрную, но несомненно нацеленную на свержение монархии тактику, и взял верх над Робеспьером в Якобинском клубе.

Партия войны все более укрепляла свои позиции и в Законодательном собрании. Ламетисты, стремившиеся предотвратить конфликт с Германской империей, теряли свое влияние и в Собрании, и при дворе. Правда, император Леопольд все еще колебался. Император оказал давление на курфюрста Тирского, и тот отдал приказ о роспуске отрядов французских эмигрантов, находившихся в его владениях. Нота Леопольда с извещением об этом была получена в Париже в конце декабря. Предлог для войны отпадал. Но воинственная лихорадка во Франции продолжала нарастать. Нарбонн совершил демонстративную

инспекционную поездку по приграничным крепостям, по окончании которой заявил 11 января в Собрании, что Франция готова к войне. В Собрании шли бурные прения. Бриссо доказывал теперь, что настоящие враги Франции — не эмигранты, и не немецкие курфюрсты. «Ваш подлинный враг — император... Против него вы должны бороться. Вы должны заставить его разорвать союз, созданный им против вас, или вы должны победить его», — говорил он в речи от 17 января.

Собрание согласилось с Бриссо и декретом от 25 января 1792 г. предложило королю запросить императора Леопольда, «отказывается ли он от всяких договоров и соглашений, направленных против суверенитета, независимости и безопасности французской нации», т. е. фактически король должен был потребовать от Леопольда формального отказа от Пильницкой декларации, причем в декрете разъяснялось, что если до 1 марта император не даст полного и удовлетворительного ответа, то это будет рассматриваться как объявление войны.

Столь воинственная позиция Франции, т. е. той причудливой коалиции политических сил, которые разжигали войну со стороны Франции (король, файетисты, бриссотовцы), не оставляла больше императору свободы для маневрирования. В ответ на французский ультиматум от 25 января, Австрия и Пруссия заключили между собой 7 февраля 1792 г. союзный договор, направленный против Франции. Каждая из сторон обязывалась выставить против Франции по 50 тыс. солдат. Стороны условились также потребовать от Франции отвода войск от границ империи, восстановления немецких князей в их правах и владениях в Эльзасе, возвращения папе Авиньона и графства Венессен.

Отныне война между Францией и Германской империей становилась неизбежной. Еще более критическая обстановка сложилась внутри страны.

V Новый подъем народного движения

Осенью 1791 г. вновь начались продовольственные волнения как в городах, так и в сельской местности. Эти волнения еще более усилились зимой. Возобновилась также крестьянская «война против замков», достигшая своего апогея в конце зимы и весной 1792 г.

Урожай 1791 г. не был плохим, хотя и уступал урожаю 1790 г. Однако цены на хлеб стали расти. Главной причиной этого была начавшаяся инфляция. Звонкая монета исчезала из обращения, а ассигнаты уже в декабре 1791 г. упали на 25% от своей номинальной стоимости (в апреле 1792 г. — на 40%). Поскольку деньги теряли свою ценность, сельские богачи стали придерживать зерно. Снабжение рынков нарушилось, и во мно-

гих департаментах возникла нехватка хлеба. Городская и сельская беднота прибегла к своим традиционным методам борьбы с дорожевизной. Она стала препятствовать вывозу зерна и муки из данной местности, а также принудительно таксировать цены на местных рынках.

Продовольственные волнения захватили главным образом Парижский район и области к северу от него. «Война против замков» развернулась преимущественно в центральной и южной Франции.

Уже в сентябре-октябре 1791 г. на рынках таких городов, как Гонесс, Этамп, Корбей (департамент Сена-и-Уаза), толпы народа принуждали торговцев продавать зерно и муку по установленным самим народом низким ценам. Представители местной власти и жандармы, пытавшиеся помешать «грабежу», изгнались с рынков. Аналогичные «беспорядки» происходили и в соседнем департаменте Сена-и-Марна и во многих других местах. Одновременно начались захваты хлебных обозов и речных судов, перевозивших зерно. Так, например, в городе Шомон (департамент Верхняя Марна) толпа задержала 6 ноября около двадцати подвод с зерном, направлявшихся в другой город. Местные власти призвали Национальную гвардию, чтобы отнять зерно у народа. Но гвардейцы перешли на сторону народа. Генеральный прокурор департамента бежал, чтобы не быть повешенным на фонаре. Зерно было распродано по цене, какую установил сам народ. «Беспорядки» в Шомоне продолжались три дня.

Продовольственные волнения переплетались со стачками и другими выступлениями промышленных и сельскохозяйственных рабочих, которые в ряде мест брали на себя инициативу «народной таксации». Обращались рабочие и в Законодательное собрание, пытаясь привлечь его внимание к своим нуждам. Весьма характерна петиция, которую в ноябре 1791 г. подали в Собрание 20 тыс. парижских рабочих-ленточников. Эти рабочие жаловались на свою нищету, на низкие заработки, на безработицу, а в заключение просили Собрание запретить применение машин в ленточном производстве, ссылаясь на то, что один станок лишает работы 20 рабочих. Эта петиция ярко свидетельствует о том, как низок еще был уровень классового сознания тогдашних французских рабочих.

Обострению продовольственного кризиса способствовало повышение цен на сахар и другие колониальные продукты, явившееся следствием восстания негров-рабов на острове Сан-Доминго. Это восстание началось еще в августе 1791 г. и, пережив полосу временных неудач, распространилось затем почти по всей французской части острова. Повстанцы сожгли тысячи плантаций кофе и сахарного тростника. Их владельцы были либо перебиты, либо бежали в города. Нарушена была вся французская торговля с Америкой. Пользуясь этим, крупные

торговцы взвинтили цены на сахар и кофе. В Париже, например, еще в ноябре 1791 г. сахар продавался по цене 22—25 су за фунт, а в середине января следующего года — уже по 3 ливра за фунт (1 ливр = 20 су). Результатом этого явились «сахарные беспорядки» в Париже, начавшиеся 20 января 1792 г. и длившиеся целую неделю. Толпы парижан, преимущественно ремесленники, мелкие служащие, рабочие, в том числе много женщин, штурмовали оптовые склады колониальных товаров и бакалейные лавки. Взламывались двери, бились стекла, срывались замки и печати. Торговцев принуждали продавать сахар и кофе по ценам, какие существовали в конце года. Кое-где народ разоружал национальных гвардейцев, пытавшихся рассеять «скопища» у лавок. В Законодательное собрание являлись депутаты от парижских секций, которые резко обличали «скупщиков», поживавшихся на народной нужде, и требовали издания против них специального закона. Вот что говорилось, например, в петиции граждан предместья Сент-Антуан, представленной Собранию 26 января: «Мы выступаем с обличением скупщиков всякого рода. Все, вплоть до предметов первой необходимости, находится в жадных руках этих убийц народа... Граждане этого предместья, собравшись в количестве десяти тысяч человек, мирно и без оружия, в своей приходской церкви, уполномочили нас просить вас: 1. Принять всевозможные меры для подавления спекуляции... 2. Мы ожидаем от вашей мудрости издания репрессивного и настолько же справедливого закона, чтобы он одновременно обеспечивал собственность честного купца и обуздывал скопость тех торговцев, которые скапывают все, вплоть до костей мертвых патриотов, чтобы продать их аристократам».

Среди тех парижских ногоциантов, которых секции обличали как «скупщиков», были и видные буржуа-«патриоты», члены Якобинского клуба, как, например, бывший член Учредительного собрания Дандре или депутат Законодательного собрания Боскари. Эти буржуа были явно озадачены взрывом народной ненависти к ним. Боскари, в частности, обратился с негодующим письмом к председателю Законодательного собрания, в котором сетовал на «заблуждения» народа и требовал, чтобы к его особе были проявлены «справедливость и уважение». Заполненные народом трибуны Собрания встретили это письмо насмешками и ропотом.

Явный конфликт между буржуа-«патриотами» и народом, так ярко проявившийся в Париже в эти январские дни, обеспокоил и политических руководителей буржуазии. Мэр Парижа Петион в письме к Бюзо от 6 февраля 1792 г. жаловался на то, что буржуазия отворачивается от народа, не понимая, что только в единении с народом ее спасение. «Буржуазии столько раз твердили о войне имущих и неимущих,— писал он,— что эта мысль преследует ее теперь неотступно. Народ в свою очередь

раздражен против буржуазии, он возмущен ее неблагодарностью... Привилегированные исподтишка разжигают эту расплю, которая незаметно ведет нас к гибели. Буржуазия и народ, соединившись, совершили революцию; только их союз может сохранить ее».

Но чтобы сохранить союз между буржуазией и народом, нужно было идти на уступки народу в социальной области. Однако ни фейяны, ни даже жирондисты не были расположены к этому. Законодательное собрание игнорировало требования парижских секций об издании специального закона против «скупщиков». Что касается тогдашнего Якобинского клуба (а тон в нем задавали «бриссотинцы»), то он ограничился чисто театральным жестом: в знак протesta против произвола «скупщиков» якобинцы дали клятву не потреблять ни сахара, ни кофе пока цены на них не будут понижены. Газета «Революсьон де Пари» высмеяла эту «клятву в Jeu de paix из-за сахара». «А что было бы, если бы в течение нескольких дней у вас не было хлеба?» — спрашивала эта газета.

Народная «война за хлеб» разрасталась, принимая такие масштабы, которые напоминали о временах «мучной войны» 1775 г.

6 февраля 1792 г. крестьяне задержали около города Нуайона поднимавшиеся по реке Уазе суда с зерном. Хлеб сложили в местном аббатстве и выставили охрану. В последующие дни были остановлены и разгружены еще многие суда. Хлеб стали распродавать по «справедливой цене». Для пресечения этого «самоуправства» к месту разгрузки хлеба был выслан воинский отряд. В ночь на 13 февраля во всех окрестных деревнях ударили в набат. Около 40 тыс. крестьян, вооруженных вилами, пиками, ружьями, явились к Нуайону, чтобы защищать задержанный хлеб. В дело вмешалось Законодательное собрание, которое решило прибегнуть к силе. Из Парижа в Нуайонский дистрикт было послано целое войско — 2400 солдат регулярной армии, 8 орудий — под командованием генерала Витингофф. Нуайонские «бульварщики» были рассеяны, многих из них арестовали и предали суду.

В портовом городе Дюнкерке 14 февраля народ пытался захватить стоявшие у причала суда, груженные зерном. Муниципалитет объявил город на военном положении. В порту произошла жаркая схватка между народом и войсками, в результате которой было убито 14 человек и 60 ранено. Народ разрушил дома десяти самых богатых в городе купцов. «Мятеж» в Дюнкерке продолжался две недели. В конце концов войска отказались сражаться с народом, которому удалось разгрузить 18 стоявших в порту судов с зерном.

С 25 февраля и вплоть до 7—10 марта юго-западнее Парижа, в области Бос (департамент Эр) и прилегающих местностях, развернулось мощное движение «таксаторов». Начало этому

движению положили рабочие-лесорубы и рабочие-гвоздари в лесных округах Конша и Бретейля, которые увлекли за собой крестьян окрестных деревень. Здесь образовалось своего рода народное войско численностью до 10 тыс. человек, которое с разевающимися знаменами и с музыкой обходило города и mestечки этой области, принуждая местные власти устанавливать «справедливые цены» не только на хлеб, но и на яйца, масло, мясо, железо, уголь, дрова.

Лесорубы Морвана (плато на северо-западе Центрального массива), занятые заготовкой дров для Парижа, которые затем спрашивались по рекам, потребовали в конце марта у своих подрядчиков повышение заработной платы, ссылаясь на рост цен. Когда им в этом было отказано, они перегородили реки и остановили сплав. 27 марта около 2 тыс. лесорубов явились в город Кламеси, чтобы заявить властям дистрикта о своих требованиях. Местная Национальная гвардия пыталась вытеснить рабочих из города, но была ими разоружена и рассеяна. Для подавления стачки лесорубов Морвана пришлось вызвать регулярные войска.

Движение «таксаторов» охватило также Версальский, Этампский и Корбейский дистрикты департамента Сена-и-Уаза. И здесь вооруженные отряды крестьян и рабочих обходили города и mestечки, таксируя зерно на рынках и захватывая хлебные обозы. 3 марта в городе Этампе произошло событие, которое на долгое время привлекло к себе общественное внимание. Мэр Этампа Симоно, богатый кожевник (у него было 60 рабочих) и член местного Якобинского клуба, узнав о приближении «таксаторов», объявил город на военном положении и во главе отряда кавалеристов выступил против них. Завязалась стычка. Симоно был убит, а кавалеристы отказались стрелять в народ.

Законодательное собрание объявило Симоно «мучеником закона» и постановило воздвигнуть пирамиду на месте его гибели. Якобинский клуб выразил соболезнование вдове Симоно. На Марсовом поле в Париже было устроено торжественное чествование памяти Симоно. На жителей Этампа и других объятых продовольственными волнениями городов и mestечек посыпалась суровые репрессии. В департамент Эр был направлен из Парижа отряд Национальной гвардии с двумя пушками. В апреле—июне 1792 г. прошли многочисленные судебные процессы над «бунтовщиками».

Против канонизации Симоно выступил Робеспьер. Уже в конце марта он отговорил парижских якобинцев от возложения траурного венка на могилу Симоно. Еще резче выступил против прославления Симоно Марат. В первом же номере своей газеты, выпущенном после возвращения из Лондона (15 апреля), Марат назвал Симоно «скупщиком», который хотел «уморить народ голодом» и именно потому «пал жертвой справед-

ливой народной ярости». «Напрасно вы стараетесь прикрыть венком славы преступление злодея», — обращался он к тем, кто чествовал память Симоно.

1 мая 1792 г. приходский священник из Мошана Пьер Доливье подал в Законодательное собрание петицию от имени граждан Этампа, в которой протестовал против репрессий, обрушившихся на них, и обвинил Симоно в том, что он сам, отдав приказ стрелять в народ, требовавший хлеба, «довел его до ожесточения». Доливье осуждал неограниченную свободу торговли съестными припасами, как выгодную лишь богатым, и требовал таксации цен на хлеб.

Собрание игнорировало эту петицию. Не упомянуло о ней и большинство газет. Выдержки из нее опубликовал Робеспьер в своем «Зашитнике конституции», снабдив следующими комментариями: «Симоно вовсе не был героем, это был гражданин, которого на его родине считали жадным спекулянтом... Он был виновен раньше, чем стал жертвой». Однако требования Доливье о таксации цен на хлеб не поддержал и Робеспьер.

А в центре и на юге Франции бушевала новая «жакерия», самая грозная со временем того, что происходило в деревне в июле-августе 1789 г. Причин, побудивших крестьян вновь взяться за топоры и вилы, было более чем достаточно. Рушились их надежды на то, что новая ассамблея пересмотрит столь невыгодные для них аграрные законы 1790 г. Многочисленные петиции, подававшиеся по этому поводу в Собрание, оставались без ответа. А сеньеры и их управляющие продолжали требовать с них уплаты чинша, шампара и других повинностей, выкупить которые они не могли и не хотели. Недовольство крестьян вызывало и то, что земли из фонда национальных имуществ доставались преимущественно богатым покупщикам. Нарастанию общего возбуждения в деревне (как и в городах) способствовали угрозы эмигрантов вернуться в страну и полностью восстановить в ней старые порядки, раскол среди духовенства, ожидание войны. Первые вспышки новой «жакерии» наблюдались уже в конце 1791 г. В южном департаменте Лозер, где уже давно активно действовала роялистская контрреволюция, вооруженные отряды крестьян разрушали между 12—25 декабря башни дворянских замков и изымали оружие у подозреваемых в «аристократизме». Тогда же в департаменте Мёз крестьяне отказывались платить феодальные повинности и осаждали дворянские дома и замки, требуя выдачи «титулов», которые тут же сжигались. С января-февраля 1792 г. по департаментам юга и центра страны прошла волна мощных антифеодальных восстаний, сравнимых по своим масштабам лишь с событиями лета 1789 г. Главным объектом народного гнева на этот раз явились эмигранты, замки которых сжигались и разрушались, и неприсяженные священники, изгонявшиеся из своих приходов. Уже в январе на юго-западе, в Керси (департамент Ло), вспыхнуло большое

восстание, продолжавшееся еще и в марте. Целые приходы объединялись в «сборища» и с муниципалитетами во главе нападали на замки, которые либо разрушали, либо сжигали. Бывших сеньеров или их управляющих принуждали также отказываться от своих феодальных прав и возмещать крестьянам несправедливо взысканные с них ренты и десятины. Во многих коммунах крестьяне захватывали и делили между собой узурпированные сеньерами общинные земли.

В департаменте Тарн движение было направлено главным образом против неприсяжных священников и тех, кто шел за ними. Так, 12 февраля в город Рабастанс вступили 1200 сельских национальных гвардейцев из окрестных коммун, арестовали неприсяжных священников и разоружили «подозрительных». На другой день этот отряд отправился по деревням, вразумлять тех, кто не посещает мессы «конституционных» священников. В департаменте Верхняя Гаронна начиная с 20-х чисел февраля и в марте вооруженные крестьянские «сборища», численностью до 600, 800 и 1000 человек, нападали на замки и жгли их, захватывали у бывших сеньеров зерно и провизию, взимали с них денежные контрибуции, изымали и жгли феодальные «титулы», изгоняли неприсяжных священников.

Правда, были и такие случаи, когда крестьяне поддерживали неприсяжных священников и нападали на буржуа-«патриотов». Так, 26 февраля в главный город департамента Лозер Менд вторглись толпы вооруженных крестьян из окрестных деревень. С буржуа-«патриотов» взыскивали контрибуцию, а некоторых из них посадили в тюрьму, закрыли местный клуб, взяли заложником «конституционного» епископа.

Однако гораздо чаще крестьяне выступали против неприсяжных священников.

11 марта в главном городе департамента Канталь Орийаке состоялось собрание граждан, на котором было решено открыть запись волонтеров в армию. Вечером с пением «*Ça ira*» волонтеры пошли по городу. Из дома известного аристократа Колине де Ниосселя в них полетели поленья и камни, раздались пистолетные выстрелы. Тотчас же по окрестным деревням разнесся слух, что в Орийаке «убивают патриотов». В соседнем местечке Арпажон забили в набат. На другой день в Орийак устремились толпы крестьян, вооруженных топорами, вилами, саблями, ружьями. Колине де Ниоссель был обезглавлен, а его голову носили на вилах. Вскоре крестьянское восстание охватило всю юго-восточную часть департамента. Его исходным пунктом был Арпажон, а наиболее влиятельным вождем — командир Национальной гвардии в Арпажоне Жан Батист Мило, будущий монтаньяр и член Конвента, генерал в армии Наполеона. Крестьяне и национальные гвардейцы жгли и разрушали дворянские замки, захватывали у дворян зерно, продовольствие, скот, сжигали их архивы. Они брали также денежные контрибуции с тех, кого

подозревали в «аристократизме», принуждали их ходить к мес-се «конституционного» кюре, крестить у него новорожденных и т. п. Восстание в Кантале длилось до конца апреля, когда в Орийак прибыл 22-й кавалерийский полк и начались судебные преследования.

1 апреля в департаменте Аveyron (в дистрикте Вильфранш) старинный замок Привезак был опустошен, а затем сожжен поднятой по набату огромной толпой жителей окрестных деревень. Разгромлены также были расположенные по соседству замки Пашэн и Ворейль. В толпе говорили, что «надо пойти на дома окрестных буржуа, что надо составить список аристократов и так, чтобы не упустить ни одного».

В конце марта началось крупное восстание, охватившее Нижнее Виваре (департамент Ардеш), весь департамент Гар и восточные дистрикты департамента Эро. Повсюду в деревнях были в набат. Толпы вооруженных чем попало крестьян численностью в несколько сот, а иногда до 1,5—2 тыс. человек, нападали на замки, опустошали их внутренние помещения и подвалы, а затем жгли их. Так, 26—30 марта в горной части Виваре были сожжены 4 замка, принадлежавшие графу д'Антрэг, в том числе одно из наиболее величественных сооружений феодальных времен — замок Ла-Бастид. Этот замок штурмовали вооруженные отряды из нескольких коммун. Замок пыпал всю ночь. Одновременно или вслед за ними были разрушены и многие другие замки. В департаменте Гар было сожжено, разгромлено или подверглось нападению около 40 замков и в два раза больше домов и иных владений «аристократов». Характерно донесение директории дистрикта Сомьер от 4 апреля: «Нет больше замков, принадлежащих неблагонадежным собственникам. Постыдные остатки феодализма исчезли в этой местности». Крестьяне разрушали также изгороди и постройки, возведенные на узурпированных сеньерами общинных землях, и делили эти земли между собой. Онизыскивали с сеньеров или их управляющих контрибуции в возмещение за штрафы и ренты, уплаченные ими в прошлом. Церкви, где служили неприсяжные священники, закрывались, а сами они изгонялись. Это восстание длилось до конца апреля и было подавлено совместными усилиями линейных войск и буржуазных батальонов Национальной гвардии. А в департаменте Вар замки пылали еще в конце мая.

Дворяне, неприсяжные священники, верхи самой буржуазии были охвачены паникой. В Париж и другие крупные города опять потянулся поток беженцев, спасавшихся от народного гнева. Почти повсюду директории департаментов и округов привели в действие созданную еще Учредительным собранием систему репрессий. Против восставших «жаков» направлялись отряды линейных войск, жандармерии, буржуазные батальоны Национальной гвардии, часто с артиллерией. Происходили многочисленные стычки между народом и войсками. Были убитые,

раненые, много арестованных. Повсеместно шли судебные процессы над «бунтовщиками». Вдохновителем всех этих карательных мероприятий было Законодательное собрание, требовавшее от местных властей неукоснительного «исполнения законов». 6 марта 1792 г.— в разгар народных волнений — Собрание создало специальную Комиссию двенадцати для выработки мер по восстановлению «порядка». Эта комиссия подготовила ряд новых репрессивных законов, но принять их Собрание все же не решилось.

9 февраля 1792 г. Собрание в принципе одобрило декрет о секвестре имуществ эмигрантов (окончательный текст декрета был утвержден 29 марта). По этому декрету имущества эмигрантов ставились «под охрану нации», управление ими поручалось администрации национальных имуществ, а доходы с них должны были идти «для возмещения нации». Фактически декрет от 9 февраля предрешал вопрос о конфискации имуществ эмигрантов и их распродаже, но решение об этом было принято позднее.

Декрет о секвестре имуществ эмигрантов был важным актом в борьбе с дворянской контрреволюцией и вытекал из всей сложившейся тогда политической ситуации. Вместе с тем он был направлен также и на то, чтобы остановить нападения крестьян на замки эмигрантов, чтобы помешать крестьянам самочинно захватывать земли и другие имущества эмигрантов.

Однако крестьянское движение продолжало нарастать. Ненадежным оказался и карательный аппарат. Многие отряды Национальной гвардии, сформированные в сельской местности, не только отказывались выступать против «жаков», но вместе с ними штурмовали замки эмигрантов. Все труднее становилось также использовать армию против народа. И в кругах местной администрации, и в самом Собрании были вынуждены заговорить о том, что одних репрессий недостаточно, чтобы погасить столь мощный взрыв народного недовольства, и что необходимо внести известные поправки в аграрные законы 1790 г., которые хоть несколько бы облегчили положение крестьян.

За пересмотр аграрного законодательства Учредительного собрания в пользу крестьян вполне определенно высказались монтаньяры, которые все больше обособлялись от жирондистов. Выступая 29 февраля 1792 г. в Собрании, Кутон— в будущем друг и соратник Робеспьера— подверг критике аграрную политику Учредительного собрания, которое своими декретами «превратило великий акт 4 августа в сновидение, в обманчивую иллюзию, вызвавшую у народа лишь скорбь и сожаление». Кутон подчеркивал, что, установив для крестьянина крайне тяжелые условия выкупа феодальных повинностей, оно «не оставило ему даже утешительной надежды на возможность когда-либо освободиться от деспотизма бывших сеньоров и от вымогательств их агентов». Кутон потребовал, чтобы крестьянам был облегчен

выкуп повинностей путем отмены круговой поруки и отделения выкупа постоянных повинностей от выкупа так называемых «казуальных платежей», которые он считал подлежащими выкупу только в том случае, когда после выкупа постоянных повинностей собственность действительно перейдет в другие руки.

Главное же Кутон предложил возложить на сеньера обязанность доказать путем предъявления «первоначального титула», что подлежащие выкупу крестьянские повинности действительно связаны с уступкой земли сеньером. Это предложение подрывало основу основ законодательства Учредительного собрания, исходившего из признания безусловной законности «реальных» («вещных») повинностей. Оно серьезно задевало интересы дворян, так как подобных «титулов» либо вообще не существовало, либо они были утеряны. Дворянам также трудно было доказать «законность» своих прав на получение чинша или шампара с крестьян, как и последним трудно было доказать, что они не обязаны их платить.

Вопрос об облегчении выкупа крестьянских повинностей Кутон поставил в широком плане. Он сослался на приближение войны с «иностранными тиранами» и заявил, что долг Собрания заключается в том, чтобы путем издания «справедливых законов» добиться пробуждения «моральной силы народа, более мощной, чем сила армий».

Однако для большинства Собрания предложения Кутона оказались неприемлемыми. Фейяны не хотели ничего менять в законодательстве Учредительного собрания, а жирондисты также еще не спешили с реформами. Их более прельщала другая перспектива: вовлечь Францию во внешнюю войну и таким способом отодвинуть на задний план все острые социальные проблемы. Руководствуясь этими расчетами, они удвоили свои усилия, направленные на разжигание войны.

Все же на отдельные уступки крестьянам Собранию пришлось пойти. Еще в декабре 1791 г. оно продлило до 1 мая 1792 г. действие закона от 14 мая 1790 г. о 12-летней рассрочке покупных платежей за земли из фонда национальных имуществ, а в апреле 1792 г.—до 1 января 1793 г. Это значит, что был сохранен более благоприятный для мелких покупателей порядок расчета за эти земли, чем тот, который установило Учредительное собрание декретом от 3 ноября 1790 г. (рассрочка платежа на 4,5 г.). Декретом от 18 июня 1792 г. были отменены без выкупа «казуальные платежи», взимавшиеся при переходе цензы из рук в руки. Эти платежи сохранялись лишь в том случае, если сеньер мог подтвердить путем предъявления «первоначального титула», что они являлись следствием земельной уступки. Этот декрет был важен не только тем, что упразднял одну из тяжелых крестьянских повинностей, но и своей принципиальной стороной: он пробивал первую брешь в презумпции

в пользу сеньера, из которой исходило Учредительное собрание. Однако свои наиболее существенные уступки крестьянам Собрание сделало лишь после 10 августа.

Образование жирондистского министерства. Объявление войны

В начале марта 1792 г. разразился правительственный кризис, назревавший уже давно. Кризис был вызван обострением борьбы между сторонниками и противниками войны в правительстве и вмешательством в нее жирондистов. Выступая 1 марта в Собрании в защиту политики мира, министр иностранных дел Делессар огласил дипломатическую переписку последнего времени между дворами Парижа и Вены. Ноты австрийского канцлера Кауница, который обличал «необузданность республиканской партии во Франции» и обвинял ее в «подстрекательстве к войне», чтобы низвергнуть «законного монарха» и распространить «анаrchию» по всей Европе, оскорбили Собрание. Еще больше оскорбили его ноты самого Делессара, который униженно умолял императора Леопольда о мире, заверяя его, что «порядок» и твердая монархическая власть будут тем скорее восстановлены во Франции, чем скорее иностранные державы оставят ее в покое. Бриссо начал яростную кампанию в печати против Делессара, обвиняя его в трусости и даже в измене.

Тем временем военный министр Нарбонн, рвавшийся воевать, потребовал от короля отставки своего коллеги, морского министра Бертрана де Мольвиля, который саботировал мероприятия по подготовке к войне и открыто поощрял эмиграцию офицеров. Требование Нарбонна поддержали командующие тремя стоявшими на границах армиями Рошамбо, Люкнер и Лафайет. Людовик XVI, который целиком доверял своему морскому министру и был очень доволен его образом действий, уволил 9 марта в отставку самого Нарбонна, назначив на его место обходительного, но совершенно бесцветного придворного, бывшего маркиза де Грав. В Собрании царilo глубокое возмущение. По конституции 1791 г. назначение и увольнение министров входило в исключительную компетенцию короля, но оно имело право предавать министров суду за государственную измену. Жирондисты и решили воспользоваться этим его правом.

10 марта Бриссо от имени Дипломатического комитета предложил Собранию предать суду Делессара, обвинив его в сокрытии от Собрания важных дипломатических документов, в сообщении иностранному двору сведений о внутреннем состоянии государства и вообще в ведении переговоров с ним «со слабостью и боязливостью, недостойными величия свободного народа». Это предложение поддержал Верньо, обрушившийся в страстной речи и на короля, и на его «развращенных совет-

ников». «Я вижу с этой трибуны окна дворца, где замышляют контрреволюцию,— говорил он,— где обдумывают средства выдать нас австрийскому дому... Наступил день, господа, когда вы можете положить конец такой дерзости и смутить заговорщиков. В былые времена именем деспотизма из этого знаменитого дворца часто исходили ужас и отчаяние. Пусть сегодня они вернутся туда именем закона. Пусть все его обитатели знают, что наша конституция признает неприкосновенным только одного короля. Пусть они знают, что закон настигнет там всех виновных без различия и что ни один человек, уличенный в преступлении, не ускользнет от его меча».

«Закон настигнет там всех виновных!» — Это значило, что Верньо грозил не только министрам, но и самой королеве. Ему бурно аплодировали. Подавляющим большинством голосов Собрание решило предать Делессара Национальному Верховному суду, заседавшему в Орлеане. В сентябрьские дни 1792 г. при перевозке заключенных Делессар был убит народом в Версале вместе со многими другими.

Дюпор и братья Ламет советовали королю распустить Собрание и оставить Делессара в его должности. Они запугивали его судьбой Карла I, который в аналогичных условиях покинул своего министра, графа Страффорда, а затем погиб и сам. Но король поступил иначе. Ему нужны были министры, которые начали бы войну. В эти дни у него появился новый советчик, генерал Дюмурье, близкий к жирондистам и одновременно поддерживавший связи с двором через интенданта цивильного листа Лапорта. Дюмурье, также стремившийся к войне, в которой он рассчитывал выдвинуться и править от имени короля, посоветовал ему призвать к власти «министров-патриотов», имея в виду жирондистов. Король принял этим советам и решил смениТЬ министерство. Уже 16 марта он сообщил Собранию, что назначил одного из высших служащих морского ведомства Лакоста морским министром, а министром иностранных дел — Дюмурье. На посту военного министра был оставлен де Грав. 23 марта были замещены и остальные министерские посты. Конституция запрещала королю назначать министров из числа депутатов Национального собрания. Поэтому ни Бриссо, ни другие лидеры Жиронды не могли быть призваны на министерские посты. На должности министров были назначены друзья и единомышленники Бриссо, не являвшиеся депутатами. Министром финансов был назначен женевский банкир Клавьер, обосновавшийся и преуспевший (подобно Неккеру) во Франции. Пост министра внутренних дел занял Ролан, образованный экономист, служивший ранее в должности инспектора мануфактур в Амьене и Лионе. Портфель министра юстиции получил генеральный прокурор-синдик департамента Жиронды Дюрантон. 9 мая близкий к жирондистам подполковник Серван сменил де Грава на посту военного министра.

Новое правительство не было однородно жирондистским, как не было и однородно фейянским предшествовавшее правительство. И в том, и в другом правительстве важные посты занимали представители придворных кругов, исполнявшие лишь личную волю короля. Но ведущую роль в прежнем правительстве играли все же феяны, а в новом — жирондисты. Образование такого правительства знаменовало собой выдвижение в высший эшелон власти представителей новых групп буржуазии, влияние которых теснило влияние верхов буржуазии «старого порядка». В своего рода «монополии» на власть либералов-монархистов, установившейся после победы революции, была пробита первая брешь. Новое правительство, идейным вдохновителем которого был Бриссо, а фактическим руководителем — Дюмурье, представляло собой правительство войны. Дюмурье, в частности, не скрывал, что он принял портфель министра иностранных дел с единственной целью довести дипломатические переговоры с Австрией до разрыва, а затем сменить перо дипломата на шпагу полководца. Явившись 19 марта к якобинцам (и надев по только что складывавшейся тогда моде на свою голову красный фригийский колпак), он заявил: «Я приложу к переговорам все силы, какими обладает свободный народ, и очень скоро они приведут либо к прочному миру, либо к решающей войне».

Столь же воинственные настроения царили и в Вене. 1 марта 1792 г. неожиданно умер император Леопольд II (ему не было еще и 45 лет), который хотя и сколотил противофранцузскую коалицию, но все еще не решался обнажить меч. Его сын и преемник Франц I (по Германской империи — Франц II), молодой, легкомысленный, но полный традиционного габсбургского высокомерия, рвался как можно скорее «разделаться с якобинцами», которым он приписывал намерение возмутить всю Европу. Единственное, чего удалось добиться старому и многоопытному Кауницу, так это уговорить молодого императора не брать на себя инициативы объявления войны Франции.

Дипломатическая переписка Дюмурье с Венским двором была не долгой. Нотой от 18 марта он потребовал от Австрии твердого заверения относительно того, что конгресс государств по поводу французских дел, разговоры о котором шли уже давно, не будет созван. В ноте от 7 апреля Кауниц отказался дать такое заверение. Этого оказалось достаточно для Дюмурье, чтобы предложить королю объявить войну Австрии, только Австрии, так как этот хитроумный дипломат питал полную уверенность в том, что если Франция не объявит войны Пруссии, то Берлинский двор не окажет поддержки своему австрийскому сопернику. В планы Дюмурье (как и Нарбонна) входила лишь «ограниченная война», война в Бельгии, которая укрепила бы положение короля и положение лично его, Дюмурье, после чего можно было бы избавиться от «министров-патриотов».

Людовик XVI, который хотел иной войны — войны всей Германской империи против Франции с целью восстановления в ней абсолютизма, с готовностью последовал совету Дюмурье, от которого он в дальнейшем также хотел избавиться. 20 апреля 1792 г. король явился в Собрание и, сославшись на то, что «нельзя терпеть и далее оскорблений достоинства французского народа и угрозы безопасности нации», предложил объявить войну «королю Венгрии и Богемии», т. е. одной только Австрии, не затрагивая ни Пруссии, ни Германской империи. Собрание, которое понимало войну так же по-своему, как войну «народов» против «тиранов», бурно приветствовало короля. «Объявим войну королям и мир народам», — восклицал один депутат. «Вы декретируете свободу всего мира», — вторил ему другой. Лишь ламетист Бекке возражал против объявления войны. Он ссылался на то, что Франция не готова к войне, что ее армия и флот дезорганизованы, что ее финансы плохи, что ее раздирают борьба партий и народные волнения. Он указывал также на то, что Пруссия, на нейтралитет которой рассчитывал Дюмурье, непременно поддержит Австрию, а если французские войска вступят в Брабант, то Голландия и Англия также присоединятся к коалиции против Франции, Бекке прерывали. «У нас денег больше, чем надо!» — кричал Камбон. Гаде требовал немедленного и единодушного голосования. Бекке вынужден был замолчать. Подавляющим большинством голосов Собрание приняло декрет об объявлении войны «королю Венгрии и Богемии», подчеркнув в декрете, «что французская нация, верная освященным ее конституцией принципам не предпринимать никакой завоевательной войны и никогда не употреблять своих сил против свободы какого-либо народа, берется за оружие лишь для защиты своей свободы и независимости». За войну голосовали не только большинство фейянов, не только «независимые» и вся «левая» (т. е. жирондисты), но и вся «крайне левая», т. е. будущие монтаньяры Камбон, Карно, Шабо и другие. Лишь 12 депутатов (в большинстве ламетисты) проголосовали против войны.

28 апреля французские войска вступили на территорию Бельгии, где власть Габсбургов была восстановлена лишь совсем недавно. Мало кто тогда во Франции сомневался, что бельгийцы сразу же поднимутся против своих «тиранов» и что Австрия потерпит в Бельгии быстрое и сокрушительное поражение.

Объявление войны подавляющее большинство французов встретило с энтузиазмом. В городах происходили патриотические манифестации. Народные общества, клубы, собрания граждан в секциях и дистриктах принимали приветственные адреса Собранию. Повсеместно шло формирование новых батальонов волонтеров, которые вооружались чем попало и требовали своей отправки на фронт. Производился сбор денег и драгоцен-

ностей на закупку оружия для волонтеров. В парижских предместьях вновь ковалась пики для раздачи «пассивным» гражданам.

Революционный и патриотический подъем, который переживала тогда Франция, нашел свое яркое отражение в знаменитой «Марсельезе». Слова и музыку этой песни написал служивший в Страсбурге военный инженер Жозеф Руже де Лиль, который сам назвал ее «Боевой песнью Рейнской армии». Впервые она была исполнена 26 апреля 1792 г. в салоне жены мэра Страсбурга Дитриха, но не Руже де Лилем, как это изображено на известной картине Пиля «Руже де Лиль, поющий Марсельезу» (1849 г.), а самим Дитрихом. Песнь эта быстро распространилась по стране и была принесена в Париж волонтерами марсельского батальона: поэтому в народе за нею закрепилось название «Гимна марсельцев» («Марсельезы»).

Слова этой песни звучали как боевой призыв ко всем французам встать на защиту «святой отчизны», которая сбросила с себя «юковы деспотизма» и которой теперь грозит «сговор гнусный предателей и королей»:

О, дети родины, вперед!
Настал день вашей славы!
На нас тиранов рать идет,
Подняв свой стяг кровавый!
К оружию, граждане! Ваши батальоны
сомните!
И кровью нечистой наши поля напоите!
(Aux armes, citoyens! Formez vos bataillons!
Qu'un sang impur abgeuve nos sillons!)

Робеспьер не изменил своего прежнего мнения, что Франции не нужно было начинать войну. Но и он считал, что раз война все же объявлена, то ее нужно вести энергично и силами всего народа. «Почему Франция объявила войну? — говорил он 1 мая у якобинцев.— Люди, окружающие короля, толкают Францию на авантюру, чтобы произвести контрреволюционный переворот... Однако если война начата, ее нужно вести как можно интенсивнее, нужно завоевать Брабант, Фландрию, Льеж. Война должна носить совершенно иной характер, чем прежние войны. Ее должно вести не правительство, а весь вооруженный народ».

Так началась война, длительности и масштабов которой не предвидел никто из тех, кто ее готовил. Эта война, меняясь и по характеру, и по целям, продолжалась без малого четверть века и вовлекла в свой круговорот буквально всю Европу. Войну объявила и начала Франция. Файетисты и жирондисты были поджигателями войны не в меньшей мере, чем государи Австрии и Пруссии. Но главным фактором, вызвавшим войну, была контрреволюционная политика европейских монархий, стремившихся восстановить абсолютизм во Франции. Поэтому до опре-

деленного этапа войны со стороны Франции была революционной, национальной, а со стороны европейских монархий — реакционной, несправедливой. «...Войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий», — писал В. И. Ленин¹.

Война оказала исключительно большое влияние на все дальнейшее развитие французской революции. «...Каждое биение ее пульса,— отмечал Ф. Энгельс,— зависело от этой войны; проникает коалиционная армия во Францию — это вызывает преобладание блуждающего нерва, сердцебиение учащается, наступает революционный кризис; армия коалиции отступает — получает преобладание симпатический нерв, сердцебиение замедляется, реакционные элементы снова выступают на первый план, плебеев — предтечу будущего пролетариата, энергия которых только и спасала революцию,— вразумляют и усмиряют»².

Эта связь между положением дел на фронте и развитием самой революции проявилась уже в начале войны. Неудачи французских войск в Бельгии и изменнические действия двора ускорили новый революционный взрыв, назревавший уже давно. Первой жертвой войны стала сама французская монархия, сыгравшая такую большую роль в ее возникновении.

Война в Бельгии пошла совсем не так, как это предрекали жирондистские ораторы. Австрийские войска не побежали перед «солдатами свободы», а обескровленная предшествующей тяжелой борьбой Бельгия не восстала. Соотношение сил в начале войны было в пользу Франции. На ее северо-восточных границах были сконцентрированы три армии: между морем и Маасом стояла Северная армия, 48 тыс. человек, под командованием маршала Рошамбо; между Маасом и Вогезами — Центральная армия, 52 тыс. человек, под командованием Лафайета; между Вогезами и Рейном — Рейнская армия, 42 тыс. человек, под командованием маршала Люкнера. Этим силам австрийцы могли противопоставить лишь 35 тыс. человек в Бельгии и 6 тыс. человек в Брисгау. Что касается Пруссии, то она вступила в войну лишь 6 июля, т. е. тогда, когда выявился полный провал французского вторжения в Бельгию. Нет сомнения, что смелые и энергичные действия французских войск могли бы обеспечить им скорую победу в Бельгии. Однако предпринять такие действия тогдашняя французская армия была совершенно неспособна.

Армия не была однородной. Она состояла из линейных войск и волонтеров. Линейные войска, т. е. старая королевская армия, находились в состоянии полного развала. Половина их офицерского состава эмигрировала. Оставшиеся офицеры

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 5.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 266—267.

в большинстве своем питали лютую ненависть к революции. Солдаты им решительно не доверяли. Волонтеры, проникнутые революционным духом, были плохо вооружены и совершенно не обучены. Престарелые командующие армиями Рошамбо и Люкнер не хотели всерьез воевать с австрийцами. Лафайет был одним из тех, кто вызвал войну. Но и он стремился теперь главным образом к тому, чтобы использовать вверенную ему армию для осуществления государственного переворота. Король и королева еще до начала войны предоставили Венскому двору самую полную информацию относительно французских оперативных планов, совершив тем самым акт национальной измены. В дальнейшем при французском дворе сложился своего рода «Австрийский комитет» во главе с королевой, который продолжал оказывать тайное содействие неприятелю.

В самом начале войны Северная армия вступила на территорию Бельгии и заняла города Куртрэ, Ипр, Менен. Однако на этом ее продвижение и остановилось. Внутри армии произошли события, которые ее полностью парализовали. Наиболее реакционно настроенные офицеры переходили на сторону австрийцев. В ряде случаев им удавалось увести с собой и солдат, особенно из привилегированных частей. Так, 6 мая перешел на сторону неприятеля королевский немецкий полк, а 12 мая этому примеру последовали три кавалерийских полка, гусарский саксонский полк и гусарский полк Бершени. Недоверие солдатской массы к своим офицерам из дворян выросло настолько, что начались солдатские самосуды. Наиболее известным из них было убийство генерала Теобальда Диллона. Этот генерал командовал отрядом, выступившим 28 апреля из Лилля в Турнэ. Неожиданно отряд натолкнулся на неприятеля. Раздались крики: «Нас предали! Спасайся, кто может!» Возникла паника. Солдаты бросились бежать, но предварительно убили генерала Диллона и еще четырех человек, заподозренных в шпионстве.

Генерал Диллон не был повинен в измене. Он пал жертвой тех отношений, которые сложились в королевской армии между солдатами и офицерами. Стихийная расправа с ним привлекла к себе общественное внимание. Фейянско-жирондистская пресса резко обрушилась на «убийца» Диллона и требовала сурово покарать их. Напротив, Марат призвал всю французскую армию последовать их примеру. «Пусть наконец наши генералы расплатятся своей кровью за преступные следы их длительных козней! Пусть меч наших солдат очистит поскорее армию от всех изменников родины», — писал он. Законодательное собрание предписало разыскать и наказать солдат, принимавших участие в самосуде над Диллоном и другими офицерами, а Марата распорядилось отдать под суд и закрыть его газету. «Друг народа» опять был вынужден уйти в «подземелье».

Тем временем Лафайет приостановил наступление своей армии на Брюссель и пытался начать тайные переговоры с авст-

рийцами. Он направил к находившемуся в Брюсселе бывшему австрийскому послу при французском дворе Мерси-Аржанто своего эмиссара, чтобы заявить ему, что в согласии с другими генералами он готов двинуть свою армию на Париж, разогнать «якобинскую шайку» и изменить конституцию. Императора он просил приостановить военные действия. Однако при Венском дворе знали, что ни Людовик XVI, ни королева не хотят поставить себя в зависимость к Лафайету, и не дали ему ответа. Все же Лафайет, Люкнер и Рошамбо встретились 18 мая в Валансьенне и решили фактически приостановить военные действия. В направленном правительству меморандуме они заявили о невозможности вести наступательные операции, ссылаясь на недисциплинированность войск и плохое снабжение. Однако жирондистское правительство настаивало на наступлении. Не будучи согласен с этим, Рошамбо подал в отставку и 20 мая передал командование Северной армией Люкнеру. Командующим Рейнской армией несколько позже был назначен Бирон.

Падение жирондистского министерства. Демонстрация 20 июня

Провал французского вторжения в Бельгию еще больше обострил внутриполитическую обстановку в стране. Офицеры королевской гвардии, составленной почти сплошь из дворян, открыто ликовали по поводу французских неудач. С осуждением «безбожной» войны выступили неприсяжные священники, призывающие верующих не платить налогов и не поставлять рекрут. Они оправдывали в своих проповедях вмешательство австрийского императора во французские дела необходимостью «восстановить во Франции христианство». С другой стороны, Робеспьер и другие лидеры монтаньяров резко критиковали жирондистское министерство за его неспособность вести войну по-революционному, за его нежелание сместить Лафайета и прочих генералов, отказывавшихся наступать.

Подвергаясь нападкам и справа, и слева и оказавшись перед лицом серьезного кризиса, министры-жирондисты провели через Собрание ряд мер революционной обороны. 27 мая 1792 г. был принят новый декрет против неприсяжных священников взамен отвергнутого королем в декабре прошлого года. Декрет разрешал высылку неприсяжных священников по требованию не менее 20 «активных граждан» и по предложению директории округа или департамента. 29 мая Собрание декретировало распуск королевской гвардии, численность которой составляла 6 тыс. человек и которую «Австрийский комитет» при дворе явно считывал использовать для осуществления государственного переворота. Командующий этой гвардией герцог Коссе-Бриссак был предан суду. Наконец, 4 июня военный министр Серван предложил Собранию сформировать под Парижем лагерь из 20 тыс. «федератов» (*fédérés*), которые должны быть отобраны

из состава Национальной гвардии всех департаментов. По замыслу Сервана, этот лагерь должен был служить прикрытием для столицы в случае продвижения неприятеля, а также (хотя об этом и не говорилось открыто) для противодействия государственному перевороту, если на него решатся король и генералы. Собрание согласилось с Серваном и 8 июня приняло соответствующий декрет.

Принятие этих декретов вызвало новый конфликт между королем и Собранием. Король не стал возражать против декрета о распуске своей личной гвардии, но наложил вето как на декрет о высылке неприсяжных священников, так и на декрет о создании под Парижем лагеря из 20 тыс. федератов. Против этого последнего декрета выступили также «файетистский» штаб Парижской Национальной гвардии и буржуазно-аристократические секции западной части Парижа. В Собрание была подана петиция с протестом против создания лагеря федератов, подписанная 8-ю тыс. парижан. Впоследствии Повстанческая коммуна подвергла преследованию всех тех, кто подписал «петицию 8-ми тысяч».

10 июня министр внутренних дел Ролан направил королю письмо, в котором убеждал его дать свою санкцию декретам от 27 мая и 8 июня, предупреждая, что новое вето заставит народ «видеть в своем короле друга и соучастника заговорщиков» и в конце концов вызовет «страшный взрыв», могущий «погубить конституцию» (т. е. монархию). Король, не привыкший к тому, чтобы с ним разговаривали таким тоном и давно уже тяготившийся министрами-жирондистами, ответил на это письмо (составленное мадам Ролан) тем, что дал 13 июня отставку Ролану, Клавьеру и Сервану, а Дюмурье переместил на пост военного министра.

Новое королевское вето и увольнение трех министров-жирондистов вызвали возмущение в Собрании. Письмо Ролана к королю было зачитано в Собрании и покрыто аплодисментами. Собрание постановило разослать это письмо по департаментам. Кроме того, оно приняло резолюцию, гласившую, что Ролан, Серван и Клавьер «уносят с собой сожаление нации». Дюмурье, отказавшийся солидаризироваться со своими коллегами по министерству, был освистан в Собрании. Опасаясь за свою репутацию, он пытался уговорить короля все-таки санкционировать декреты. Получив отказ со стороны короля, Дюмурье подал 15 июня в отставку и уехал в Северную армию, командовать одной из дивизий. В ближайшие дни было сформировано новое министерство, составленное из лиц, на которых указали королю Адриен Дюпор и братья Ламет. На пост министра иностранных дел был назначен маркиз Шамбона, первый заместитель начальника штаба Национальной гвардии Парижа Лажар стал военным министром, маркиз Терре де Монсьель — министром внутренних дел, Больё — министром финансов. На своих по-

стах были оставлены члены прежнего министерства Лакост (морской министр) и Дюрантон (министр юстиции).

Лафайет (действовавший теперь в полном согласии с братьями Ламет) направил 16 июня из лагеря в Мобёже письмо Собранию, в котором потребовал отмены всех декретов против эмигрантов и неприсяжных священников, безусловногоуважения королевского права вето, сурового преследования всяких «сборищ», распуска клубов и предания суду Дюмурье как якобы ответственного за неудачи французских войск. Это письмо, призывавшее фактически к контрреволюции, вызвало ропот среди депутатов. Верньо заявил, что оно «не конституционно». Гаде назвал Лафайета «новым Кромвелем». Собрание отвергло предложение фейянов о рассылке письма Лафайета по департаментам.

Еще большее возмущение царило в народе. Большинство газет, клубы, собрания граждан в секциях и дистриктах осуждали действия короля и выражали свои симпатии «министрам-патриотам». Наиболее бурно реагировали на последние события парижские санкюлоты, наивный монархизм которых постепенно выветривался, уступая место еще не осознанным, но безусловно республиканским устремлениям.

Граждане предместий Сент-Антуан и Сен-Марсо, которыми руководили пивовар Сантер, биржевой маклер Александр, поляк Лазовский и другие секционные активисты, решили ознаменовать день 20 июня, т. е. третью годовщину знаменитой клятвы в Зале для игры в мяч, вооруженным шествием и подачей петиции Собранию и королю. Коммуна Парижа во главе со своим мэром, жирондистом Петионом, не разрешила шествия с оружием в руках, но самого шествия не запретила. Петион явно рассчитывал использовать эту народную инициативу в интересах своей партии, т. е. для оказания давления на короля.

В манифестации 20 июня приняло участие не менее 20 тыс. человек, преимущественно из предместий Сент-Антуан и Сен-Марсо. Манифестанты были вооружены пиками, топорами, вилами. Они несли знамена, плакаты, таблицы Прав человека, на повозке везли тополь, чтобы посадить его на террасе Фейянов. Петион распорядился, чтобы народное шествие сопровождали отряды Национальной гвардии, которые явились с оружием и даже с пушками. Но народ и национальные гвардейцы смеялись и составляли одно целое. Демонстранты пришли сначала в Манеж, где заседало Законодательное собрание, и активист секции Кенз-Вэн, бывший таможенный сборщик Югенен зачитал петицию, в которой жители предместий высказали все, что они думали о своем короле. «Мы жалуемся на бездействие наших армий,— говорилось в петиции.— Мы просим, чтобы вы разобрались в причинах этого: если бездействие зависит от исполнительной власти, то пусть она будет уничтожена.... Один человек не должен оказывать влияние на волю 25 миллионов. Если мы все

же оставляем его на посту, то лишь под условием, что он будет исполнять свои обязанности соответственно конституции. Если же он уклоняется от этого, он теряет всякое значение для французского народа». Около 10 тыс. человек прошли перед трибуной Собрания, танцуя, распевая «Са іга» и выкрикивая: «Да здравствуют патриоты! Долой вето! Да здравствуют санкюлоты!»

Затем толпы народа, еще более увеличившиеся, окружили Тюильри со стороны сада и со стороны площади Карусель. Десять батальонов Национальной гвардии, охранявшие дворец, расступились перед народом. Гвардейцы кричали: «Да здравствует нация!». Санкюлоты пустили в ход топоры и взломали главные ворота дворца. Толпа хлынула во внутренний двор Тюильри, вкатила туда пушки. Внутренняя охрана бежала. Народ ворвался во дворец и в Зале круглых окон (l'Oeil-de-Bœuf) столкнулся со своим королем, стоявшим в окружении группы придворных. Из толпы кричали королю: «Долой вето! Утвердите декреты! Верните министров-патриотов! Прогоните Ваших духовников! Выбирайте между Кобленцем и Парижем!». Сквозь толпу протиснулся мясник Лежандр (в будущем член Конвента, монтаньяр) и сказал королю: «Вы человек вероломный, Вы всегда нас обманывали, обманываете и теперь, но берегитесь, чаша народного терпения переполнилась». Людовик XVI отвечал: «Я делаю то, что мне предписывает конституция. Я никогда не нарушал конституции». Король не растерялся и устроил комедию братания с народом.. Он взял из рук гвардейца красный фригийский колпак и надел его себе на голову. Он выпил также вина из бутылки, протянутой ему каким-то гренадером. Затем взял у одной женщины шпагу, украшенную цветами, и стал размахивать ею. Этого оказалось достаточно, чтобы толпа умiliлась и закричала: «Да здравствует нация! Да здравствует король!» Все же какой-то молодой человек приблизился к королю и сказал ему: «Верните министров-патриотов, утвердите декреты, иначе Вы погибнете». Людовик XVI бросил ему: «Это вы нарушаете закон». Вскоре во дворец прибыли депутация Национального собрания и мэр Петион, которые и уговорили народ разойтись.

Демонстрация 20 июня, чисто народная по своему характеру, не имела прямых практических последствий. Людовик XVI не взял обратно свое вето и не вернул к власти министров-жириондистов. Но эта демонстрация явилась грозным предупреждением королю и способствовала дальнейшей революционной мобилизации масс, особенно в парижских секциях, которые все более активно вмешивались в политику.

Непосредственно за событиями 20 июня последовала волна роялистской реакции, которую всячески разжигали фейяны. Министерство начало расследование «насильственных действий», совершенных 20 июня. Парижский департамент, фейян-

ский по своему составу, отстранил мэра Парижа Петиона и прокурора Коммуны Манюэля от их должностей. У парижского нотариуса Гильома была выставлена петиция Собранию с протестом против событий 20 июня. Эта петиция была покрыта 20-ю тыс. подписей. Впоследствии Повстанческая коммуна подвергла преследованию всех, кто подписался под «петицией 20-ти тысяч». Аналогичные петиции с осуждением «насилий толпы» над особой короля шли и из департаментов. Лафайет опять оставил свою армию и явился 28 июня в Собрание с требованием наказать виновников «насилий», совершенных 20 июня в Тюильри, и разогнать клубы. Гаде предложил Собранию вынести приговор Лафайету за самовольное оставление армии, но это предложение было отвергнуто 339 голосами против 234.

На юге страны вспыхнуло роялистское восстание. Прибывший из Кобленца граф Сайян осадил в начале июля во главе двух тысяч роялистов замок Жалес (департамент Ардеш) и принял звание главнокомандующего армии принцев.

Роялистская реакция усилилась настолько, что Робеспьер, который все это время резко критиковал жирондистов, впервые заговорил о необходимости единства действий с ними. 28 июня Бриссо и Робеспьер выступили в Якобинском клубе с призывом к единению, и оба требовали наказания Лафайета.

«Отечество в опасности»

А на фронте дела шли все хуже. В начале июля 1792 г. на Рейне появилась прусская армия под командованием герцога Брауншвейгского. Вместе с пруссаками шел и корпус французов-эмигрантов во главе с принцем Конде. Австрийские силы в Бельгии значительно возросли. Маршал Люкнер счел за лучшее отвести свою армию с занятых ранее бельгийских территорий к Лиллю и Валансьенну. К немецким державам присоединилось также Сардинское королевство и двинуло свои войска к французским границам. Над Францией нависла непосредственная угроза иностранного вторжения.

Поскольку фейянское министерство бездействовало, «левая» в Законодательном собрании (включая и жирондистов, и монтаньяров) взяла на себя инициативу новых мер революционной обороны. 1 июля Собрание декретировало публичность заседаний всех административных органов, что позволяло народу контролировать своих администраторов и в известной мере влиять на них. Нашли способ обойти и вето короля на декрет о формировании под Парижем лагеря федераторов. Декретом от 2 июля Собрание пригласило Национальную гвардию всех департаментов прислать своих представителей в Париж для участия в празднике Федерации 14 июля с тем, чтобы прибывшие подразделения собрались потом в лагере под Суассоном. Этот дек-

рет легализовал уже фактически начавшуюся во многих департаментах отправку батальонов федератов в Париж.

Комиссия двенадцати, в которой преобладали жирондисты и которая проявила себя до сих пор лишь в борьбе с народным движением, предложила Собранию определить процедуру «объявления отечества в опасности» (т. е. процедуру принятия чрезвычайных мер в случае, если внутренняя или внешняя безопасность государства окажутся под угрозой). Поддерживая это предложение, Верньо выступил 3 июля в Собрании со страстной речью, в которой впервые был открыто поставлен вопрос о низложении короля. «Ведь это во имя короля,— воскликнул он,— французские принцы пытались поднять против нации все дворы Европы; ведь это, чтобы мстить за достоинство короля, был заключен Пильницкий договор... Это только против нации и Национального собрания и для сохранения великолепия трона воюет с нами король Богемии и Венгрии, и король Пруссии продвигается к нашим границам; это во имя короля свобода подвергается нападению... Между тем я читаю в конституции: *Если король станет во главе армии и направит ее силы против нации или если он не воспротивится формальным актом такому предприятию, совершающему от его имени, он будет считаться отрекшимся от престола*. Верньо был слишком ловким политиком, чтобы дать повод обвинить себя в посягательстве на конституцию. Он отнюдь не внес предложения низложить короля. Напротив, он всячески подчеркивал, что обсуждает эту возможность лишь «теоретически» и «гипотетически». Практические выводы из его речи сводились к тому, чтобы объявить отечество в опасности и возложить на министров ответственность за вторжение неприятеля на территорию Франции и за внутренние беспорядки на религиозной почве. Однако существование его речи заключалось именно в том, что он открыто поставил вопрос о возможности низложения короля, если тот не прекратит сабotировать национальную оборону. Речь эта (которую Собрание распорядилось разослать по департаментам) произвела огромное впечатление на современников и вызвала целый поток петиций с мест с требованием низложения короля. Она представляла собой как бы вершину антимонархической агитации жирондистов, поднявшись на которую они испугались и стали пятиться назад.

4—5 июля Собрание утвердило декрет, определявший меры, какие должны быть осуществлены в случае объявления отечества в опасности. Советы департаментов и дистриктов, как и коммуны, должны были заседать непрерывно и осуществлять надзор над всеми властями. Ни одно должностное лицо не должно было покидать своего поста или находиться вдали от него. Все граждане, способные носить оружие и *уже служившие в Национальной гвардии* (т. е. не беднота, а «активные» граждане),

подлежали немедленному призыву на действительную военную службу.

Меры, принимаемые большинством Собрания, вызывали резкие возражения со стороны фейянов. Обстановка в Собрании пакаллялась. Но были и попытки примирить враждующие стороны. 7 июля в Собрании выступил конституционный епископ департамента Роны и Луары Ламурет, который призвал своих коллег не навлекать бедствий на отчество взаимными раздорами и осудить стремление как к республике, так и к двухпалатной системе. Депутаты и «правой», и «левой» растрогались, бросились в объятия друг другу и расцеловались. На это заседание явился также король, заявивший, что «нация и король составляют одно целое» и что «их единение спасет Францию».

Однако «поцелуй Ламурета», который левый якобинец Бийо-Варенн публично назвал «лобзанием Иуды», явился лишь прелюдией к еще более острой вспышке межфракционной борьбы в Собрании.

Министерство фейянов выступило против планов объявления отечества в опасности. Но его страшил новый конфликт с Собранием. Еще 3 июля подал в отставку министр юстиции Дюрантон. 8 июля на его место был назначен Жоли. 10 июля подали в отставку все шесть министров, включая Жоли, сетуя на «анархию, которая парализует оборону». После этой демонстративной отставки Собранию не оставалось больше ничего делать, как немедленно ввести в действие закон от 4—5 июля.

11 июля 1792 г. Собрание приняло следующий акт: «Многочисленные войска движутся к нашим границам. Все, кто ненавидят свободу, вооружаются против нашей конституции. *Граждане, отчество в опасности!* (*la Patrie en danger!*)! Пусть те, кто хочет удостоиться чести выступить первыми на защиту того, что им всего дороже, неизменно помнят, что они французы и что они свободны... Пусть они неизменно помнят это, и отчество будет спасено».

Этот акт, составленный в простых, но полных величия словах, вводил в действие всю систему чрезвычайных мероприятий, предусмотренных законом от 4—5 июля. Главным здесь был призыв ко всем национальным гвардейцам страны формировать батальоны добровольцев и быть готовыми выступить на фронт. Собрание обращалось именно к национальным гвардейцам, т. е. к «активным» гражданам, к собственникам. В этом заключалась буржуазная ограниченность этого поистине исторического акта. Однако ход событий смел те барьеры, которыми Собрание пыталось преградить беднейшим слоям народа доступ в вооруженные силы революции. В батальоны добровольцев устремились прежде всего неимущие и малоимущие, устремилась беднота, санкюлоты, и на местах уже не противились этому.

Объявление отечества в опасности подняло на ноги всю страну. Повсеместно (и в разные сроки) проводились торже-

ственные церемонии обнародования акта Законодательного собрания. Что касается формирования новых батальонов добровольцев и их отправки в Париж, то все это началось еще до принятия Собранием акта 11 июля.

Еще 29 июня муниципальные власти Марселя объявили о предстоящей 1—2 июля отправке в Париж батальона федератов в составе 500 человек. Одновременно в Собрание был направлен адрес Марсельской коммуны с требованием низложения Людовика XVI. Этот адрес был оглашен в Собрании 12 июля. Так же поступали и многие другие коммуны: они слали в Париж своих добровольцев и адреса с требованием низложения короля.

К 11 июля в Париж прибыло более 1500 федератов из различных департаментов. Все они были настроены резко враждебно по отношению к королю. «Никто из нас не пойдет на границы, пока король не будет отрешен от власти», — заявила 12 июля в Якобинском клубе депутатия от федератов департамента Па-де-Кале.

После провозглашения отечества в опасности формирование батальонов добровольцев и их отправка в Париж приняли еще более широкие масштабы.

Уже начиналась и новая волна народного террора, направленного против дворян. Ее первой жертвой явились граф Сайян и его соучастники, пытавшиеся поднять мятеж на юге страны. 12 июля были пойманы сам Сайян и его три офицера. Когда они были доставлены в г. Ле-Ван (департамент Ардеш), то все четверо были вырваны из рук конвоя разъяренным народом и убиты. Их головы воткнули на пики и носили по улицам. В последующие дни были пойманы и убиты народом еще несколько участников мятежа Сайяна. В г. Алес (департамент Гар) народ взломал 14 июля ворота местной крепости-тюрьмы и убил четырех заключенных там «аристократов».

На празднике Федерации 14 июля 1792 г. в Париже короля встречали холодно. Никто не кричал: «Да здравствует король!» Раздавались лишь возгласы: «Да здравствует нация!» А на шляпах многих зрителей видны были сделанные мелом надписи: «Да здравствует Петион!» (которого, как и Манюэля, Собрание еще накануне восстановило в их должностях).

В Париже торжественное обнародование акта об объявлении отечества в опасности состоялось 22—23 июля. Тогда же парижский муниципалитет открыл запись волонтеров. В течение нескольких дней записалось до 15 тыс. парижан.

25 июля в Париж вступил батальон федератов из Бреста (300 человек), а 30 июля — давно ожидавшийся батальон марсельских федератов (516 человек), которому была оказана торжественная встреча. Вместе с марсельцами в Париж пришла и «Марсельеза», ставшая наиболее популярным революционным гимном. На другой день, 31 июля, был устроен граждан-

ский банкет на Елисейских полях в честь марсельцев. На собравшихся напали роялистски настроенные национальные гвардейцы из буржуазно-аристократических секций Библиотеки и Площади Людовика XIV. Произошла стычка, в результате которой приверженцам монархии пришлось ретироваться. 2 августа марсельцы пришли в Собрание и потребовали низложения короля.

К началу августа в Париж прибыло до 6 тыс. федератов, из них не менее 2 тыс. осталось в самом Париже, а остальные отправились в Суассон в соответствии с декретом Собрания от 2 июля.

Еще накануне праздника 14 июля был создан Центральный комитет федератов в составе 43 членов, который заседал у якобинцев. Этот комитет обратился 20 июля с адресом «К французам 83 департаментов», в котором извещал о намерении федератов остаться в Париже для борьбы с «вероломным двором». ЦК федератов был настроен очень решительно. Он не только требовал от Собрания низложения короля, но и заявлял, что если Собрание этого не сделает, то это сделает сам народ, т. е. грозил восстанием. «Если вы дадите нации доказательство своего бессилия, то у нее останется только один ресурс: развернуть все свои силы и самой раздавить своих врагов», — говорилось в адресе федератов Собранию от 23 июля.

А какую позицию занимали в те дни якобинцы? — Правая часть Якобинского клуба, т. е. жирондисты, те самые жирондисты, которые собственно и вызвали поток адресов, направленных против короля, выступали теперь... против низложения короля. Коллективная отставка министров-фейянов пробудила у них надежду вернуться в министерские кресла и вновь править страной от имени короля. Через посредство художника Боза и первого камердинера короля Тьери они вступили в тайные переговоры с королем, убеждая его вернуть к власти «министров-патриотов» и обещая ему свою поддержку. Король поступил весьма ловко. Он принял отставку министров-фейянов и не спешил назначать новых министров (текущие дела продолжали вести ушедшие в отставку министры). 23 июля был назначен лишь один новый министр — военный (кавалер д'Абанкур). Король не хотел возвращать жирондистов к власти, но надежду на это он им оставил, и тем связал им руки. Но главное, что парализовало жирондистских лидеров, — это не их тайные интриги с королем, а их боязнь перед новым народным восстанием, которое могло поколебать привилегии богатства и собственности. Летом 1792 г. жирондисты повторили эволюцию фейянов, проделанную годом раньше. Как тогда, летом 1791 г., те, кто начинали в Генеральных штатах борьбу с королевским абсолютизмом, перешли на его сторону, так и теперь, летом 1792 г., те, кто в дни Вареннского кризиса начали агитацию за Республику, перешли теперь на сторону монархии.

В прениях, которые шли в те дни в Собрании, жирондисты убеждали короля... не губить монархию и резко нападали на тех, кто требовал республики. «Вы еще можете спасти отчество и вместе с ним Вашу корону. Отважьтесь же наконец на это. Пусть имена Ваших министров, пусть облик окружающих Вас людей внушают доверие обществу», — заклинал короля Гаде в речи от 25 июля. А вот что сказал тогда Бриссо по адресу республиканцев: «Если существуют люди, которые стремятся учредить в настоящее время республику на развалинах конституции, то карающая рука закона должна поразить их так же, как и активных сторонников двух палат и контрреволюционеров Кобленца».

Порывая с республиканским движением как раз в тот момент, когда революционный народ поднимался на борьбу за республику, лидеры Жиронды предавали все то позитивное, что было в прошлом в деятельности их партии, и осуждали ее на политический крах в будущем. Однако должно было пройти еще немало времени, чтобы эволюция Жиронды в сторону контрреволюции завершилась полностью. После 10 августа жирондисты вновь стали афишировать свой республиканизм.

Робеспьер еще и в июле 1792 г. не вполне отрешился от своих монархических предрассудков. Но он уже не возражал против низложения Людовика XVI, ясно сознавая, что таково желание всей передовой части нации. Все же он еще пытался доказать, что главное не в том, будет ли Франция монархией или республикой, а в том, насколько полно будут обеспечены и права граждан, и права Законодательного корпуса. Выступая 29 июля у якобинцев, Робеспьер говорил: «Смещение или временное отстранение Людовика XVI было бы мерой недостаточной для уничтожения источника наших бед. Что из того, что исчезнет призрак, именуемый королем, если останется деспотизм? С потерей власти Людовиком XVI в чьи руки перейдет королевская власть? В руки ли регента, другого короля или особого совета? Что выиграет свобода, если интрига и честолюбие удержат бразды правления?»

Робеспьер утверждал, что корень всех зол, от которых страдает Франция, заключается в том, что исполнительная власть не считается с волею Национального собрания, а само Собрание — с нуждами и волей народа. Соответственно этому он предлагал, чтобы федераты, парижские секции, департаменты и вся страна потребовали от Собрания немедленного назначения выборов в Национальный конвент, который будет уполномочен изменить конституцию в том плане, чтобы ограничить исполнительную власть и обеспечить контроль нации над ее уполномоченными. Решение вопроса о том, будет ли исполнительная власть сохранена в руках короля, или Франция перейдет к республиканской форме правления, Робеспьер оставлял на будущее. Робеспьер требовал также, чтобы к выборам в На-

циональный конвент были допущены все граждане, без разделения на «активных» и «пассивных».

Требование созыва Национального конвента на основе всеобщего избирательного права, которое выдвинул Робеспьер, получило широкую поддержку в стране. Но Робеспьер выдвигал это требование не в дополнение к лозунгу восстания, а в его замену. «Крайних», «опрометчивых решений», т. е. планов восстания, к которым склонялись федераты и парижские секционеры, не одобряли ни Робеспьер, ни большинство тогдашнего Якобинского клуба. В адресе Якобинского клуба к федератам от 20 июля (составленном Робеспьером) говорилось: «Граждане федераты, сражайтесь с нашими общими врагами лишь оружием законов. В законном порядке представляйте Законодательному собранию желания народа ваших департаментов... Не подвергайте судьбу родины опасности проявлением дерзкой поспешности и несдержанного рвения».

Не надо ни восстания, ни нападения на Тюильри, используйте законное средство подачи петиций Собранию, оказывайте мирное давление на Собрание,— вот та тактика, которую Робеспьер и Якобинский клуб рекомендовали федератам и парижским секциям накануне 10 августа.

Разумеется, Марат стоял за иную тактику. Он советовал федератам немедленно арестовать короля, его министров, большинство депутатов и казнить их, как только враги осмелятся перейти границы Франции. «Не давайте себя усыпить,— обращался он к федератам 7 августа.— Держите как заложников Людовика XVI, его жену, его сына, его министров, всех ваших вероломных представителей... Вот изменники, наказания которых должна требовать нация и которых она должна прежде всего принести в жертву для общественного спасения». Но даже за три дня до восстания 10 августа Марат не требовал ликвидации самой монархии. Он требовал лишь «отрешения короля, отстранения нынешней династии, вручения власти на время междуцарствия ответственным министрам и избрания короля Национальным конвентом». В более раннем номере своей газеты, от 18 июля, Марат призывал, как и в дни Вареннского кризиса, «назначить трибуна, чтобы расправиться с врагами».

Роль Робеспьера и всей левой части тогдашнего Якобинского клуба в борьбе за созыв Национального конвента, за всеобщее избирательное право трудно переоценить. Им принадлежала инициатива этой борьбы, они были ее идеально-политическими вдохновителями. Этим они еще больше увеличили свой авторитет и свое влияние в народе. Однако созыв Конвента и упразднение деления граждан на «активных» и «пассивных» стали возможными лишь благодаря восстанию 10 августа, ведущую роль в подготовке и проведении которого играли уже другие общественные силы.

Восстание 10 августа

Движение за низложение короля росло, ширилось, принимало все более боевой характер. Наряду с федератами в это движение включились парижские секции и стали играть в нем ведущую роль.

Внутри самих секций к этому времени произошли большие перемены. В первые годы революции Коммуна Парижа и все ее органы носили чисто буржуазный характер. Поскольку правом голоса и другими политическими правами пользовались тогда лишь «активные» граждане (мужчины от 25 лет, платившие прямой налог в размере не менее стоимости трех рабочих дней), постольку доступ в секционные учреждения для широких масс населения был закрыт. В 1791 г. в Париже насчитывалось лишь 82 270 «активных» граждан (что составляло менее половины взрослого мужского населения). К этому надо добавить, что права самих секций были ограничены. «Первичные собрания» в секциях созывались лишь для того, чтобы избрать выборщиков для выборов депутатов в Национальное собрание или членов местной администрации. Заниматься какими-либо другими делами им было запрещено. «Первичные собрания», естественно, собирались не часто. На «общих собраниях» в секциях могли обсуждаться лишь вопросы муниципальной администрации. Созывались такие собрания каждый раз с особого разрешения муниципалитета. Секции не могли представлять никаких петиций, так как петиции тогда можно было подавать лишь индивидуально. Какие-либо коллективные действия секций также были запрещены.

В июле-августе 1792 г., в обстановке острого политического кризиса, приведшего к свержению монархии, были сломаны цензовые и иные рогатки, закрывавшие «мелкому люду» доступ в секционные учреждения. Секции потребовали и добились от Национального собрания (по декрету от 25 июля) признания непрерывности своих заседаний, т. е. права собираться каждый день. Секции самовольно ликвидировали у себя различие между «активными» и «пассивными» гражданами и открыли доступ бедноте в Национальную гвардию. Широкую известность приобрело постановление секции Французского театра от 30 июля, которое подписали Дантон в качестве председателя и Шометт и Моморо в качестве секретарей. Эта секция заявила, что «ни один отдельный класс граждан не может присвоить себе исключительное право на спасение отечества» и что граждане, «которых в духе аристократов именуют пассивными гражданами», должны быть призваны «как на службу в Национальную гвардию, чтобы взять оружие, так и в общие и в первичные собрания секций, чтобы... участвовать в осуществлении той доли суверенитета, которая ей принадлежит».

Секции присвоили себе право обсуждать любые вопросы

и принимать адреса и петиции в любые инстанции. Они стали также устанавливать связи друг с другом и предпринимать коллективные действия. 27 июля при парижском муниципалитете было учреждено Центральное корреспондентское бюро, в состав которого входили комиссары секций. Это бюро во многом способствовало координации действий секций.

Санкюлоты использовали «общие собрания» и другие секционные учреждения для организации своих сил. Постепенно секции становятся главными органами революционной борьбы парижских народных масс, органами восстания и, наконец, зачаточными органами подлинно народной власти. Именно те парижские секции, в которых уже летом 1792 г. санкюлоты пользовались преобладающим влиянием, подготовили и осуществили совместно с федератами свержение монархии.

19 июля секция Фонтэн де Гренель высказалась за низложение короля и предложила другим секциям избрать комиссаров для составления соответствующего адреса Национальному собранию. Это обращение поддержали секции Моконсей, Лувра, Ломбар и др. Муниципалитет разрешил секциям избрать комиссаров для составления такого адреса.

На стенах домов Парижа появляются афиши с призывами к восстанию. В одной из афиш, озаглавленной «Окончательный приговор», критиковалось бездействие Якобинского клуба, который-де «давно уже превратился лишь в арену споров хороших патриотов с софистами». Афиша осуждала нерешительность Робеспьера и заканчивалась призывом к народу: «Восстань! Тираны созрели! Они должны пасть!»

Люди, готовившие в парижских предместьях восстание против монархии, воодушевлялись идеей республики и толковали ее чисто по-народному. В течение месяца перед восстанием 10 августа группа активистов секции Кенз-Вэн издавала газету под названием «Журнал людей 14 июля и предместья Сент-Антуан». В номере этой газеты от 27 июля мы читаем: «Не перестают утверждать, что республики постоянно потрясаются мятежными партиями. Эти рассуждения лишены здравого смысла... Ошибочно думать, чтобы патриоты желали республики вроде Афинской и Римской... Мы хотим правительства, еще не виданного до сих пор, в котором вся власть была бы передана в руки выборных и временных должностных лиц, в котором все делалось бы самим народом и для народа, в котором человеческие страсти должны были бы направляться ко благу всех... Мы хотим полного гражданского равенства».

Около 26 июля Центральный комитет федератов назначил тайную дирекцию в составе пяти членов: Вожуа, епископальный викарий из Блуа; Дебес, федерат из Дромы; Гийом, профессор из Кана; Симон, журналист из Страсбурга; Галиссо из Лангра. Свое первое заседание она провела в кабачке «Золотое солнце», на улице Сент-Антуан. В дальнейшем в нее вошли

такие лица, как журналист Карра, мэр Мецца Антуан и главное вожаки парижских предместий: пивовар Сантер, командир батальона Национальной гвардии в предместье Сент-Антуан; биржевой маклер Александр, командир батальона Национальной гвардии в предместье Сен-Марсо; бывший инспектор мануфактур, поляк Лазовский, капитан канониров этого же батальона; Фурнье-Американец, непременный участник всех народных выступлений той эпохи; бывший солдат Вестерман; булочник Гарен и др. Эта дирекция выработала оперативный план восстания и подготовила его с чисто военной стороны.

31 июля секция Моконсей приняла знаменитое постановление, в котором объявляла, «что она не признает более Людовика XVI королем французов», и приглашала все остальные секции последовать ее примеру. Секция постановила также запросить Законодательное собрание, «хочет ли оно спасти отчество, оставляя за собой право, в зависимости от ответа, принять в дальнейшем надлежащее решение». Это постановление подписали портной Лешнар (председатель) и приказчик из кожевенного рынка Берго (секретарь).

Собрание объявило постановление секции Моконсей «не конституционным» и аннулировало его. Но 32 парижские секции одобрили это постановление и присоединились к нему. 9 секций воздержались и лишь 7 секций заявили о своем несогласии с адресом секции Моконсей. Это были буржуазно-аристократические секции Елисейских полей, Библиотеки, Площади Людовика XIV, Тампля, Арсенала и Генриха IV, а также секция Ботанического сада, где трудовое население преобладало, но где «активные» граждане сохраняли свое влияние до восстания 10 августа.

25 июля командующий прусской армией на Рейне герцог Брауншвейгский обратился от имени государей Австрии и Пруссии с крайне вызывающим манифестом к французам, в котором с циничной откровенностью объяснял цели предстоящего вступления войск коалиции на французскую территорию. «Оба государя,— говорилось в манифесте,— равно озабочены и полагают важным положить конец анархии внутри Франции, пресечь нападки на трон и алтарь, восстановить законную власть, вернуть королю безопасность и свободу, коих он лишен, и дать ему возможность осуществлять законную власть, которая ему принадлежит». Герцог Брауншвейгский требовал, чтобы генералы, офицеры и солдаты французских линейных войск «немедленно подчинились своему королю», а национальных гвардейцев предупреждал, что если они будут сражаться против войск двух союзных дворов, то они «будут наказаны как бунтовщики, восставшие против своего короля». Герцог Брауншвейгский предупреждал, что на членов Национального собрания, администраторов департаментов и дистриктов и прочих должностных лиц «будет возложена личная ответственность за

все события», что они «будут отвечать за все своей головой» и что их «будут судить по законам военного времени без всякой надежды на помилование», а городу Парижу грозил «военной расправой и полным разрушением», если его жители учинали своему королю и членам его семьи «хоть малейшее оскорбление, хоть малейшее насилие».

Этот беспримерный по своей наглости манифест (составленный эмигрантами с ведома Людовика XVI и Марии-Антуанетты) был рассчитан на то, чтобы запугать население Парижа и всей Франции и заставить его отказаться от сопротивления австро-пруссским интервентам. Однако его обнародование (а в Париже манифест стал известен 1 августа) произвело совершенно обратный результат. Этот манифест пробудил во французском народе ярость против интервентов и скомпрометировал короля даже в глазах тех, кто еще колебался. Разумеется, не манифест герцога Брауншвейгского вызвал восстание в Париже, которое готовилось уже давно, но он его ускорил.

С 26 июля по 3 августа в ратуше заседали комиссары от 47 секций (не представлена была лишь секция Тампля), которые выработали адрес Законодательному собранию с требованием низложения Людовика XVI и созыва Национального конвента. Этот адрес мэр Парижа Петион представил 3 августа Собранию от имени всех парижских секций. Обсуждение этого и других адресов с требованием низложения короля было назначено на четверг 9 августа. Тем самым Собрание, само того не ведая, назначило дату восстания!

На своем общем собрании 4 августа секция Кенз-Вэн заявила, что она «будет терпеливо и мирно ждать до 11 часов вечера будущего четверга ответа Национального собрания; но что если к 11 часам вечера будущего четверга Законодательный корпус не воздаст должное справедливости и праву народа, то в тот же день, в полночь, ударят в набат, пробьют сбор и все разом восстанут». В тот же день 4 августа в Законодательное собрание явилась депутация секции Гравилье и предупредила: «Законодатели, мы предоставляем вам еще раз честь спасти отечество; но если вы откажетесь это сделать, то нам придется самим спасать его».

Однако Собрание все больше разочаровывало народ. 8 августа оно отвергло 406 голосами против 224 предложение о передании суду Лафайета. 9 августа, после долгих прений, оно постановило отложить рассмотрение вопроса о низложении короля.

Тогда секции решили действовать.

Вечером 9 августа состоялось собрание секции Кенз-Вэн, на котором присутствовали также комиссары от секций Пуассоньер, Бон-Нувель, Гобеленов, Монтрей, Гравилье, Бобург, Понсо, Круа-Руж, Ломбар, Моконсей, Попенкур, Арсенала, Тюиль-

ри. Собравшиеся постановили «назначить трех комиссаров от каждой секции, которые должны собраться в Коммуне и обсудить способы быстрейшего спасения общественного дела». Было также решено, «что не будут приниматься никакие приказы, кроме как от собравшихся комиссаров большинства секций».

В полночь загудел набат. В предместьях Сент-Антуан и Сен-Марсо начался сбор батальонов Национальной гвардии и добровольцев и построение их в колонны. В секциях заседали далеко за полночь. Избрали комиссаров в повстанческий центр. Спешно «чистили» офицерский состав Национальной гвардии. Разумеется, не все секции откликнулись на призыв секции Кенз-Вэн и других объединившихся с нею секций избрать комиссаров «для спасения общественного дела». Когда около 3 ч ночи в ратуше под председательством представителя секции Кеиз-Вэн, бывшего таможенного сборщика Югенена, открылось заседание избранных секциями комиссаров, то оказалось, что на нем присутствуют 89 комиссаров от 28 секций; кроме того, 10 августа прислали своих комиссаров еще 7 секций. Остальные секции присоединились к большинству в последующие дни. Для охраны собравшихся в ратуше комиссаров из секций прибыли вооруженные отряды.

Так возникла знаменитая Повстанческая коммуна, которая отстранила старую, «законную» фейянско-жирондистскую Коммуну, и взяла всю полноту власти в столице в свои руки. Коммуна сместила и арестовала бывшего командующего Национальной гвардией Парижа, главного организатора обороны Тюильри Мандата (по дороге в тюрьму Мандат был убит, и его труп бросили в Сену). Жирондистский мэр Парижа Петион был посажен под домашний арест. Новым командующим Национальной гвардией Парижа был назначен один из вожаков предместья Сент-Антуан, участник взятия Бастилии, пивовар Сантер. Коммуна сменила также весь Генеральный штаб Национальной гвардии и многих командиров батальонов. Функции политической полиции в Париже Коммуна возложила на свой специальный орган — Наблюдательный комитет, во главе которого были поставлены адвокат Панис и гравер Сержан. Наблюдательные комитеты были созданы и в секциях.

Кто же были эти комиссары от не такого уж значительного большинства секций, которые собирались в ночь на 10 августа в ратуше и смело взяли на себя руководство восстанием? Это были преимущественно вожаки секций, деятели, известные в масштабе своей улицы, своего квартала, но о которых большой Париж узнал только сейчас. Назовем некоторых из них: бывший таможенный служащий Югенен; подмастерье ювелира и солдат, впоследствии известный генерал-санкюлот Россиньоль; подмастерье столяра-краснодеревца Бален (все трое из секции Кеиз-Вэн); сапожник Люлье (секция Моконсей); участ-

ник взятия Бастилии, красильщик Барюкан (секция Арсенала); сапожник Симон, будущий воспитатель дофина (секция Французского театра); часовой мастер Тюрло (секция Монтрей); торговец галантереей Милье (секция Круа-Руж); торговец бумагой Симон и содергатель меблированных комнат Ги-Дамур (оба из секции Бобург); книготорговец Мерсье (секция Гобеленов); золотильщик Блерси и токарь Жером (оба из секции Арсенала); скульптор Дожон (секция Бонди); артист Мишо (секция Тюильри); ленточник Кайо (секция Понсо); каретник Журнэ и бывший слуга Лэне (оба из секции Пале-Рояля); художник Фаро и торговец вином Пелетье (оба из секции Пуассонье); сборщик рент Легре (секция Лувра); учитель Оже (секция Фобур Сен-Дени); рабочий-чулочник Буэн и негоциант Жобер (оба из секции Рынка); торговец галантереей Жиро (секция Почт).

Из людей известных, представителей мира адвокатуры, журналистики, литературы, здесь были немногие: адвокат и журналист Робер, адвокат и публицист Бийо-Варенн (оба из секции Французского театра); журналист Эбер (секция Бон-Нувель); адвокат и педагог Леонар Бурдон (секция Гравилье); будущий прокурор Коммуны Шометт в ночь с 9 на 10 августа поднимал марсельских федератов, а днем 10 августа председательствовал в Коммуне.

Фабр д'Эглантин, Луве, Гассенфрац, Тальен, Робеспьер, Лэньело, Мари-Жозеф Шенье и другие известные члены Коммуны 10 августа были избраны в ее состав уже после победы. В состав Наблюдательного комитета Коммуны был включен Марат, но также лишь несколько дней спустя.

Впоследствии Робеспьер подчеркивал, что ни ему самому, ни Петиону, ни какому-либо другому известному политическому деятелю не принадлежит честь быть руководителем восстания 10 августа. «Я не могу не радоваться тому,— говорил он в Конвенте 5 ноября,— что многие граждане лучше послужили государству, чем я. Я отнюдь не собираюсь претендовать на славу, которая мне не принадлежит. Я был избран лишь 10 августа. Подлинные герои свободы — те, кто был избран ранее, кто сорвался в ратуше в ту грозную ночь, когда готов был вспыхнуть заговор дворца. Это они сплачивали вокруг себя патриотов, вооружали граждан, направляли ход бурного восстания, от которого зависело общественное благо».

Робеспьер воздал должное не только мужеству простых людей из народа, взявшим на себя инициативу восстания, но и политической мудрости и энергии парижских секций, возглавивших народное движение. Отвечая Петиону, он писал 30 ноября: «Я был, почти так же, как и Вы, в стороне от славных событий нашей последней революции... Почему не указываете Вы в числе тех, кто подготовил революцию, парижские секции... Почему умалчиваете Вы о том, что именно секции торжественно обсу-

дили вопрос о священном восстании, что это они объединили всех солдат за свободу, что они, наконец, в ночь на 9 августа дали сигнал к бою против мятежного и заговорщического двора?»

Восстание 10 августа — замечательный пример активности и самодеятельности народа, его самых широких слоев. Его героями были парижские санкюлоты и федераты, поднявшиеся на борьбу по собственной инициативе и в известной мере даже вопреки тем советам, какие им давал Якобинский клуб.

Не Якобинский клуб организовал восстание 10 августа. Но когда парижские санкюлоты поднялись на восстание, то и Робеспьер, и Марат, и все лучшее, что было в тогдашнем Якобинском клубе (включая и некоторых жирондистов), примкнули к ним, пошли вместе с ними, положив тем самым начало блоку санкюлов и якобинцев, сыгравшему такую большую роль в дальнейших судьбах французской революции.

Тюильри обороняли 900 швейцарцев, от 200 до 300 рыцарей св. Людовика и свыше 2 тыс. национальных гвардейцев. Но эти последние отнюдь не были расположены защищать короля. Канонирам из секции Генриха IV было поручено охранять Новый мост, чтобы не допустить перехода с левого берега Сены батальона федератов-марсельцев и батальона предместья Сен-Марсо. В узком проходе позади ратуши был расположен еще один отряд, чтобы напасть с тыла на колонну предместья Сент-Антуан, когда она пойдет ко дворцу. В 6 ч утра король произвел смотр своих сил. Дворяне и швейцарцы встретили его возгласами: «Да здравствует король!» Но канониры и батальон секции Круа-Руж кричали: «Да здравствует нация!» А с террасы монастыря Фейянов донеслось: «Долой короля!»

Тем временем из предместий к центру города двигались несметные толпы вооруженных ружьями и пиками людей. Канониры из секции Генриха IV, которым было приказано оборонять Новый мост, перешли на сторону народа. Около 7 ч утра на площади Карусель появились федераты-марсельцы и батальон секции Гобеленов. Народ стал стучать в главные ворота дворца, требуя, чтобы их открыли.

Около половины 9-го утра король и его семья покинули дворец (по совету генерального прокурора-синдика Парижского департамента Рёдерера) и укрылись в здании Законодательного собрания. После этого оборона Тюильри стала бессмысленной. Оставшиеся еще на своих постах батальоны Национальной гвардии либо ушли домой, либо примкнули к восставшим. Тем не менее дворяне и офицеры-швейцарцы решили драться с народом.

Войдя в Собрание, король заявил: «Я пришел сюда во избежание тяжкого преступления, и я всегда буду считать себя и свою семью в безопасности среди представителей нации». Председательствовавший на этом заседании Верньо ответил

ему: «Национальное собрание знает свои обязанности. Оно поклялось охранять права народа и установленные власти». Следовательно, даже тогда, когда народ уже начинал штурм Тюильри, Собрание все еще пыталось сохранить монархию. Короля и его семью поместили в ложе скорописцев журнала «Логограф» (публиковавшего отчеты о прениях в Собрании).

Нападающие насчитывали в 9 ч утра около 20 тыс. человек, включая 400 марсельцев и мелкие отряды федератов из Бреста, Руана и некоторых других городов.

Вскоре после ухода короля, федераты-марсельцы и батальон секции Гобеленов ворвались во внутренний двор Тюильри и двинулись к главной лестнице. Нападающие пытались браться со швейцарцами. Шедший во главе повстанцев Вестерман стал по-немецки уговаривать швейцарцев не стрелять в народ. Солдаты-швейцарцы колебались. Двое или трое из них дали себя обезоружить, но тут же были сражены выстрелами из окон дворца. Стреляли офицеры. Прозвучали слова команды. И воинская дисциплина взяла свое. Швейцарцы открыли убийственный огонь по толпе, которая, естественно, дрогнула и откатилась назад. Главная лестница была завалена трупами. Нападающие были вытеснены не только из внутреннего двора, но и с площади Карусель.

В Собрании от Людовика XVI потребовали, чтобы он дал приказ швейцарцам прекратить кровопролитие. Однако генерал д'Эрвили, прибывший в Тюильри с этим приказом как раз в тот момент, когда народ отступал, оставил его у себя в кармане и, наоборот, стал подстрекать швейцарцев к наступлению.

Успех защитников Тюильри оказался кратковременным. Подошли вооруженные колонны из предместья Сент-Антуан, благополучно избежавшие подстроенной им засады. Начался обстрел дворца из пушек. Народ пошел на новый штурм Тюильри и после непродолжительной, но кровопролитной схватки овладел дворцом.

Теперь уже трупы швейцарцев устилали землю. Лишь небольшой их части удалось с боями отступить к зданию Собрания, где они дали себя обезоружить и запереть в монастыре Феянов. Народ порывался немедленно покончить с ними. Лишь с большим трудом их удалось перевести в Аббатство в ожидании суда.

При взятии Тюильри были убиты до 600 швейцарцев и около 200 дворян. Придворных дам не трогали. Всякого, кто пытался грабить, убивали на месте. Народ также понес большие потери: были убиты и ранены до 90 федератов и около 300 парижских секционеров, среди последних три женщины. В списках убитых и раненых парижан имеются сведения о роде занятий для 123 человек: буржуа — 2, служащие и лица свободных профессий — 7, слуги — 9, рабочие и подмастерья — 51, ремесленники и лавочники — 54. Из них проживали в пред-

местье Сент-Антуан — 82 человека, в предместье Сен-Марсо — 37 человек.

В 11 ч утра, едва только прекратилась пушечная пальба, в Законодательное собрание явилась депутация Повстанческой коммуны, и ее оратор Югенен потребовал немедленного отстранения Людовика XVI и созыва Национального конвента. «Народ, который послал нас к вам,— сказал он затем депутатам,— уполномочил нас объявить, что он снова облекает вас своим доверием; но в то же время он уполномочил нас объявить вам, что судьей чрезвычайных мер, к которым его вынудили необходимость и сопротивление угнетению, может быть признан только французский народ, ваш суверен, как и наш, объединенный в первичных собраниях».

Не считаться с волей победившего народа было нельзя. На вечернем заседании того же 10 августа Собрание, по докладу Верньо, декретировало: «1. Французский народ приглашается образовать Национальный конвент... 2. Глава исполнительной власти временно отстраняется от своих функций, пока Национальный конвент не объявит о мероприятиях, которые он сочтет необходимым принять для обеспечения суверенитета народа и господства свободы и равенства». Собрание объявило также, что нынешние королевские министры не пользуются его доверием и что временно оно само будет назначать министров, а принимаемые им законы не будут нуждаться (опять-таки «временно») в королевской санкции.

Затем было образовано новое министерство под названием Временного исполнительного совета. Под бурные аплодисменты депутатов и публики на трибунах, без голосования, были возвращены на свои посты уволенные королем 13 июня министры-жирондисты: Ролан — на пост министра внутренних дел, Клавьер — на пост министра финансов, Серван — на пост военного министра. Министром юстиции 222 голосами из 284, участивших в голосовании (вся правая сторона Собрания отсутствовала), был избран Дантон. Близкий к жирондистам математик и инженер Монж был избран морским министром (150 голосами), а министром иностранных дел (109 голосами) — журналист Пьер Лебрен (он же Лебрен-Тондю), друг Бриссо и начальник канцелярии у Дюмурье, когда тот был министром иностранных дел. Вхождение Дантона в правительство вместе с жирондистами было правильным шагом и отвечало задачам сплочения всех патриотических сил для отражения натиска внутренней и внешней контрреволюции. Дантон принял самое активное участие в деятельности правительства и способствовал проведению ряда важных социально-политических мероприятий. В дальнейшем избранный в Конвент Дантон вышел из состава правительства, которое только тогда приобрело узко-партийный жирондистский характер.

Собрание предоставило Людовику XVI в качестве резиденции Люксембургский дворец и распорядилось назначить воспитателя «для наследника престола». Но уже 13 августа по настоянию Коммуны Парижа король и члены его семьи были препровождены в замок Тампль, где они являлись лишь узниками. Выплаты королю по цивильному листу были прекращены.

На улицах Парижа народ разрушал бюсты и статуи королей, срывал монархические гербы и эмблемы. Секции Парижа, названия которых напоминали о монархическом прошлом, срочно меняли их: например, секция Королевской площади стала называться секцией Федератов, секция Генриха IV — секцией Нового моста и т. п.

Сразу же после 10 августа Коммуна арестовала ряд бывших министров, придворных и других деятелей свергнутого режима. Она закрыла также многие монархические газеты, арестовала их редакторов, а их типографии передала «писателям-патриотам».

Монархический режим рушился, и остановить это было уже невозможно. Вместе с ним рушились и политические привилегии верхов буржуазии, закрепленные конституцией 1791 г.

Декретом от 11 августа Собрание упразднило разделение граждан на «активных» и «пассивных», как это еще 30 июля сделала у себя секция Французского театра, руководимая Дантоном. Избирательные права предоставлялись всем французам (мужчинам), достигшим 21 года, проживающим не менее года в данной местности и не являющимся прислугой. Двухступенчатая система выборов сохранялась, но для кандидатов в выборщики или в депутаты устанавливалось лишь одно дополнительное условие: иметь от роду не менее 25 лет.

13 августа Коммуна постановила помечать свои документы: «IV год Свободы, I год Равенства». Она предписала также заменить в обращений слово «господин» (*monsieur*) словом «гражданин» (*citoyen*).

По требованию Коммуны Парижа Собрание учредило 17 августа Чрезвычайный трибунал для суда над «преступниками 10 августа», т. е. над швейцарцами и монархистами-заговорщиками. Этот трибунал был составлен из судей и присяжных, избранных парижскими секциями.

На площади Карусель по распоряжению Коммуны была сооружена гильотина — изобретенная доктором Гильотэном машина для отсечения головы.

Первое заседание «трибунала 17 августа» состоялось 21 августа. На нем к смертной казни был приговорен королевский вербовщик солдат д'Ангренон. В тот же день он был обезглавлен на гильотине. Это была первая во Франции казнь на гильотине по политическим мотивам.

26 августа Собрание приняло новый и еще более строгий закон против неприсяжных священников: всем им предписы-
вались

лось в двухнедельный срок покинуть территорию Франции, не-взявшие паспортов для выезда подлежат аресту и высылке по этапу в Гвиану.

После издания этого декрета в Париже и по всей стране начались массовые аресты неприсяжных священников, пытавшихся уклониться от его исполнения.

Для монархистов наступили поистине черные дни! А народ ликовал. Вскоре после 10 августа на улицах Парижа зазвучала знаменитая «Карманьола», ярко отразившая радость народа по случаю победы над вероломным двором. Вот несколько куплетов из этой «Марсельезы предместий», подвергавшей беспощадному осмеянию короля, королеву («мадам Veto»), дворян, швейцарцев и восхвалявшей героев дня — санкюлов:

Мадам Veto могла грозить
Нас всех в Париже перебить,
Но дело сорвалось у ней —
Все из-за наших пушкарей.
Ее супруг победы ждал,
Он нашу доблесть плохо знал.
Ступай же, толстый дуралей,
Ты в башню Тампля поскорей!
Навек запомнит наш народ,
Каков в предместьях санкюлот.
Чтоб наших молодцов почтить,
За их здоровье будем пить!
Отпляшем карманьолу!
Славьте гром! Славьте гром!
Отпляшем карманьолу!
Славьте пушек гром!

Восстание 10 августа, в результате которого была фактически низвергнута монархия, ожесточило всю прежнюю «конституционистскую партию» — и сторонников братьев Ламет, и сторонников Лафайета — и tolknulo на путь национальной измены. Лафайет поднял против парижских «бунтовщиков» Арденнский департамент и отдал приказ своей армии двинуться на Париж. Он арестовал трех комиссаров Собрания, прибывших 14 августа в Седан, и заключил их в крепость. Однако солдаты не пошли за Лафайетом. Когда он пытался произвести смотр своего войска, солдаты встретили его криками: «Да здравствует Национальное собрание! Да здравствует нация!» Собрание приняло обвинительный декрет против Лафайета и приказало его армии более ему не повиноваться. 19 августа Лафайет бежал в Бельгию в сопровождении Александра Ламета и еще небольшой группы офицеров. Он рассчитывал проклыннуть сквозь австрийские аванпосты и укрыться в Голландии, чтобы затем отправиться на свою вторую родину — в США. Но Лафайету не повезло. Его схватили австрийцы и на долгие годы посадили в тюрьму, из которой его вызволил лишь Bonapart после Кампоформийского мира (1797 г.). Новым

хомандующим армией Центра Собрание назначило Дюмурье. Оно сместило также Люкнера с поста командующего Северной армией и заменило его Келлерманом. Барон Дитрих, друг Лайфайета и мэр Страсбурга, впервые исполнивший «Боевую песнь Рейнской армии», ставшую затем «Марсельезой», пытался поднять против Парижа Эльзас, но также потерпел в этом неудачу и бежал за границу.

Подавляющее большинство департаментов в лице их директорий и коммун крупных городов приветствовало «революцию 10 августа» (а именно так называли восстание 10 августа современники) и выразило полное доверие Собранию и созданному им правительству Ролана — Дантона. Новый режим завоевал популярность и среди крестьян, которым были сделаны серьезные уступки и даны еще более щедрые обещания.

Сразу же после восстания 10 августа рухнуло аграрное законодательство Учредительного собрания, столь милостивое к бывшим сеньерам. Программа, которую выдвинул Кутон в речи от 29 февраля 1792 г., была не только выполнена, но и превзойдена.

С 14 по 28 августа были приняты аграрные законы, которые обеспечили рождающейся республике симпатии и поддержку крестьянства. Декреты эти составлялись наспех, под давлением являвшихся в Собрание крестьянских и иных депутатий, их детали не были разработаны, формулировки отличались крайней общностью, что дало впоследствии возможность Конвенту (в период преобладания в нем жирондистов) объявить некоторые из них «неприменимыми».

14 августа депутат Франсуа из Нёфшато, видный агроном, близкий к жирондистам, вернулся к вопросу об общинах землях, который обсуждался в Комитете земледелия Собрания с мая 1792 г., но так и не был решен. Франсуа предложилпустить эти земли в раздел между всеми жителями коммун. Собрание согласилось с этим и немедленно декретировало: «1. Начиная с нынешнего года, немедленно после уборки урожая, все общинаные земли и общинаные права, исключая право на леса, будут разделены между всеми гражданами каждой коммуны; 2. Эти граждане получат свои участки в полную собственность».

Ободренный успехом своей инициативы Франсуа тут же поставил вопрос и об эмигрантских землях, которые Собрание еще декретом от 27 июля объявило конфискованными и назначило продать. «Продажа земель эмигрантов,— сказал Франсуа,— представляет собой средство привязать сельских жителей к революции. Я предлагаю, чтобы эти владения с сего дня поступили в продажу и отдавались за годовую ренту небольшими участками в два, три, четыре арпана, для того чтобы бедные могли этим воспользоваться».

Собрание встретило предложение Франсуа бурными аплодисментами и сразу, без прений декретировало, «что в нынешнем году и непосредственно после уборки урожая земли, виноградники и луга, бывшие собственностью эмигрантов, будут разделены на мелкие участки по два, три и самое большое четыре арпана, которые будут продаваться с торгов и отчуждаться в бессрочное владение за ренту в деньгах, каковая всегда сможет быть выкуплена», оговорив, правда, «что тем, кто предложит приобрести за наличные деньги эти земли, виноградники и луга, будет разрешено набавлять на торгах цену за любой надел по их желанию».

Оба эти декрета от 14 августа были опубликованы и вызвали энтузиазм среди крестьян, особенно беднейших, которым эти декреты (будь они выполнены) действительно открывали возможность обзавестись небольшим участком собственной земли. Но именно эти декреты и не были выполнены.

Оба декрета от 14 августа были одобрены Собранием лишь в *принципе*. Окончательный текст декрета о разделе общинных земель Собранием так и не был выработан, а Конвент постановил 11 октября 1792 г. вообще отложить этот вопрос. Решен он был лишь в период якобинской диктатуры. Что касается декрета об эмигрантских землях, то его окончательный текст, утвержденный Собранием 2 сентября, был еще более благоприятен для богатых покупателей. В нем максимальный размер участков в 4 арпана, на которые следовало дробить имения эмигрантов, не был оговорен, зато ясно и четко устанавливалось: «В случае конкуренции на публичных торгах между лицом, предлагающим заключить договор об уплате ренты, и лицом, предлагающим купить за наличные, при равенстве после надбавок между суммой, предлагаемой в случае продажи, и тем капиталом, соответствующую которому выкупную ренту предложено уплачивать, предпочтение будет отдаваться покупателю, предлагающему заплатить наличными деньгами». Конвент же 11 ноября 1792 г. вовсе приостановил продажу эмигрантских земель. И этот вопрос был решен лишь при якобинцах.

Декреты Собрания от 14 августа оказались в итоге лишь тактическим ходом, сделанным в критический момент.

Однако Собрание пошло и на вполне реальные уступки крестьянам, правда, не столь радикальные.

16 августа в Собрание явились (как сказано в протоколе) «земледельцы бывшей провинции Пуату» и пожаловались на судебные преследования, возбуждаемые с целью взыскания с них феодальных повинностей. Собрание немедленно, без обсуждения принимает декрет о приостановлении всех судебных исков по взысканию феодальных повинностей. В тот же день, 16 августа, делегат от сельских коммун округа Лаоннэ требует от Собрания «во имя законов, свободы и социального равенства» упразднения всех феодальных повинностей, относительно

которых не будет доказано предъявлением «первоначального титула», что они являются ценой уступки земли. Собрание и на эту петицию реагирует немедленно, декретируя *в принципе*, «что феодальные и сеньериальные повинности всякого рода упраздняются без возмещения, когда они не являются ценой первоначальной уступки земли». Феодальному комитету поручается в кратчайший срок представить окончательные тексты декретов.

20—22 и 25—28 августа принимаются декреты, которыми сеньериальному режиму во французской деревне был нанесен новый и весьма серьезный удар. Отверглась принципиальная основа аграрного законодательства Учредительного собрания: презумпция в пользу сеньера. Феодальные права сеньера признавались результатом узурпации и подлежали отмене, если только сеньеру не удастся доказать, что они проистекали из первоначальной уступки земли. «И вообще все сеньериальные права, как феодальные, так и цензуальные, сохраненные или объявленные предыдущими законами, подлежащими выкупу,— говорилось в ст. 5 декрета от 25—28 августа,— упраздняются без возмещения, разве что будет доказано, что они имеют своим источником первоначальную уступку земли», причем доказать это сеньер должен был в суде путем предъявления «первоначального титула», которого в большинстве случаев у него не было.

Порядок выкупа тех повинностей, относительно которых сеньер мог доказать, что они являются ценой уступки земли, был изменен в пользу крестьян по сравнению с условиями, установленными Учредительным собранием:

— выкуп являлся уже не факультативным (по соглашению сторон), а обязательным для бывшего сеньера, если этого требовал бывший цензитарий;

— отменялась солидарная ответственность членов общины при выкупе повинностей, и выкуп мог производиться индивидуально;

— подтверждался установленный еще декретом от 18 июня раздельный выкуп постоянных повинностей и так называемых «казуальных платежей», причем размеры этих платежей резко снижались;

— для внесения выкупных сумм допускалась рассрочка в 2,5 года, а для взыскания недоимок устанавливался 5-летний срок давности;

— многие местные повинности (существовавшие лишь в отдельных областях), которые Учредительное собрание отнесло в разряд «реальных», «вещных», т. е. подлежащих выкупу, теперь были признаны «личными», т. е. подлежащими отмене без выкупа.

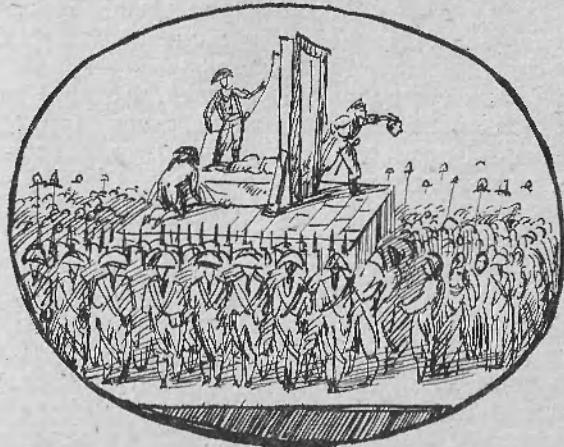
Наконец, декретом от 28 августа Собрание отменило предоставленное сеньерам королевским ордонансом 1669 г. право триажа, т. е. право присваивать себе третью часть общинных

земель прихода. Коммуны могли вернуть себе эти земли по суду в течение пяти лет.

Августовское законодательство 1792 г. еще носило на себе печать компромисса. Бывшие сеньеры еще сохраняли возможность требовать с крестьян уплаты ценза или шампара, доказав в суде «первоначальным титулом» их происхождение от совершенной некогда передачи земли. Источники свидетельствуют, что в ряде случаев сеньеры действительно обращались в суд, требуя уплаты повинностей. В ряде случаев требовала уплаты повинностей с крестьян и администрация национальных имуществ. Окончательно от уплаты феодальных повинностей французских крестьян освободило лишь законодательство якобинской диктатуры. Но все историки единодушны в том, что после августовских декретов 1792 г. число выкупных операций резко упало, во многих местах сошло на нет, как и уплата повинностей. Французская деревня все больше сбрасывала с себя феодальные узы, и восстание 10 августа было в этом процессе весьма важной вехой.

В экономической политике Законодательного собрания после 10 августа нашли свое отражение и нужды войны, и необходимость обеспечить хлебом население городов. Циркуляром от 4 сентября 1792 г. временный исполнительный совет предоставил военным органам право закупать для нужд армии муку, зерно и фураж на всей территории страны, а в случае нежелания собственников продать эти продукты — право реквизировать их, с уплатой по ценам, установленным местными административными органами. Эта же мера была применена и для снабжения населения городов. Декретами от 9 и 16 сентября Собрание предоставило муниципалитетам право производить учет зерна и реквизировать его (с уплатой по установленным ими ценам) в количестве, необходимом для снабжения рынков. Однако вскоре после изгнания войск коалиции с территории Франции все эти постановления были аннулированы как несовместимые с принципом «свободы торговли», фанатичными поборниками которого являлись жирондисты.

ГЛАВА V ОСНОВАНИЕ РЕСПУБЛИКИ

Коммуна 10 августа

Восстание 10 августа 1792 г. знаменовало собой подъем французской революции на новую, более высокую ступень своего развития. Фактический рухнул режим цензовой буржуазной монархии, оформленный конституцией 1791 г. От власти были окончательно отстранены «конституционисты», представлявшие верхи буржуазии «старого порядка» и либерально настроенную часть дворянства. Жирондисты, опиравшиеся на широкие круги торгово-промышленной буржуазии, вновь вернулись к власти и закрепили за собой положение ведущей политической силы и в Собрании, и в стране. Одновременно в лице Коммун 10 августа (*Commune du 10 août* или *Commune insurrectionnelle*) возник зачаточный орган санкюлотской власти, который оказывал большое влияние на Собрание и фактически приобрел значение «второй власти» в государстве.

Нелегко было новой Коммуне отстоять свое существование! Не только фейяны и жирондисты, но и большинство монтаньяров смотрели на эту, вышедшую из народного восстания власть как на «незаконный» орган и, признавая ее заслуги в организации восстания, тем не менее требовали ее немедлен-

ной замены «законно» избранными властями. Буржуазная оппозиция к Коммуне действовала и в секциях. Некоторые секции выразили недоверие новому Генеральному совету Коммуны и отзывали из него своих представителей. Когда Коммуна вызвала к себе для объяснений жирондистского журналиста Жире-Дюпре (который клеветал на Коммуну), он отказался явиться и обратился с негодящим письмом в Собрание, обвиняя Коммуну в посягательстве на «свободу печати». Жалоба Жире-Дюпре обсуждалась в Собрании 30 августа. Постановление Коммуны о вызове этого журналиста к своей решетке было признано «посягательством на личную свободу и свободу прессы» и аннулировано. Но этим дело не ограничилось. И жирондисты, и монтаньяры требовали немедленного представления доклада о «законности» Коммуны 10 августа. Монтаньян Шудье сказал: «Пришло время обратить внимание на поведение нынешнего парижского муниципалитета... Он не заслуживает общественного доверия. Он все дезорганизует, всему мешает... Он состоит лишь из комиссаров, которым было поручено усolvиться об определенных операциях, относящихся только к событиям 10 августа. Они же, вопреки этому, возвели себя в ранг муниципалитета; они отстранили мэра от его функций; они позволяют себе произвольные акты, они желают все ниспревергнуть».

Тщетно депутатия Коммуны отстаивала ее право представлять народ Парижа. В тот же день, 30 августа, заслушав доклад жирондиста Гаде, Собрание декретировало: «1. В течение 24-х часов парижские секции должны избрать каждая по два гражданина, которые, собравшись вместе, образуют временно, до ближайших муниципальных выборов, Генеральный совет Парижской коммуны; 2. Как только предписанные предыдущей статьей выборы будут произведены, комиссары, назначенные 48-ю секциями и заменившие временно после 10 августа Генеральный совет Коммуны, перестанут исполнять свои функции и будут заменены». Это значило, что «люди 10 августа» отстранились от власти. Лишь мэр Парижа, жирондист Петион, и прокурор Коммуны, жирондист Манюэль, а также муниципальные чиновники были оставлены на своих постах. Этот декрет вызвал бурные протесты большинства секций. Повстанческая Коммуна категорически отказалась сложить свои полномочия, полученные ею от восставшего народа. Не помогло и вмешательство Робеспьера, который заявил 1 сентября на заседании Генерального совета Коммуны, «что ему не представляется иного средства спасти народ, как вернуть ему полномочия, которые совет получил от него».

Собранию пришлось отступить. 2 сентября оно принимает следующий декрет: «1. Число граждан, которые по закону 30 августа сего года должны образовать Генеральный совет Парижской коммуны, будет увеличено и составит 288, не вклю-

чая муниципальных служащих, мэра и прокурора Коммуны и его заместителей; 2. Комиссары, исполняющие свои функции в Коммуне после 10 августа, останутся членами Генерального совета Парижской коммуны, если только они не будут замещены своими секциями».

Таким образом, Коммуна 10 августа отстояла свое существование, хотя на состоявшихся затем довыборах в ее состав и прошло значительное число «умеренных», как санкюлоты стали называть своих противников из состоятельных слоев. Тем не менее «люди 10 августа» сохранили свое преобладающее положение в Коммуне. Вскоре Петион и Манюэль, избранные в Конвент, отказались от своих постов в Коммуне. Уже с конца сентября Эбер стал исполнять обязанности одного из заместителей прокурора Коммуны. На заседаниях Генерального совета Коммуны все чаще председательствовал Шометт. Родили власть Коммуны и ее влияние на общегосударственные дела. По конституции 1791 г. городские и сельские коммуны были подчинены дистриктам (округам) и департаментам (областям). Департаментские органы (советы и директории), избранные «активными» гражданами, оказались в руках фейянов и жирондистов. Директория Парижского департамента противилась свержению монархии и после 10 августа фактически распалась. Повстанческая коммуна еще в ночь на 10 августа приняла решение об упразднении контроля департамента над парижским муниципалитетом. Разумеется, Собрание вступилось в защиту Парижского департамента и предписало избрать его новый состав. 12 августа в Собрание явилась депутация Коммуны с Шометтом и Робеспьером во главе и добилась беспрецедентного решения, что отныне Парижский департамент будет осуществлять наблюдение лишь над теми актами парижского муниципалитета, «которые касаются сбора общественных налогов», и что защита общей безопасности и функции полиции в Париже осуществляются только Коммуной, без всякого надзора департамента. Парижской коммуне предоставлялось также право «непосредственно сноситься с Законодательным корпусом и Временным исполнительным советом».

Коммуна широко использовала свои права для подавления дворянско-буржуазной реакции. Она проводила обыски и изымала оружие у «подозрительных», а самих «подозрительных» сажала в тюрьму. Причем «подозрительными» для нее были не только «аристократы».

Выступая 2 сентября в Коммуне, Робеспьер и Бийо-Варенн в пылу межфракционной борьбы обвинили жирондистов в том, что они якобы хотят возвести на французский престол... герцога Брауншвейгского. На другой день Наблюдательный комитет Коммуны произвел обыск у Бриссо и выдал ордер на арест тогдашнего министра внутренних дел Ролана и восьми

жирондистских депутатов. Лишь в последний момент этот ордер был изъят Дантоном.

Коммуна пыталась ограничить и политические права «подозрительных». 18 августа она постановила, «что нельзя допускать ко всем общественным должностям: 1) выборщиков Сен-Шапель, которые вследствие дурного избрания, совершенного ими, подвергли родину опасности [в часовне Сен-Шапель заседали в 1791 г. парижские выборщики, избравшие депутатов от Парижа в Законодательное собрание]; 2) членов Клуба фейянов; 3) тех, кто подписался под так называемой петицией 8-ми тысяч; 4) всех общественных функционеров, отрешенных от должности по различным постановлениям Генерального совета; 5) и, наконец, всех тех, кто протестовал каким бы то ни было образом либо против декретов Национального собрания, либо против постановлений конституционных властей, либо, наконец, против суверенитета народа».

28 августа Коммуна разъясняет, что принятые накануне решения о разоружении «подозрительных» касается в первую очередь «подписавшихся под петицией против событий 20 июня и распространителей петиции против лагеря федератов». Членам Генерального совета поручалось «лично разъяснить своим секциям эти мероприятия и в случае разногласий, которые могут возникнуть между гражданами, просветить их по этому поводу».

По всему Парижу были расклеены списки выборщиков Сен-Шапель и лиц, подписавших петиции 8-ми тысяч и 20-ти тысяч!

Многие граждане и даже некоторые секции заявили протест против отстранения от всякой общественной деятельности тех, кто еще совсем недавно задавал тон в парижских секциях. Но Коммуна была непреклонна! В протоколе заседания Генерального совета 6 сентября мы читаем: «Секция Майль представляет совету предложение предать забвению списки подписавших антигражданские петиции и рассматривать этих граждан как братьев. Генеральный совет переходит к порядку дня, мотивируя это опасностью, которая могла бы возникнуть, если допустить в число патриотов людей, гражданственность которых была более чем сомнительна до 10 августа».

Постановления Коммуны от 18 и 28 августа показывают, что «люди 10 августа» не делали себе фетиша из формальной демократии. Они ясно сознавали, что политические права, право носить оружие и т. п. могут быть предоставлены лишь «патриотам» и что этих прав должны быть лишены все элементы, враждебные революции. Это замечательный пример политики революционно-демократической диктатуры, которую проводила Повстанческая коммуна!

Лишь вмешательство Собрания несколько оградило политические права «умеренных». По жалобе секции Ломбар Собрание заявило 8 сентября, «что в момент, когда все французы бе-

рутся за оружие для защиты родины, все чувства должны слиться в общей любви к отечеству, а ненависть исчезнуть», и постановило сжечь оригиналы петиций 8-ми тысяч и 20-ти тысяч.

Политику революционно-демократической диктатуры, которую «люди 10 августа» осуществляли в Париже, они пытались распространить и на департаменты. 29 августа Временный исполнительный совет направил в прилегающие к столице департаменты 30 чрезвычайных комиссаров, чтобы ускорить формирование новых батальонов волонтеров и их отправку на фронт. Этих комиссаров пришлось взять из числа деятелей Коммуны Парижа и секций. Посланцы революционного Парижа, среди которых были Югенен, Шометт, Моморо, Гермер, не ограничились чисто военной стороной своей миссии. Они стали смешивать ненадежных администраторов, производить реквизиции, арестовывать «подозрительных». Министр внутренних дел Ролан уже 13 сентября обратился в Собрание с жалобой на «злоупотребления» комиссаров. Собрание поспешило ограничить полномочия комиссаров набором волонтеров и запретило им производить реквизиции и отрешать от должности, а 22 сентября Временный исполнительный совет постановил вообще отозвать их.

Лютко возненавидели Коммуну 10 августа жирондисты, сразу распознавшие в ней зародыш новой, подлинно народной власти. «Вам говорят, граждане, что не существует никакого проекта диктатуры,— возмущался 25 сентября в Конвенте Барбара.— Не существует! Но я вижу, как в Париже действует дезорганизаторская Коммуна, которая рассыпает комиссаров во все концы республики, чтобы командовать другими коммунами, которая отдает приказы об аресте депутатов Законодательного корпуса и выносит постановления, направленные против министра, т. е. официального лица, принадлежащего не Парижу, а всей республике. Проекта диктатуры не существует!»

Коммуна 10 августа вмешивалась и в церковные дела. Она запретила священникам показываться вне храмов в одеянии, присвоенном их сану. Она отменила привилегированные места в храмах для богатых прихожан. Она предписала перелить в пушки бронзовые распятия, изображения ангелов и прочие изображения, «которые обязаны своим происхождением низкому обману простодушного народа священниками». Она распорядилась также упростить погребальные обряды, мотивируя это тем, «то в свободной стране суеверия и фанатизм должны быть уничтожены и уступить место духу здравой философии и чистой морали». Так начиналась та политика, которая впоследствии вылилась в знаменитую дехристианизацию!

Ну, а какие социальные идеи выдвигала Коммуна 10 августа?

Едва конституировавшись, она спешит потребовать от Собрания самых строгих мер против спекуляции звонкой монетой. 11 августа Коммуна принимает следующее постановление: «Принимая во внимание, что часть бедствий Франции должна быть приписана декрету Учредительного собрания, превратившему серебряные монеты в предмет торговли, собрание постановляет просить у Национального собрания издания декрета, предписывающего наказывать торговцев серебром смертной казнью».

Секция Французского Пантеона постановила 22 сентября обратиться ко всем другим парижским секциям с предложением представить петицию в Конвент, чтобы просить его «уполномочить муниципальных служащих во всем государстве, в случае чрезмерных цен и явного и постоянного злоупотребления свободой и правом собственности в торговле зерном, мясом и вином, устанавливать во всех местах общественных рынков твердые цены на эти товары в размере, который должен определяться обстоятельствами, разумом и справедливостью».

Это решение послужило началом многочисленных выступлений парижских секций с требованием *максимума*, за которыми последовал известный демарш Коммуны в Конвенте 28 ноября 1792 г.

Но «люди 10 августа» не ограничивались только тем, что требовали смертной казни для «скупщиков» и таксации цен на продовольствие. Они поднимали также вопрос о более справедливом распределении богатств. Оратор предместья Сент-Антуан, рисовальщик по материи Гонсон говорил 18 августа у решетки Собрания: «Создайте такое правление, которое поставило бы народ выше его скромных ресурсов, а богатых — ниже их средств. Тогда будет достигнуто полное равновесие».

Член Клуба кордельеров, типографщик Моморо и его сотоварищ Дюфур, посланные в качестве комиссаров Временного исполнительного совета в департаменты Кальвадос и Эр, распространяли там составленную Моморо новую Декларацию прав, в которой имелись следующие пункты: «26. Нация признает только промышленную собственность, которой она гарантирует неприкосновенность; 27. Нация обеспечивает также гражданам гаранцию и неприкосновенность того, что неправильно называют земельной собственностью до того момента, пока на этот счет не будут изданы соответствующие законы».

Столь явная пропаганда идеи передела земли обеспокоила местных буржуа. В Бернэ парижским комиссарам угрожали «отрубить головы и отправить их к границам». Местный муниципалитет задержал 8 сентября обоих комиссаров и препроводил их в собрание избирателей, председатель которого Бюзо пригласил их «быть осмотрительнее и ограничиться прямой задачей своей миссии».

Попытку Моморо и Дюфура пропагандировать «аграрный закон» осудила также столичная буржуазная пресса. Жирондист Карра писал 19 сентября в газете «Патриотические анналы»: «Всякий, кто говорит об аграрном законе, о переделе земли, есть явный аристократ, враг общества, злодей, которого нужно уничтожить». Столь же гневно обличал проповедников «аграрного закона» и Анахарис Клоотс, который писал 22 сентября в газете «Парижская хроника»: «Только сумасбродам или предателям нравится вселять ужас в души собственников; хотят посеять раздор между французами, которые живут на доходы со своих земель, и французами, живущими на доходы от индустрии. Этот дезорганизаторский проект исходит из лавочки Кобленца».

Но именно те социальные идеи, которые представлялись «дезорганизаторскими» даже «оратору рода человеческого» (как называл себя Клоотс), отстаивали парижские санкюлоты и их вожаки. Сильвен Марешаль формально осуждал «аграрный закон», но... отстаивал необходимость уравнения имущества. «Мы уже говорили и мы снова повторяем, что аграрный закон неосуществим, что это безумное требование,— писал он в газете „Парижские революции“ 15—22 сентября.— Но необходимо (и без этого нет равенства, а без равенства нет свободы), чтобы было произведено известное смягчение имущественного неравенства... Нельзя допустить, чтобы гражданин имел больше определенного количества арпанов земли».

В этой же статье Марешаль заявлял: «Наши враги будут торжествовать победу, когда они узнают, что Париж сделался ареной восстания против собственности... Не пришло еще время сокрушить аристократию богатых, но настанет день, и он уже недалек, он наступит тотчас же после наших войн,— когда все состояния будут уравнены на основании закона».

Парижская санкюлотерия, совершившая «революцию 10 августа» и создавшая в лице Повстанческой коммуны свой зачаточный орган власти, воодушевлялась идеей равенства. Но под равенством она понимала не только формальное равенство перед законом, но и «фактическое равенство» (*l'égalité de fait*). Санкюлоты хотели не только уравнять граждан в правах, но и уравнять имущества граждан.

Яростно обличали социальные идеи Коммуны 10 августа жирондисты. В обращении-памфлете Бриссо «Ко всем республиканцам Франции» (октябрь 1792 г.) мы читаем: «Дезорганизаторами являются те, кто после уничтожения деспотизма низвергают или пытаются низвергнуть установленные народом власти, попирают ногами законы, облекают один муниципалитет всей национальной властью, возбуждают между ним и представителями наций недостойную борьбу... Дезорганизаторами являются те, кто... наводняют армии и департаменты эмиссарами, которым поручено проповедовать поджоги, грабеж, аграрный закон...

Дезорганизаторами являются те, кто хочет все уравнять, собственность, достаток, цены продуктов, различные услуги, оказываемые обществу и т. д.; кто хочет, чтобы рабочий в лагере получал столько же, сколько законодатель».

Однако агитация в пользу «аграрного закона» обеспокоила не только жирондистов, за которыми все больше закреплялась репутация защитников интересов богачей. Этую агитацию поспешили осудить также и монтаньяры, которые во многих других вопросах шли вместе с санкюлотами.

«Первый террор»

30 июля 1792 г. герцог Брауншвейгский покинул Кобленц и повел войска коалиции к французской границе. Ядро его войск составляла прусская армия, насчитывающая 42 тыс. человек. Эта армия двигалась к приграничным французским крепостям Лонгви и Вердену с тем, чтобы, взяв их, начать наступление прямо на Париж. На ее правом фланге находились войска австрийского генерала Клерфэ (15 тыс. австрийцев и около 5 тыс. французов-эмигрантов), наступавшие на Седан. На левом фланге союзной армии действовал корпус князя Гогенлоэ (14 тыс. австрийцев и около 6 тыс. гессенцев), наступавший на Мец и Тюнвиль. Кроме того, австрийцы имели еще 25 тыс. человек в Бельгии и 16 тыс. человек на Рейне. Это был как бы резерв той 80-тысячной армии, которую герцог Брауншвейгский повел во Францию.

Герцог Брауншвейгский был полководцем старой школы. Он уклонялся от крупных сражений, в которых можно было бы решить судьбу всей кампании, и предпочитал осаду крепостей и медленное продвижение по всему фронту.

Французские войска, стоявшие на границах (армии Люкнера, Лафайета и Бирона), не уступали войскам коалиции ни в численности, ни в вооружении, но были дезорганизованы отступлением из Бельгии и особенно бегством Лафайета. Новым командующим (Дюмурье, Келлерману) требовалось время, чтобы перегруппировать свои силы и навести в частях хотя бы элементарный порядок.

19 августа прусская армия вступила на французскую территорию и уже на другой день осадила крепость Лонгви. Эта крепость имела мощную артиллерию. Ее гарнизон насчитывал 2600 человек. Но как только пруссаки начали бомбардировку города, местный муниципалитет, «фейянский» по своему составу, предложил коменданту крепости Лаверну капитулировать. Тот с готовностью согласился. 23 августа крепость сдалась. 29 августа прусская армия подошла к Вердену, который защищал еще более сильный гарнизон. Пруссаки подвергли город бомбардировке, а затем предложили гарнизону сложить оружие.

жие, дав на размышление 24 часа. Патриотически настроенный комендант Вердена Борепер требовал отклонить прусский ультиматум, но большинство членов муниципалитета стояло за капитуляцию. Утром 2 сентября Борепер был найден мертвым в своей канцелярии (либо его убили, либо он сам покончил с собой), а город капитулировал. Однако гарнизон Вердена не сложил оружия и (по условиям капитуляции) ушел из города, крича пруссакам: «До свидания на полях Шалона!»

Сдача Лонгви и Вердена создала непосредственную опасность для Парижа. Жирондистские министры растерялись. Ролан предложил даже перенести местопребывание правительства и Собрания из Парижа в Тур или Блуа, туда же увезти короля и членов его семьи, и там же созвать Конвент, выборы в который уже начались. Но этим планам решительно воспротивился Дантон. «Ролан, берегись говорить о бегстве! Страшись, чтобы народ тебя не услышал!» — сказал он ему. Свой разговор с коллегами-министрами Дантон заключил такими словами: «Не забывайте, что сейчас Франция здесь, в Париже. Если вы оставите этот город врагу, вы погубите и себя, и родину. Париж надо удержать любыми средствами». Эта, столь ярко сформулированная Дантоном линия и взяла верх как в правительстве, так и в Собрании. Париж решили защищать во что бы то ни стало. Такую же позицию заняла и Коммуна Парижа, сделавшая очень много для организации отпора врагу.

26 августа в Собрании было объявлено о сдаче Лонгви. Немедленно декретируется смертная казнь для каждого, «кто, находясь в осажденном городе, заговорит о сдаче». Одновременно Собрание призвало Парижский департамент и соседние департаменты «немедленно выставить 30 тыс. человек, вооруженных и экипированных».

27 августа Коммуна Парижа постановила произвести обыски у «подозрительных граждан» и изъять имеющееся у них оружие. На другой день жирондистский журналист Жире-Дюпре заявил в газете «Французский патриот» протест против домашних обысков и резко напал на Коммуну как «узурпаторскую власть». Однако меры, намеченные Коммуной, энергично поддержал Дантон.

Выступая в этот же день, 28 августа, в Собрании, Дантон призвал к народной войне против интервентов. «Враг угрожает государству, но он взял лишь Лонгви,— говорил трибун.— Надо, чтобы Собрание показало себя достойным нации. Мощной конвульсией нам удалось сбросить деспотизм. И только великим напряжением всех сил нации мы отбросим деспотов. Досих пор велась лишь показная война в стиле Лафайета. Нужно вести более грозную войну. Пора сказать народу, что он должен всей своей массой броситься на врага». Дантон предложил, чтобы Собрание вменило в обязанность всем муниципалитетам страны собрать всех способных носить оружие граждан, снарядить

их и немедленно отправить к границам. Дантон потребовал также, чтобы муниципалитетам было разрешено задержать «подозрительных» и изъять у них оружие. Собрание сразу же декретировало все меры, предложенные Дантоном.

В Париже домашние обыски и аресты «подозрительных» были проведены в ночь с 29 на 30 августа. В операции было занято до 60 тыс. национальных гвардейцев и федератов. Оружия нашли немного — около 2 тыс. ружей. Арестовано было до 3 тыс. человек. Арестованных развели по секциям, допросили и на другой день почти всех отпустили. Не было обнаружено ничего, что свидетельствовало бы об опасности какого-либо контрреволюционного выступления в Париже.

Тем не менее атмосфера в столице продолжала накаляться. Утром 2 сентября разнесся слух, что пал Верден. Известие было преждевременным. Верден еще держался, но действительно в тот же день был сдан. Немедленно собирается Генеральный совет Коммуны под председательством Югенена. Единодушно принимается обращение к жителям столицы: «Граждане, не-приняты у ворот Парижа!... Сегодня же, сию минуту все друзья свободы должны стать под знамена. Соберемся на Марсовом поле, сформируем немедленно армию в 60 тыс. человек и тотчас же пойдем на врага, чтобы либо пасть под его ударами, либо уничтожить его».

Ровно в полдень был дан сигнал тревоги выстрелом из пушки на Новом мосту. Ударили в набат и пробили генеральный сбор. На улицы выссыпали тысячи людей, спешивших в свои секции. В Собрание явилась депутация Коммуны и доложила о принятых мерах. На трибуну бросается Дантон. Звучат обес-смертившие его слова: «Звон набата, который раздается, это не сигнал тревоги, а призыв к борьбе с врагами отечества. Чтобы их победить, господа, нужна смелость, еще раз смелость, всегда смелость, и Франция будет спасена!» (*Il nous faut de l'audace, encore de l'audace, toujours de l'audace, et la France est sauvée.*)

В секциях шла напряженная работа. Каждая из них спешила как можно скорее собрать своих волонтеров, вооружить и экипировать их. Ежедневно тысячи парижан отправлялись на фронт. Но одновременно начались разговоры о том, что если патриоты уйдут на фронт, то заключенные в тюрьмах «заговорщики» вырвутся на свободу и перебьют их жен и детей. Секция Пуассонье разослала 2 сентября всем остальным парижским секциям свое постановление, гласившее, «что граждане, уходящие на границы, не могут и не хотят оставить позади себя врагов, которые, храбрые лишь в вероломстве, не упустят случая, чтобы открыть тюрьмы и внести в весь Париж опустошение и смерть; что нет иного средства избежать этих опасностей и увеличить рвение граждан для отправки на границы, как немедленно осуществить скорое правосудие над всеми злоумышленниками и заговорщиками, заключенными в тюрьмах».

Это постановление секции Пуассонье отразило широко распространенные тогда настроения. Заседавшая в тот же день секция Кенз-Вэн потребовала «предать смерти заговорщиков перед уходом граждан в армию». На собрании секции Попенкур было предложено «прежде чем уйти, очистить Париж от изменников, которые заключены в Аббатстве». Волонтеры секции Люксембург заявили на заседании Коммуны о своем требовании, «чтобы перед их отправкой на границы пролилась кровь виновных заключенных в тюрьмах». А в секции Терм Юлиана один бывший портной предложил предать смерти не только заключенных в тюрьмах, «но и всех дворян и судебских крючков».

Еще 26 августа Собрание приняло закон о высылке непри信赖ных священников. Коммуна ревностно исполняла этот закон. Каждый день в Париже производились аресты священников, которых подвергали короткому допросу в ратуше, а затем отправляли либо в Аббатство, либо в Кармелитский монастырь, либо в Сен-Фирмен. 2 сентября, около половины третьего дня, к Аббатству направлялись пять или шесть карет с арестованными священниками, которых сопровождал эскор特 конных федератов. За священниками увязалась толпа, которая быстро росла. Раздавались возгласы: «Их нужно всех убить, это злодеи, аристократы!» Эскорт оттеснял толпу, но явно разделял ее чувства к священникам. Внезапно один из священников просунул руку в дверцу кареты и ударил палкой ближайшего к нему федерата. Тот, не долго думая, выхватил саблю и прикончил своего обидчика. После этого другие федераты также выхватили сабли и стали рубить священников. Когда печальный кортеж въехал во двор Аббатства, то в последней карете были лишь трупы.

Толпа ворвалась в Аббатство. Священников, которые пытались выпрыгивать из роковых карет, тут же приканчивали. Вслед за тем народ стал врываться в камеры, где сидели другие заключенные.

Ни Коммуна, ни Собрание, ни Временный исполнительный совет не решились пойти против течения. Когда около 4 ч дня Генеральному совету Коммуны сообщили, что народ перебил священников, которых везли в Аббатство, а теперь вторгается в тюрьмы, то совет постановил: «Направить комиссаров в различные тюрьмы, чтобы взять под защиту тех заключенных, которые сидят там за долги, за месяц, недоплаченный кормилице, а также по другим гражданским проступкам».

Но если Коммуна ограничилась лишь тем, что пыталась спасти хотя бы заключенных за долги, женщин и т. п., то министр юстиции Дантон предпочел вообще не вмешиваться. Около 11 ч вечера того же 2 сентября к Дантону подошел инспектор тюрем Гранпре, умоляя его принять какие-то меры, чтобы оградить заключенных. Но Дантон воскликнул: «Мне наплевать на заключенных! Пусть с ними будет все, что угодно!» Также посту-

пил и тогдашний мэр Парижа Петион. Когда к нему явилась группа тех, кто убивал заключенных в тюрьме Форс, и спросила его, что же делать с оставшимися там еще заключенными, Петион махнул рукой: «Поступайте как знаете!»

Робеспьер осуждал и убийства арестантов в тюрьмах, и бездействие властей. Его сестра Шарлотта рассказывает в своих мемуарах: «Спустя несколько дней после событий 2—3 сентября Петион пришел к моему брату. Максимилиан не одобрял бойни в тюрьмах... Я слышала, как мой брат упрекнул Петиона в том, что последний не употребил своей власти для предотвращения прискорбных эксцессов 2—3 сентября. Петион, казалось, был обижен этим упреком и сухо ответил: Я могу Вам сказать лишь то, что никакие человеческие силы не были в состоянии им помешать».

Такая позиция властей развязала руки народной стихии. Толпы народа, преимущественно ремесленники, мелкие лавочники, служащие, врывались в дни 2—5 сентября в тюрьмы Парижа и творили там скорый суд и расправу. По улицам ходили патрули Национальной гвардии, но они не вмешивались в происходящее. В Аббатстве заседал назначенный толпой «народный трибунал» под председательством Станислава Майяра, героя взятия Бастилии и дней 5—6 октября. Этот трибунал производил беглый опрос заключенных: одних отпускал, других отправлял на казнь, которая совершилась тут же, во дворе монастыря: осужденных приканчивали ударами пик, сабель, выстрелами из пистолетов и ружей. Такой же трибунал заседал в тюрьме Форс. В других тюрьмах обходились без трибунала. Толпа сама решала, кого казнить, кого миловать. Кое-где убивали всех заключенных подряд. В Кармелитском монастыре содержались неприсяжные священники. Ворвавшаяся толпа сначала предложила им принести гражданскую присягу, а когда заключенные отказались, то их вытащили в монастырский сад и перестреляли из ружей; последних, еще остававшихся в живых священников зарубили саблями, так как присутствовавшие здесь женщины заявили, что первый способ был «слишком шумным». В здании монастыря Бернардинов, превращенном (как и Аббатство) в тюрьму, перебили уголовников, ждавших отправки на галеры. В Бисетре перебили обитателей тюремного госпиталя для бедных, бродяг и лунатиков.

В тюрьме Форс находилась вместе с другими придворными дамами принцессы Ламбаль, подруга королевы. Других женщин комиссарам Коммуны удалось спасти, но принцессе Ламбаль отрубили голову, воткнули ее на пике и пытались подойти к замку Тампль, чтобы показать этот кровавый трофей ненавистной «австриячке».

Что же получилось в итоге? На 2 сентября в девяти парижских тюрьмах, подвергшихся нападению возбужденных толп народа, насчитывалось 2750—2800 заключенных. Но дворянे,

священники, солдаты-швейцарцы и вообще политические заключенные составляли совершенно незначительную их часть. Подавляющее большинство заключенных — воры, фальшивомонетчики, бродяги, проститутки. Они-то и стали главной жертвой народной ярости, вызванной нашествием пруссаков и сдачей Лонгви и Вердена. Перебили от 1100 до 1400 заключенных, остальных пощадили. Среди перебитых на долю «политических» пришлось от 353 до 392 человек, на долю «неполитических» — от 737 до 1003 человек, т. е. почти три четверти.

3 сентября, в разгар «избиений» (massacres), Наблюдательный комитет Парижской коммуны обратился ко всем другим коммунам Франции с адресом, в котором была сделана попытка оправдать то, что происходило тогда в столице. «Часть жестоких заговорщиков, заключенных в тюрьмах, предана смерти народом,— говорилось в адресе.— Этот акт правосудия казался народу необходимым, чтобы путем террора сдержать легионы изменников, укрывшихся в стенах города в момент, когда народ готовился двинуться на врага. Нет сомнения, что вся нация, после длинного ряда измен, которые привели ее на край пропасти, поспешит одобрить эту меру, столь необходимую для общественного спасения, и все французы воскликнут, как и парижане: „Мы идем на врага, но мы не оставим позади себя разбойников, которые перережут наших жен и детей!”»

Этот адрес представляет собой характерный документ эпохи. В нем ярко сказались настроения «сентябрьстов» (septembriseurs), которые были твердо убеждены в том, что, избивая заключенных в тюрьмах, они спасают отчество. Но эти настроения быстро рассеялись под тяжестью содеянного. Тем более, что Коммуна наконец-то заговорила так, как она должна была заговорить еще 2—3 сентября. В обращении Генерального совета Коммуны к гражданам Парижа от 19 сентября говорилось: «Отбросьте прочь, граждане, эти вероломные и кровожадные советы, пригодные лишь на то, чтобы запятнать ваши руки... Наоборот, поклянемся все и никогда не забудем эту священную клятву, поклянемся охранять свободу и равенство, безопасность личности и собственности, поклянемся защищать всеми нашими силами заключенных в тюрьмах или умереть на своем посту; поклянемся уважать и заставить уважать закон и его применение».

Марат был самым ревностным пропагандистом террора. С первых лет революции он призывал к народным расправам со всеми ее врагами. Призывал он к ним и после 10 августа. Но то, что разбушевавшаяся народная стихия совершила в сентябрьские дни, потрясло и его. Именно под влиянием этих событий Друг народа стал подчеркивать необходимость «организованного террора». «Кровавые сцены 14 июля, 6 октября, 10 августа, 2 сентября спасли Францию,— писал он.— О, почему они не были направляемы искусными руками? Опасаясь этих

страшных, стремительных движений толпы, глубоко огорченный при виде того, что топор поражает без различия всех виновных, смешивая мелких преступников с крупными злодеями, стараясь направить его только на головы главных контрреволюционеров, я стремился подчинить эти бурные и беспорядочные движения мудрости вождя, который сумел бы найти и предать казни главных заговорщиков, чтобы одним ударом отрезать нить всех козней... Только с этой целью я требовал, чтобы народ назначил диктатора, военного трибуна».

Чисто народное происхождение событий 2—5 сентября в Париже несомненно. Несомненно и то, что они представляли собой колоссальной силы стихийный взрыв, столь характерный для французской революции. Эти события, как ничто другое, вплотили в себе крайности мелкобуржуазной революционности, мелкобуржуазного бунтарства, наложивших столь сильный отпечаток на народное движение той эпохи.

События 2—5 сентября в Париже не были к тому же изолированным явлением. Они стали как бы кульминационным пунктом всей той волны стихийных народных расправ, которая прокатилась по стране в августе-сентябре 1792 г. («первый террор») и которая пошла на убыль лишь в октябре.

Историкам известны 65 случаев народных расправ в департаментах в период с июля по октябрь 1792 г.: в июле — 11, в августе — 23, в сентябре — 26, в октябре — 5. Общее количество жертв — 201. Разумеется, эта статистика не является полной.

3—4 сентября, при известии о падении Вердена, на улицах Реймса были убиты 9 «подозрительных» (два почтовых чиновника, один дворянин, шесть неприсяжных священников). Бурные сцены народного террора разыгрались 9 сентября в Версале, куда были доставлены 53 заключенных, подлежавших суду Национального Верховного трибунала в Орлеане. На обоз с заключенными напали местные жители и крестьяне из окрестных деревень, а также волонтеры и перебили почти всех: из 53 арестантов уцелели лишь трое.

Сентябрьские «избиения» в парижских тюрьмах широко использовались в дальнейшем различными политическими группировками во взаимной борьбе. Жирондисты пытались представить эти «избиения» делом не народа, а «наемных банд», действовавших по приказу «триумвирата» Робеспьер—Дантон—Марат, которому приписывалось намерение терроризировать и Париж, и всю страну, чтобы установить свою «диктатуру». Напротив, монтаньяры доказывали, что «избиения» арестантов в парижских тюрьмах организовали именно жирондисты, чтобы скомпрометировать этим актом Париж и поднять против него департаменты во имя осуществления проектов «федерализма».

Созыв Конвента и провозглашение республики

20 сентября 1792 г. состоялось последнее заседание Законодательного собрания, деятельность которого составила важный этап в развитии французской революции. В тот же день, после полудня, собрался и Национальный конвент (*Convention nationale*), чтобы избрать свой президиум и свои рабочие органы. Председателем Конвента на первые две недели (а именно на этот срок избирались его председатели, как и предшествующих Собраний) был избран бывший мэр Парижа, жирондист Петион.

В Конвент было избрано 749 депутатов от собственно Франции (от 83 департаментов) и 34 депутата от колоний (фактически места в Конвенте заняли лишь 18 депутатов от колоний). Кроме того, было избрано 298 заместителей депутатов, из числа которых замещались места, ставшие вакантными по причине смерти, отставки или ареста и казни депутатов. Характерно, что замещать пришлось почти 120 таких мест. Состав Конвента не был совершенно новым. Из числа его депутатов 89 человек являлись членами Учредительного собрания и 181 человек — членами Законодательного собрания. Почти все депутаты, избранные впервые, занимали до того различные посты в департаментской, окружной и муниципальной администрации.

Конвент избирался на основе всеобщего избирательного права (для мужчин), но это мало сказалось на его социальном составе, тем более, что была сохранена двухступенчатая система выборов. Людей из народа среди его депутатов было, правда, несколько больше, чем среди депутатов Законодательного собрания, но все же еще очень немного. Подавляющее большинство Конвента составляли представители буржуазии, помещиков и буржуазного чиновничества. 29 депутатов Конвента принадлежали к старому, родовому дворянству, в том числе принц крови, герцог Филипп Орлеанский, именовавший себя теперь Филиппом Эгалитэ, 8 маркизов, 2 графа, виконт, барон, 18 нетитулованных дворян. В Конвент были избраны также 62 священника, в том числе конституционных епископов — 16, епископальных викариев — 10, католических кюре и монахов — 26, протестантских пасторов — 10. Крупных землевладельцев-буржуа среди депутатов Конвента насчитывалось 26 человек, крупных торговцев и предпринимателей — 56 человек. Но самую многочисленную прослойку в Конвенте (как и в предшествующих Собраниях) составляли служащие, юристы и лица свободных профессий — свыше 500 человек, причем многие депутаты этой группы владели еще какой-либо земельной или иной собственностью.

Собственно народную прослойку среди депутатов Конвента составляли: крестьяне — 24 человека, мелкие торговцы и ремесленники — 18 человек, солдаты, сержанты, жандармы — 6 чело-

век, рабочие — 2 человека (рабочий-оружейник Ноэль Пуэнт из Сент-Этьенна и рабочий-ткач Жан Батист Армонвиль из Реймса).

Партийный состав Конвента отражал дальнейшие сдвиги в соотношении политических сил в стране. Его правое крыло составляли уже не либералы-монархисты, как это было в Законодательном собрании, а умеренные буржуазные республиканцы — жирондисты. Все группировки либералов-монархистов распались, утратили влияние в стране, и те их деятели, которые были избраны в Конвент, как, например, аббат Сийес, уже не рисковали больше отстаивать свои прежние политические взгляды. Жирондисты имели в Конвенте 165 депутатских мест. Наиболее видную роль среди них играли бывшие члены Учредительного (Петион, Бюзо, Ланжюине) и Законодательного (Бриссо, Верньо, Кондорсе, Гаде, Жансонне) собраний, а также некоторые новые депутаты (Барбару). Жирондисты были одними из зачинателей борьбы за республику, но они с самого начала хотели такой республики, в которой были бы обеспечены привилегии богатства и собственности. Накануне восстания 10 августа, напуганные размахом революционной борьбы широких народных масс, они пытались добиться компромисса с монархиями, но после 10 августа вновь стали афишировать свой республиканизм. На выборах в Конвент жирондисты потерпели тяжелое поражение в Париже, но имели крупный успех в департаментах юго-западной Франции. За них проголосовали те слои буржуазии, которые, с одной стороны, стремились закрепить республику и другие завоевания революции, а с другой стороны, избежать дальнейшего углубления ее социального содержания, не допустить никаких посягательств на собственность, на свободу торговли, на свободу прибыли. Если в прошлом жирондисты хотя и непоследовательно, но все же боролись против феодально-монархической реакции, то после 10 августа они круто повернули вправо и развернули яростную кампанию против парижских санкюлотов, против Парижской коммуны, против монтаньярского ядра Якобинского клуба, обвиняя их всех в агитации в пользу «аграрного закона», в стремлении «узурпировать» власть национального представительства, в организации «сентябрьских убийств» и т. п. Жирондисты были уверены, что после свержения монархии никакой опасности справа уже нет и что теперь остается побороть лишь единственного врага — врага слева. Этую новую генеральную установку своей партии и сформулировал Бриссо в обращении-памфлете «Ко всем республиканцам Франции» (октябрь 1792 г.), о котором мы уже упоминали. «Три революции,— читаем мы там,— были необходимы для спасения Франции: первая низвергла деспотизм, вторая уничтожила королевскую власть, третья должна убить анархию, и именно этой последней рево-

люции я, начиная с 11 августа, посвятил свое перо и все свои усилия».

Этот крутой поворот жирондистов вправо подорвал их положение в Якобинском клубе, в котором они ранее пользовались преобладающим влиянием. 19 сентября 1792 г. из Якобинского клуба был исключен Гаде, а 10 октября — Бриссо. Вскоре из клуба ушли и остальные жирондисты. Так произошел второй раскол Якобинского клуба. И только после этого преобладающее положение в клубе заняли сторонники Робеспьера, а под «якобинцами» современники стали понимать именно «монтаньяров».

На выборах в Конвент монтаньяры имели успех в Парижском районе и в департаментах северо-восточной Франции. Особенно велик был этот успех в самом Париже: из 24 депутатских мест от Парижа монтаньяры и близкие к ним получили 23 места. В Конвенте Гора составляла «левую». По своей численности она несколько уступала Жиронде: около 110 депутатов в начале деятельности Конвента и до 150—155 депутатов в дальнейшем. Среди монтаньяров были и бывшие члены Учредительного (Робеспьер, Барер, Вадье) и Законодательного (Кутон, Камбон, Карно) собраний, и новые люди, как уже успевшие приобрести большую известность вне Собраний (Дантон, Марат), так и почти еще неизвестные (Сен-Жюст). Не все депутаты Горы являлись членами Якобинского клуба, например Камбон, Карно, Робер Ленде, которые вначале склонялись к Жиронде, но затем примкнули к монтаньярам. К Жиронде вначале склонялся и Барер, но затем примкнул к монтаньярам, как и его бывший коллега по Учредительному собранию Грэгур (оба они были членами Якобинского клуба).

Громадное большинство депутатов Конвента (около 500 человек) не входило формально ни в какую группировку и составляло неустойчивую массу, колебавшуюся между Жирондой и Горой. Это был «центр» Конвента, который современники наградили насмешливыми прозвищами «равнина» (*la plaine*) и «болото» (*marais*). «Болото» не играло самостоятельной роли в политике, но оно выдвинуло из своей среды немало опытных и преданных революции людей, работавших в комитетах Конвента или в качестве «депутатов в миссии». В критические для революции дни эти люди нашли в себе мужество поддержать монтаньяров. Однако в «болоте» было еще больше бесприципных дельцов и политиков, которые использовали революцию лишь в целях наживы или карьеры. Именно из их среды вышли многие деятели термидорианской реакции, режима Директории и наполеоновского режима. В «болоте» просидел все три года существования Конвента и аббат Сийес, стремившийся оставаться незамеченным. Известен его ответ на вопрос о том, что он делал в эти грозные годы. «Я оставался жив» (*J'ai vécu*), — сказал Сийес.

В начальный период деятельности Конвента «равнина» решительно поддержала Жиронду, в которой видела партию «законности». Только поддержка «равнин» и обеспечила тогда Жиронде господствующее положение в Конвенте. Жиронда удержала в своих руках и правительенную власть. Ролан, Клавьер, Лебрен, Монж остались на своих постах во Временном исполнительном совете, в отставку ушли только Дантон и Серван, которых заменили соответственно Гара и Паш (этот последний, как и Гара, был тогда близок к жирондистам).

И Жиронда, и Гора представляли буржуазию: Жиронда — более умеренные, Гора — более радикальные группы буржуазии. Жиронда была оторвана от народа, Гора стояла ближе к нему, но и она не сливалась с народом.

Жирондисты объединили вокруг себя не всю крупную и среднюю буржуазию, а лишь ее определенную часть. Они выражали интересы тех слоев торгово-промышленной буржуазии, богатство которых возникло еще до революции и возросло в годы революции. Эти слои буржуазии упорно противились всяким ограничениям собственности и экономической свободы, за которые выступали санкюлоты, но компромисс с дворянством был для них отнюдь не исключен. Вокруг монтаньяров сплотились прежде всего верхние, зажиточные слои мелкой буржуазии, которым обстоятельства позволили расширить свои заведения, округлить свои состояния и которые фактически переходили в разряд средней буржуазии. Ярким воплощением этой «средней якобинской буржуазии» был Дюпле, квартирхозяин Робеспьера, владелец столярной мастерской и вместе с тем домовладелец, который только за сдачу квартир в своих домах получал от 10 до 12 тыс. ливров чистого дохода в год. Вокруг монтаньяров сплотилась также и весьма влиятельная часть крупной буржуазии, именно «новая буржуазия», т. е. те крупные торговцы, промышленники, финансисты, состояния которых возникли в основном в годы революции и благодаря революции, благодаря поставкам на армию, покупкам национальных имуществ и т. п. Этот слой буржуазии был кровно заинтересован в полной победе над аристократией, его интересы исключали компромисс с нею, а тем более возвращение к «старому порядку». Этот слой буржуазии, особенно «средняя якобинская буржуазия», политическим лидером которой был Робеспьер, отличался большей гибкостью, большей способностью пойти на известные уступки народу в социальной области, но, разумеется, лишь на такие уступки, которые не колебали бы принципа частной собственности. Крупную монтаньярскую буржуазию наиболее ярко олицетворял Жозеф Камбон, финансист Конвента, промышленник и землевладелец из Монпелье.

Гора представляла революционное крыло тогдашней французской буржуазии, способное осуществлять политику союза

с народом, а Жиронда — ее оппортунистическое крыло. Именно в этом видел существование различий между монтаньярами и жирондистами В. И. Ленин, который писал: «...представители передового класса XX века, пролетариата, т. е. социал-демократы, разделяются на такие же два крыла (оппортунистическое и революционное), на какие разделялись и представители передового класса XVIII века, буржуазии, т. е. жирондисты и якобинцы»¹.

Конвент открыл свои публичные заседания 21 сентября 1792 г. в том же самом зале старого манежа, где до него помещались два предшествовавших Собрания. Характерно, что на этом заседании прежде всего поспешили успокоить имущие классы, встревоженные агитацией в пользу «аграрного закона». И сделано это было по инициативе монтаньяров, которые не менее энергично, чем жирондисты, отстаивали неприкосновенность частной собственности и осуждали пропаганду «аграрного закона». На трибуну поднялся Дантон и заявил: «Многие, даже самые честные граждане выражали опасение, что пылкие друзья свободы способны нанести непоправимый вред общественному порядку, сделав преувеличенные выводы из своих принципов. Итак, решительно откажемся здесь от всяких крайностей, провозгласим, что всякого рода собственность — земельная, личная, промышленная — должна на вечные времена оставаться неприкосновенной». Дантон высмеял также «пустые призраки диктатуры, вздорные мысли о триумвирате, все эти нелепости, придуманные для того, чтобы запугать народ», и предложил заявить, что «не может существовать иной конституции, кроме той, которая будет принята большинством первичных собраний».

Конвент встретил предложения Дантона дружными аплодисментами и единодушно декретировал: «Не может существовать иной конституции, кроме той, которую примет народ. Неприкосновенность личности и собственности находится под охраной нации».

Комментируя несколько дней спустя речь Дантона и этот декрэт Конвента, Робеспьер подчеркивал, «что самые мужественные защитники свободы вовсе не безумцы и что они никогда не выступали с проповедью аграрного закона. Но хотя не было никакой необходимости в предложенном объявлении для защиты собственности, и без того находившейся под защитой закона, защитники свободы нашли целесообразным провести такое объявление, во-первых, для того чтобы сорвать клевету тех, кто не постыдился приписать им столь экстравагантные мысли, во-вторых, для того чтобы успокоить тех глупых собственников, которых эта клевета могла бы встревожить».

И лишь после того как был принят закон о неприкосновен-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 48.

ности собственности, Конвент перешел к рассмотрению того главного вопроса, ради которого он и собрался: к вопросу о судьбе монархии. На трибуну поднимается депутат Колло д'Эрбуа, монтаньяр, председатель избирательного собрания Парижского департамента, которое дало своим избранникам категорический приказ: упразднить монархию. Под столь же дружные аплодисменты он заявляет, что представители народа «не могут медлить ни одной минуты, не изменяя воле народа — свергнуть монархию». После Колло д'Эрбуа со страстной речью против королевской власти выступает бывший член Учредительного собрания, конституционный епископ Грегуар. «Короли,— говорит он,— в моральном отношении представляют собой то же самое, что уроды в физическом; двор — это мастерская преступлений, очаг разврата и логово тиранов; история королей — это мартиролог наций».

Собрание встает в стихийном порыве. Гремят аплодисменты. Принимается следующий декрет: «Национальный конвент единогласно постановляет, что королевская власть во Франции упраздняется».

Собрание решает также разослать этот декрет по департаментам, по армиям и немедленно огласить в Париже.

Вечером, при свете факелов, декрет читали на улицах и площадях Парижа и из рядов ликующего народа неслось возгласы: «Да здравствует республика!» В Конвент являлись депутаты от парижских секций, от волонтеров, и другие депутаты, единодушно заявлявшие о своей готовности защищать республику.

Министр внутренних дел Ролан направил 21 сентября циркуляр местным властям, в котором писал: «Вы провозгласите республику, господа, провозгласите же братство, ведь это одно и то же».

22 сентября Бийо-Варенн, монтаньяр, предложил, чтобы «начиная со вчерашнего дня датировать четвертый год Свободы первым годом Французской Республики». Это предложение несколько видоизменяется, и Конвент декретирует, что отныне «время будет датироваться первым годом Республики»¹.

На заседании Конвента 25 сентября жирондисты выступили с резкими нападками на Коммуну Парижа, обвиняя ее в стремлении «узурпировать» власть национального представительства. «Необходимо свести влияние Парижа до одной восемьдесят третьей доли, какую имеют все остальные департаменты,»— потребовал депутат от департамента Тарн Ласурс. Робеспьеру, Дантону и Марату, которые безапелляционно объявлялись «главарями» Коммуны, было брошено обвинение в стремлении

¹ В октябре 1793 г. Конвент ввел «революционный календарь», по которому христианское летоисчисление заменилось летоисчислением по годам Республики, причем началом новой эры было принято 22 сентября 1792 г.

«к диктатуре, к триумвирату, к трибунату». «Партия, намеревающаяся установить диктатуру,— это партия Робеспьера»,— заявил депутат от департамента Буш-дю-Рон Ребекки.

Марат всю «вину» за пропаганду идеи «диктатуры» принял на себя. «Мои коллеги, а именно Робеспьер, Дантон и все другие, всегда отвергали идею диктатуры,— сказал он.— Во Франции я первый, вернее единственный, политический писатель, пустивший в обращение эту идею как единственное средство уничтожить предателей и заговорщиков. Если это мнение заслуживает порицания, я один виновен».

Дантон и Робеспьер подтвердили, что они никогда не разделяли взглядов Марата относительно «диктатуры». А Дантон даже предложил принять декрет, «карающий смертной казнью каждого, кто высажется в пользу диктатуры или триумвиата». Но одновременно Дантон потребовал, чтобы смертная казнь была установлена и для тех, «кто имеет намерение расчленить Францию». Теперь уже жирондистам пришлось оправдываться от обвинений в «федерализме».

Долгие и бурные прения, которые шли в Конвенте 25 сентября по вопросу о «диктатуре» и «федерализме», закончились принятием знаменитого декрета, предложенного Кутоном: «Французская республика едина и неделима».

С принятием этого декрета процедура провозглашения республики была завершена. Однако споры о характере республики продолжались.

В первом номере «Писем к своим доверителям» (от 30 сентября) Робеспьер упрекнул жирондистов в том, что они «хотят построить республику только для себя, собираются править страной только в интересах богачей и общественных должностных лиц». Он противопоставил им «истинных патриотов», которые «будут стараться основать республику на принципах равенства и всеобщего блага».

Жирондисты отвечали новыми нападками на Робеспьера и Коммуну Парижа. Еще 24 сентября Бюзо намекнул на возможность разгона Конвента парижскими «заговорщиками» и предложил создать для его охраны так называемую «департаментскую стражу». 8 октября он внес в Конвент соответствующий законопроект: департаменты должны были прислать в Париж на каждого своего депутата по четыре пехотинца и по два кавалериста (в общей сложности до 4500 человек). Это предложение оскорбило Париж и вызвало бурное движение протеста. В конце концов оно не было принято. Все же в Париж стали прибывать федераты для охраны Конвента. Первоначально они были настроены резко враждебно по отношению к парижским «агитаторам». «Республика не имеет иных врагов, кроме агитаторов, жаждущих сделаться трибуналами и диктаторами»,— заявили в Конвенте марсельские федераты. Однако, оказавшись среди дружески встретивших их парижан, федераты

быстро изменили свои взгляды. Они даже создали свою организацию «Объединенные защитники 84-х департаментов», которая вместе с организациями парижских санкюотов стала требовать казни бывшего короля и обуздания «скупщиков».

Жирондисты не осмеливались открыто осуждать восстание 10 августа, разрушившее их попытки сговора с королем. Однако они старались всячески очернить тех, кто совершил это восстание, т. е. Парижскую коммуну и санкюотов, обвиняя их в «незаконных арестах», в нарушении «свободы слова» и т. п. 30 октября Барбару вновь потребовал немедленного распуска Повстанческой коммуны и наказания тех, кто принимал участие в сентябрьских «избиениях». «Ссылками на то, что вы сделали революцию 10 августа, вы хотите заставить нас позабыть и сентябрьские убийства, и проекты диктатуры... Я обличаю и буду обличать вас до тех пор, пока убийцы не будут наказаны», — воскликнул он.

Монтаньяры выражали свою полную солидарность с восстанием 10 августа, защищали меры, которые Коммуна предприняла тогда против монархистов, и решительно отводили от нее обвинение в организации «избиений» арестантов в парижских тюрьмах. Отвечая другому жирондисту, Луве, Робеспьер говорил 5 ноября в Конвенте: «Незаконные аресты! С уголовным кодексом в руках, что ли, нужно оценивать те спасительные меры предосторожности, которых требует общественная безопасность? Да, все эти вещи незаконны, они так же незаконны, как революция, как свержение трона и взятие Бастилии, как незаконна сама свобода. Нельзя желать революции без революции».

Но и монтаньяры были вполне согласны с жирондистами в том, что теперь, когда монархия свергнута, Повстанческая коммуна должна быть заменена «законно» избранными властями.

24 ноября Конвент предписал избрать новый Генеральный совет Парижской коммуны в составе 144 членов. Выборы сложились неудачно для санкюотов. Из 89 комиссаров, которые в ночь на 10 августа образовали Повстанческую коммуну, в новый Генеральный совет были избраны лишь 10 человек (а из всего состава Коммуны 10 августа лишь 45 человек). Но «люди 10 августа» не сложили оружия. Новая Коммуна постановила, что каждый избранный в ее состав гражданин должен принести присягу в том, «что он никогда не состоял ни в каком антигражданском обществе» и не подписывал петиций, «противоречивших правам народа». Это постановление было принято 2 декабря (т. е. в день, когда собралась новая Коммуна), а уже 5 декабря Конвент объявил «недействительным и посягающим на народный суверенитет всякое голосование, которое было или будет проведено административными, муниципальными или

судебными органами с целью удаления из своей среды одного или нескольких членов».

Но заступничество Конвента не помогло парижским «умеренным», как санкюлоты называли своих противников из состоятельных буржуазно-чиновничих кругов. Собираются уполномоченные секций и подвергают «чистке» вновь избранную Коммуну: 45 ее членов из 30 различных секций не были утверждены, и в этих секциях назначаются довыборы. Многие «умеренные» в знак протesta слагают свои полномочия. Уходит в отставку избранный парижским мэром врач Шамбон, принадлежавший к «умеренным». «Люди 10 августа» сохранили свое преобладающее положение в Коммуне. Шометт избирается прокурором Коммуны, Реаль и Эбер — его заместителями. На пост мэра Парижа 14 февраля 1793 г. был избран член Коммуны 10 августа, бывший служащий морского ведомства Паш, занимавший с октября 1792 г. пост военного министра. Сантер остался на посту командующего Национальной гвардией Парижа до мая 1793 г., когда он повел большой контингент парижан на подавление восстания в Вандее.

Именно Паш, избранный парижским мэром, провел в Генеральном совете Коммуны решение писать на фронтонах общественных зданий девиз «Свобода, Равенство, Братство» (*Liberté, Egalité, Fraternité*), который еще с 1791 г. пропагандировал типографщик Моморо.

Обновился и состав директории Парижского департамента, в которую вошли такие типичные «люди 10 августа», как только что упоминавшийся типографщик Моморо, сапожник Люлье и др. Во главе этой директории встал инженер и архитектор Дюфурни, видный деятель Клуба кордельеров Якобинского клуба, один из немногих представителей тогдашней коммунистической мысли.

Среди избранных в состав Коммуны 2 декабря от секции Гравилье был священник Жак Ру, член Клуба кордельеров, который резко нападал на «скупщиков» и требовал их казни. Аналогичную агитацию вел и Жан Варле, почтовый служащий из секции Прав человека, член Клуба кордельеров. Варле вышел в июле 1792 г. из Якобинского клуба, жалуясь на то, что ему не дают там говорить. Он соорудил себе легкую передвижную трибуну, с которой и выступал в саду Тюильри и в других общественных местах. Жак Ру, Варле и их сторонники получили от жирондистов насмешливо-презрительное прозвище «бешеных» (*enragés*), которое и закрепилось за ними.

В январе 1793 г. Шометт и Эбер вступили в Якобинский клуб, в котором уже состояли Моморо, Ронсен и многие другие кордельеры. Это еще более скрепило единство демократических сил Парижа в борьбе с Жирондой. Однако социально-экономические и политические взгляды кордельеров и якобинцев продолжали существенно отличаться друг от друга, что вызвало

в дальнейшем, уже после победы над Жирондой, полный разлад в отношениях между этими двумя клубами.

Коммуна Парижа и секции постоянно слали свои делегации в Конвент, подчас весьма многолюдные и даже вооруженные. Эти делегации предъявляли Конвенту народные требования, а затем рассаживались на трибунах для гостей или просто среди депутатов, освистывая тех ораторов, которые говорили против народа, и горячо поддерживая тех из них, кто защищал народные требования. Тщетно жирондисты и даже некоторые из монтаньяров протестовали против «насилий толпы» над депутатами, против попрания «свободы мнений». Коммуна, секции, народ продолжали властно вмешиваться в работу Конвента, сплошь и рядом навязывая колеблющемуся и сопротивляющемуся большинству Конвента те решения, которые были угодны народу.

Победа при Вальми. «Мир — хижинам, война — дворцам»

Созыв Конвента и провозглашение республики совпали с полным провалом австро-пруссского похода на Париж, предпринятого с целью восстановления абсолютистской монархии во Франции.

Капитуляция Лонгви и Вердена открыла войсками коалиции дорогу вглубь страны. 5 сентября прусская армия перешла Маас и направилась к Шалону (на Марне). На ее левом фланге действовал корпус Гогенлоэ (австрийцы и гессенцы), а на правом — корпус Клерфэ (австрийцы и эмигранты). На пути у интервентов лежала Аргоннская возвышенность, покрытая густыми лесами. Пруссаки шли к Аргоннам медленно, отягощенные своими обозами. Позади себя они оставляли многочисленные гарнизоны, так как только таким способом можно было держать французское население в повиновении. Численность и ударная мощь прусской армии, естественно, уменьшились. Армия Дюмурье, еще 1 сентября стоявшая у Седана, быстрыми переходами опередила пруссаков и заняла горные проходы, ведущие на равнины Шампани. Свои главные силы Дюмурье сосредоточил в Гранпре. Однако корпусу Клерфэ удалось форсировать северный проход в Аргоннах, и австрийцы стали заходить в тыл армии Дюмурье. Последний отступил к югу и расположился лагерем при Сен-Менегу. Сюда же 18—19 сентября подошли войска Бернонвиля (которые шли от бельгийской границы) и Келлермана (двигавшиеся от Меча). В результате этого у французов образовалось численное превосходство над пруссаками: у герцога Брауншвейгского — 34 тыс. человек, у французов — более 50 тыс. (у Дюмурье — 23 тыс., у Келлермана — 18 тыс., у Бернонвиля — 10 тыс.).

Герцог Брауншвейгский хотел и дальше маневрировать, чтобы как-то разъединить собравшиеся вместе три французские армии. Но находившийся при его штабе прусский король Фридрих-Вильгельм II сгорал от нетерпения дать генеральное сражение, которое привело бы его в Париж, и приказал атаковать французов. Главным объектом прусского нападения, начавшегося около полудня 20 сентября, явилась армия Келлермана, занявшая выгодные в тактическом отношении позиции на линии высот восточнее небольшого поселка Вальми. Прussаки открыли сильный артиллерийский огонь, рассчитывая, что «якобинский сброд» сразу же побежит. Но войска Келлермана не побежали, а ответили не менее сильной канонадой, от которой пруссаки несли большие потери. Моральный дух французских солдат был очень высок. Келлерман, надев на острие шпаги свою шляпу и размахивая ею, объехал строй войск, воскликая: «Да здравствует нация!» И батальон за батальоном отвечали ему этим же боевым кличем, который донесся и до прусских траншей. Герцог Брауншвейгский пытался двинуть свою пехоту на высоты Вальми, чтобы занять их. Келлерман отдал приказ своим солдатам не сходить с выгодных позиций, а ждать приближения неприятеля и принять его в штыки. Однако до штыкового боя дело не дошло. Под яростным огнем с французской стороны колонны пруссаков значительно поредели. Видя это, герцог Брауншвейгский остановил свою пехоту. «Здесь мы не будем сражаться», — сказал он. Не пошли в атаку и французские войска, у которых также были большие потери. Но артиллерийская канонада продолжалась до самого вечера, когда внезапно хлынувший ливень прервал сражение.

На другой день пруссаки уже не решились возобновить бой, а еще через два дня адъютант прусского короля генерал Манштейн прибыл в ставку Дюмурье и предложил начать мирные переговоры. Однако Временный исполнительный совет, которому Дюмурье переслал предложения Манштейна, приказал ему ответить прусскому королю, «что Французская республика не станет выслушивать никаких предложений, прежде чем прусские войска не очистят полностью французскую территорию».

Десять дней простояли у Вальми французские и прусские войска, не тревожа больше друг друга. Но к французам шли все новые и новые подкрепления, подвозили продовольствие и боеприпасы. А положение прусской армии становилось все более затруднительным. Она испытывала недостаток и в продовольствии, и в фураже. Вдобавок еще в ее рядах вспыхнула эпидемия дизентерии, которая вывела из строя массу солдат и офицеров. Вечером 30 сентября прусская армия оставила свои позиции у Вальми и начала отход к границам. Армия Келлермана шла за пруссаками по пятам, но не особенно беспокоила их. Через две-три недели войска коалиции ушли с территории Франции, сдав без боя и Верден, и Лонгви.

Вслед им неслась насмешливая песенка, сочиненная каким-то «песенником с Нового моста»:

Что мечтал король уланский,
По указке эмигрантской,
В промежутке двух недель,
Без труда приблизить цель,
Францию овладев...
Что ведомое Брунсвиком
Посланном Фредериком,
Войско гордое рвалось
В дверь, открытую нас kvозь,
И бжит, пильюлью съев,—
Это очень нас забавит
И ни капельки не давит:
Им историей дано
Быть ничем давно.

В знаменательный день 20 сентября 1792 г. на поле сражения при Вальми находился великий немецкий поэт Гёте, сопровождавший в этой кампании герцога Веймарского. Вечером на бивуаке он сказал окружающим: «С этого места и с этого дня начинается новая эпоха во всемирной истории» (Von hier und heute geht eine neue Epoche der Weltgeschichte aus).

Эти слова оказались пророческими. Битва при Вальми (точнее — канонада при Вальми, в которой с обеих сторон было выпущено 20 тыс. ядер) явилась крупной морально-политической победой рождающейся французской революционной армии. Эта победа устранила всякую опасность для Парижа и повлекла за собой коренной перелом в ходе всей кампании. Победа при Вальми укрепила только что провозглашенную республику и открыла полосу блестящих успехов французского оружия.

Уже 24 сентября вновь созданная Богезская армия под командованием генерала Кюстина перешла границу и вступила на «поповскую улицу» на Рейне, т. е. в духовные княжества курфюрстов. Один за другим пали Шпайер (29 сентября), Вормс (5 октября), Майнц (21 октября), Франкфурт н/М (23 октября). А затем армия Дюмурье вторглась в Бельгию и наголову разгромила австрийцев в битве при Жемаппе (6 ноября). По всей стране вспыхнули восстания. Французы и бельгийцы братались под звуки «Марсельезы» и «Карманьолы». 14 ноября австрийцы оставили Брюссель, 30 ноября — Антверпен. Господство Габсбургов в Бельгии вновь рухнуло.

Не менее примечательные победы были одержаны и на южном театре. 21 сентября армия генерала Монтескью вступила в Савою и в несколько дней овладела этой областью, принадлежавшей тестю графа д'Артуа, сардинскому королю Виктору-Амедею III. 28 сентября французская эскадра генерала Ансельма овладела и другой областью Сардинского королевства — графством Ницца.

Население Савойи и Ниццы встретило французские войска как своих освободителей. Повсюду создавались муниципалитеты по французскому образцу. Формировалась Национальная гвардия. 658 савойских общин избрали каждая по одному депутату, которые собирались 22 октября в Шамбери и образовали Национальное собрание аллоброгов (по имени кельтского племени, жившего в этих местах в начале нашей эры и стойко защищавшегося от римлян). Это Собрание громадным большинством голосов (583 общин) приняло решение о присоединении свободной Савойи к свободной Франции. Одновременно были приняты декреты об уничтожении феодальных повинностей и церковной десятины, а также о конфискации церковных земель и земель дворян-эмигрантов. Аналогичные решения были приняты и в Ницце.

Не менее восторженно были встречены французские войска и на Рейне. Правда, духовная и светская знать бежала. Зато простой народ и радикальная интеллигенция ликовали. В пограничных с Эльзасом округах прокатилась волна восстаний. В округе Бергцаберн (Цвайбрюккен) жители образовали муниципалитет по образцу французского и обратились в Конвент с просьбой о присоединении к Франции. Этого же потребовали и многие деревни в Саарбрюккене. А жители местечка Бурбах высказались за создание на Рейне особой республики. Повсюду звучала «Марсельеза». Сажались «деревья свободы». Центром революционного движения на Рейне стал Майнц, где уже 23 октября группа демократически настроенных интеллигентов с Андреасом Гофманом и Георгом Форстером во главе образовала «Общество друзей свободы и равенства», установившее связи с Якобинским клубом в Париже. Это общество развернуло агитацию за разрыв всяких связей Рейнских земель с Германской империей, за лишение местных владетельных князей всех прав и привилегий и за присоединение всей области от Ландау до Бингена к Франции.

Агитация за присоединение к Франции велась и в Бельгии, хотя обе ее ведущие политические партии — и фонкисты, и штатисты, — высказывались за независимость своей страны.

На первых порах Конвент стоял на позиции невмешательства во внутренние дела тех народов, на территорию которых вступают французские войска. Не было также и речи о расширении французских границ. Когда 28 сентября в Конвенте было зачитано письмо генерала Монтескью о желании савояров образовать 84-й департамент Франции, Камиль Демулен воскликнул: «Остережемся подражать королям, привязывая Савойю к республике». Дюмурье тотчас же после своего вступления в Бельгию заверил бельгийских патриотов, что Франция будет уважать независимость их родины.

Кюстин на Рейне накладывал контрибуции на города, церкви и монастыри, но отказывался отменять феодальные привиле-

гии и смещать старые власти. Это вызвало протесты со стороны радикальных рейнских клубистов, которых бургеры не очень охотно допускали к власти. Майнцские якобинцы, руководимые Гофманом и Форстером, обратились в конце концов к Юстину с запросом, собирается ли Французская республика защищать освобожденные ею народы от попыток тиранов к восстановлению своей власти? Аналогичный запрос был направлен ими и в Конвент. 19 ноября, после бурных прений, Конвент принял следующий декрет, предложенный Грегуаром: «Национальный конвент объявляет от имени французской нации, что он обещает братскую помощь всем народам, которые захотят вернуть себе свободу, и поручает исполнительной власти отдать генералам необходимые приказания, чтобы оказать помощь этим народам и защитить тех граждан, которые терпят или могут потерпеть притеснения за дело свободы».

15 декабря, по докладу Камбона, выдвинувшего знаменитый лозунг «Мир — хижинам, война — дворцам», Конвент принял декрет, обязывавший французских генералов на оккупированных территориях немедленно отменять феодальные права и привилегии, крепостное право, десятины, накладывать секвестр на имущество князей и их агентов, а также церкви, отстранять старые власти, провозглашать суверенитет народа и созывать граждан в первичные собрания для избрания временной администрации. Но этим же декретом на население оккупированных территорий возлагалась обязанность предоставлять французским армиям одежду, продовольствие и денежные средства для оплаты военных расходов.

Эти декреты носили двойственный характер. С одной стороны, они дали толчок к более решительной ломке феодальных порядков за пределами Франции. С другой стороны, они проложили путь к финансовой эксплуатации Францией занятых ею территорий и к их аннексии.

27 ноября, по докладу Грегуара, Конвент всеми голосами против одного принял декрет о присоединении к Франции Савойи. Аналогичный декрет в отношении Ниццы был принят 31 января 1793 г.

В Бельгию Конвент направил 30 своих комиссаров (в том числе Дантоне) для проведения в жизнь декретов от 19 ноября и 15 декабря. Эти комиссары собрали с церкви и светской знати 611 млн ливров, но привлечь на сторону Франции широкие круги населения они не смогли. К тому же некоторые из них (молва указывала и на Дантоне) запятали себя злоупотреблениями в целях личной наживы.

16 ноября Временный исполнительный совет объявил открытыми для торговых судов устья Шельды, нарушив тем самым Мюнстерский договор 1648 г. Этот актставил Бельгию в положение фактически присоединенной к Франции страны и вызвал сильное недовольство в Англии.

Выступая 31 января 1793 г. в Конвенте, Дантон потребовал аннексии Бельгии, сославшись в обоснование этого на теорию «естественных границ», которая приобрела тогда большую популярность. «Я утверждаю,— говорил он,— что напрасно высказываются опасения по поводу чрезмерного расширения границ республики. Ее границы определены самой природой. Мы ограничены ею со всех четырех сторон— со стороны Рейна, со стороны океана, со стороны Альп и Пиренеев. Границы нашей республики должны закончиться у этих пределов, и никакая сила на земле не помешает нам достигнуть их». Этими словами Дантон уже наметил путь, который выходил далеко за рамки оборонительной войны.

Конвент в принципе одобрил предложение Дантона, но решил выслушать мнение самих бельгийцев по этому поводу. В Бельгии было назначено голосование по вопросу о присоединении к Франции. Оно началось 10 февраля и проходило под сильным нажимом со стороны французских военных властей. Брюссель и другие крупные города высказались за присоединение. Однако начавшееся вскоре австрийское вторжение прервало это голосование.

24 февраля 1793 г. в Рейнской области состоялись выборы в местные муниципалитеты и в Рейнско-немецкий Национальный конвент, собравшийся 17 марта в Майнце. Его президентом был избран Гофман, а Форстер — вице-президентом. На другой день, 18 марта, этот Конвент объявил об образовании Майнцской республики и ее отделении от Германской империи. Это была первая демократическая республика на немецкой земле. 21 марта Конвент проголосовал за ее присоединение к Франции. Во французскую столицу отправилась депутация во главе с Форстером. 30 марта Национальный конвент в Париже единогласно декретировал присоединение к Франции земель по левому берегу Рейна, от Ландау до Бингена.

Таков был совершенно неожиданный для государей Австрии и Пруссии результат их опрометчивого вторжения во Францию, предпринятого в августе прошлого года. Французская республика не только отбила нападение коалиции монархов на свои границы, но и аннексировала Савойю и Ниццу, левый берег Рейна, Бельгию, нарушив тем самым веками складывавшееся «европейское равновесие». Разумеется, ни Вена, ни Берлин, ни Турин не хотели примириться ни с провалом своих планов в отношении восстановления абсолютистской монархии во Франции, ни с французскими завоеваниями. Пруссия уже в декабре 1792 г. фактически возобновила военные действия, неожиданно напав на Франкфурт и захватив его. С расширением территории Франции не хотела примириться и Англия, которая ранее сохраняла нейтралитет, а после установления французского господства в Бельгии все теснее сближалась с немецкими державами. Последним звеном в цепи причин, вызвавших

к жизни новую большую коалицию против Франции, послужила казнь Людовика XVI, до крайности возмущившая всю монархическую Европу.

Жиронда и социальные проблемы

Война ухудшила экономическое положение Франции. Ее традиционные международные торговые связи были нарушены. Экспорт предметов роскоши и колониальных товаров в страны европейского континента практически прекратился. Это особенно тяжело сказалось на положении таких отраслей промышленности, как лионское шелковое производство или парижское производство предметов роскоши, которые остались и без сырья, и без заказов. Десятки тысяч рабочих и ремесленников, занятых в этих и в других отраслях производства, лишились средств к существованию. Война еще больше подорвала французские финансы. Содержание армии в 400 тыс. человек (а такой она была на декабрь 1792 г.) стоило больших средств. Казначейство выпускало в обращение все новые и новые сотни миллионов ливров ассигнациями. На начало октября 1792 г. в обращении находилось ассигнаций на 2 млрд ливров. Затем последовали новые эмиссии: в октябре — на 400 млн ливров, в декабре — на 600 млн ливров. Но чем больше выпускалось ассигнаций, тем больше падал их курс: в августе 1792 г. он составлял лишь 60% от их номинальной стоимости, а в феврале 1793 г. — только 50%. Политика инфляции, которую энергично и целенаправленно проводил Камбон (т. е. не только жирондисты, но и правое крыло Горы), обогащала крупных капиталистов, но ставила в отчаянное положение весь «мелкий люд»: и мелких крестьян, и ремесленников, и особенно рабочих. Против этой политики уже в конце ноября 1792 г. протестовал Сен-Жюст, но тщетно. Бурно росли цены на предметы массового потребления, особенно на хлеб.

Урожай 1792 г. был в целом хорошим, хотя в одних областях хлеба уродились лучше, в других хуже. Но крупные фермеры и богатые крестьяне, в руках которых оказалась основная масса товарного хлеба, не везли зерно на рынки, где они могли получить лишь быстро обесценивающиеся бумажки. Торговля хлебом пришла в расстройство. Рынки опустели. Цены на зерно росли и были неодинаковы в разных департаментах: например, в октябре 1792 г. цена сетье зерна составляла в департаменте Об — 25 ливров, в департаменте Верхняя Марна — 34 ливра, в департаменте Шер и Луар — 47 ливров. Цена печного хлеба поднялась во многих местах до 8 су за фунт.

Вновь начались продовольственные «беспорядки». На берегах рек и каналов, а также на дорогах опять появились вооруженные «сборища», которые задерживали барки или обозы

с зерном и распределяли его по «справедливой цене». Опять началась «народная таксация» в лавках и на рынках. Особенно бурным выдался сентябрь. В Лионе жены ткачей толпами врывались в лавки и брали продукты по ценам, которые сами и устанавливали. Они даже составили таблицу цен и расклеили ее по улицам. В Орлеане народ громил дома богачей. В департаменте Эр жители прибрежных коммун пытались сорвать хлебные перевозки по Сене и захватить зерно, следовавшее в Париж. На подавление всех этих «бунтов» направлялись Национальная гвардия и войска. Опять были убитые, раненые, арестованные. Некоторых «зачинщиков» даже гильотинировали. Однако кое-где власти шли и на уступки народу. В Туре, например, местный муниципалитет под нажимом рабочих установил твердую цену на хлеб в размере 2 су за фунт. В октябре и ноябре народные «сборища» таксировали цены на рынках Этампа, Версаля Рамбуйе и в других местах. В ноябре в области Бос и смежных с нею департаментах вспыхнуло одно из наиболее крупных продовольственных восстаний тех лет, которое продолжалось еще и в декабре. Вооруженные отряды «таксаторов», численностью в несколько сот, а иногда и в несколько тысяч человек, являлись на местные рынки и устанавливали твердые цены на зерно и другие продукты. Они носили на шляпах веточки дуба и восклицали: «Да здравствует нация! Зерно должно подешеветь!» 29 ноября на оптовом рынке в Курвиле (департамент Эр и Луар) б тыс. «бунтовщиков» окружили трех прибывших сюда депутатов Конвента и заставили их подписать таксу на хлеб, ячмень, свечи, мясо, полотно, обувь, железо.

Многие коммуны, собрания избирателей и т. п. направляли в Конвент петиции с требованием установить твердые цены на хлеб и тем положить конец росту спекуляции и дороговизны. Самой известной из них была петиция от избирательного собрания департамента Сены и Уазы, которую огласил в Конвенте 19 ноября генеральный прокурор-синдик этого департамента Гужон. «Свобода хлебной торговли несовместима с существованием нашей республики,— говорилось в петиции.— Из кого состоит наша республика? — Из небольшого числа капиталистов и огромного количества бедняков. Кто ведет торговлю хлебом? — Небольшое число капиталистов. Для чего они ее ведут? — Для того чтобы обогатиться. Как они могут обогатиться? — Повышенная цена на хлеб при перепродаже его потребителю... Нужно правильное соотношение между ценой хлеба и рабочего дня. Закон должен поддерживать это соответствие, препятствием которому является неограниченная свобода торговли».

Нажим народа на Конвент был так велик, что он вынужден был поставить продовольственный вопрос в свой порядок дня. 3 и 16 ноября объединенные комитеты земледелия и торговли

предложили принять закон, предоставлявший местным властям право учитывать запасы зерна у земледельцев и обязывать их доставлять зерно на рынки «в количестве, какое будет признано нужным, но ни в коем случае и ни под каким предлогом не таксируя цен». Однако и этот законопроект, не шедший дальше того, что предпринималось для регулирования хлебной торговли при «старом порядке», оказался неприемлемым для министра внутренних дел Ролана, отстаивавшего полную и неограниченную свободу торговли. «Единственное, что пожалуй, может себе позволить Собрание в отношении продовольствия,— писал он в Конвент 18 ноября,— это провозгласить, что оно не должно ничего делать, что оно уничтожает все ограничения и объявляет полную свободу обращения продуктов, что оно самым решительным образом выступит против всякого, что посягнет на эту свободу».

Тем временем в борьбу за установление твердых цен на хлеб и другие продукты включились и парижские санкюлоты. 24 ноября в Генеральный совет Парижской коммуны явились комиссары большинства секций, чтобы потребовать от него «восстановления таксы на дрова и продукты первой необходимости». Совет проверил полномочия комиссаров и, удостоверившись в их правильности, постановил «присоединиться к секциям и представить Национальному конвенту петицию с просьбой издать декрет, разрешающий муниципалитетам республики устанавливать цены на съестные припасы и топливо».

28 ноября в Конвент явились комиссары парижских секций и Генеральный совет Коммуны в полном составе и огласили адрес, автором которого был Эбер. «Коалиция богачей-капиталистов хочет захватить все земельные и промышленные ресурсы,— говорилось в адресе.— Новая аристократия хочет подняться на обломках старой посредством рокового роста богатств. Торговые дома, банки, благотворительные общества, мнимо патриотические кассы образовали лигу во главе с тираном Тюильри, чтобы морить народ голодом и посредством нищеты возвратить его к деспотизму... Во имя общественного спасения мы пришли просить вас вернуть установленным властям право таксировать предметы первой необходимости».

Но и этот адрес, в котором столь же ярко, как и в петиции избирательного собрания департамента Сены и Уазы от 19 ноября, нашла свое выражение ненависть беднейших слоев народа к «новой аристократии», к «богачам», не получил ни малейшей поддержки в Конвенте. Не только жирондисты, но и монтаньяры и слышать не хотели ни о какой таксации.

29 ноября с большой речью о продовольственном вопросе выступил Сен-Жюст. В заслугу этому юноше можно поставить уже то, что он ясно сознавал, какое большое значение для дальнейших судеб революции имели социальные проблемы. «Если вы хотите основать республику,— говорил он,— то вы должны вы-

тащить народ из состояния необеспеченности и нищеты, которое его разлагает... Нищета породила революцию. Нищета может ее и погубить».

Вместе с тем Сен-Жюст высмеял представление о том, что продовольственный кризис можно урегулировать путем издания закона о твердых ценах. «Мне не нравятся насилистенные законы о торговле,— заявил он.— Требуют закона о продовольствии, но позитивный закон об этом никогда не будет разумным».

Сен-Жюст позволил себе осудить не только таксацию, но и вообще тенденцию к уравнительности, нападки на крупную собственность, на богачей, на их роскошь, заявив, что, с тех пор как исчезла аристократия, роскошь богачей является единственным фактором, который может стимулировать производство и торговлю. «Вот до чего мы дошли. Роскоши больше нет,— возмущался он.— Не осталось больше ни металла [звонкой монеты], ни роскоши, стимулирующей производство... Если так будет продолжаться, деньги потеряют всякую ценность, обмен придет в расстройство, производство прекратится, ресурсы иссякнут, и нам останется лишь разделить землю и гладить ее».

Сен-Жюст настаивал на том, что единственный путь к оздоровлению хлебной торговли — это прекращение инфляции, повышение ценности денежных знаков и создание таким способом стимулов к тому, чтобы земледельцы с прибылью для себя везли хлеб в города. «Пусть законодатель устроит так, чтобы земледелец расходовал свои деньги или чтобы он не чувствовал отвращения к накоплению бумажек, чтобы все произведения земли поступали в торговлю и уравновешивали бы денежные знаки»,— говорил он. С этой целью Сен-Жюст предложил декретировать следующие мероприятия: «1. Имущества эмигрантов будут проданы... 2. Земельный налог будет уплачиваться натурой и ссыпаться в общественные амбары; 3. Будет издана инструкция о свободном обращении зерна».

Робеспьер не был столь откровенно буржуазен, как молодой Сен-Жюст. Робеспьер даже критиковал жирондистов, которые, ссылаясь на право собственности, противились всяkim мерам по регулированию хлебной торговли. Выступая 2 декабря в Конвенте, он говорил: «Авторы теорий рассматривают самые необходимые для жизни продукты питания как обычный товар, они не делают никакого различия между торговлей хлебом и торговлей индиго... Они очень высоко ценят прибыли торговцев и собственников и почти ни во что не ставят жизнь людей... Первейшее право — это право на существование. Первейший социальный закон, следовательно,— это тот, который гарантирует всем членам общества средства к существованию; все прочие законы подчиняются этому».

Робеспьер осудил «грабеж монополистов», которые припрятывают продукты питания «в своих набитых до отказа амбарах» и вздувают цены на них. Но требований об установлении твер-

дых цен на продовольствие не поддержал и Робеспьер. «Свобода обращения товаров по всей республике может быть обеспечена», — сказал он. Считая, что торговцев нельзя лишать «какой-либо честной прибыли, какой-либо законной собственности», Робеспьер рискнул предложить лишь одну меру по пресечению спекуляции: «Нужно заставить каждого торговца зерном продавать его на рынке и запретить всякую перевозку закупленного зерна ночью».

8 декабря 1792 г. Конвент единогласно принял закон, которым отменялись все меры по регламентации хлебной торговли, декретированные в сентябре, и восстановлялась ее полная свобода. Ст. 4 этого декрета гласила: «По всей территории республики должна соблюдаться самая полная свобода торговли зерном, мукой и сухими овощами». Сохранялся лишь запрет на вывоз зерна и муки за пределы республики. Лиц, которые будут пытаться вывести зерно или муку за границу или препятствовать свободному обращению продовольствия внутри страны и организовывать для этого «сборища», предписывалось наказывать смертной казнью.

Поскольку Конвент отказался установить твердые цены на продовольствие, Коммуна Парижа стала принимать свои меры к тому, чтобы облегчить положение беднейших слоев населения. Она стала отпускать муку парижским булочникам по цене ниже той, по какой она ее сама закупала в департаментах. Благодаря этому цена на хлеб в Париже сохранялась по 3 су за фунт, ниже, чем в окрестностях столицы, откуда стали приезжать в Париж за хлебом. Но это стоило Коммуне больших средств: ее ежедневный убыток от такой торговли составлял 12 тыс. ливров, который она покрывала из своего резервного фонда. Когда же этот фонд истощился, то Коммуна прибегла к мере, которая вызвала сильное недовольство среди богатых парижских буржуа. 4 февраля 1793 г. Генеральный совет Коммуны постановил ввести чрезвычайный налог на богатых в размере 4 млн ливров для поддержания прежней цены на хлеб. Конвент вынужден был санкционировать это решение.

Экономическая политика Коммуны Парижа приводила в ужас жирондистского министра внутренних дел Ролана. «Коммуна Парижа разорит народ и вызовет голод», — писал он в Конвент 23 ноября. «Фермеры, земледельцы не осмеливаются больше показаться на рынке, вывести или продать мешок муки: каждый боится быть зарезанным под предлогом обвинения в скопке», — жаловался он в другом письме. «Наконец, я осмеливаюсь утверждать, — продолжал этот защитник интересов богачей, — что самый дух Коммуны Парижа погубит в конце концов столицу и даже Конвент, если только не положить конец этим волнениям секций, этой непрерывности их заседаний, сеющей лишь смуту и дезорганизацию, и существованию этой Коммуны, очага всех интриг».

Господствовавшая в Конвенте Жиронда проявляла полное безразличие к нуждам беднейших слоев народа, заботясь лишь об охране привилегий имущих классов. Но и монтаньярам предстояло еще пройти большой и сложный путь, чтобы хоть в какой-то степени приблизиться к той позиции, на которой стояли Коммуна Парижа и санкюлоты.

Народное движение, развертывавшееся в стране в начальный период деятельности Конвента, не исчерпывалось продовольственными волнениями. Продолжались еще и нападения на замки, и изъятия «титулов». Продолжались и конфликты крестьян с бывшими сеньерами: эти последние все еще пытались взыскивать с крестьян ценз или шампары, а крестьяне отказывались что-либо платить, пока не будут предъявлены «первоначальные титулы». Однако все эти формы борьбы шли уже по затухающей кривой. На первый план выдвигалась другая сторона аграрно-крестьянской проблемы: вопрос о наделении землей безземельных или малоземельных. Основным содержанием крестьянских петиций в Конвент становятся требования вернуть коммунам захваченные в прошлом сеньерами общинные земли, дробить земли из фонда национальных имуществ и продавать их мелкими участками или сдавать их в аренду за небольшую ренту, а также запретить крупные фермы.

Все чаще вспыхивали также стачки рабочих в тех отраслях, которые работали на армию или на обслуживание нужд населения и где, следовательно, был большой спрос на рабочие руки. Некоторым категориям промышленных, как и сельскохозяйственных рабочих, удавалось добиться известного повышения заработной платы.

Монтаньяры проявляли тогда мало интереса к аграрному вопросу. Жирондисты, стоявшие у власти, не могли полностью игнорировать крестьянские требования. Кроме того, они рассчитывали найти опору в собственнических слоях крестьянства против парижских санкюлотов. Этим объясняется, что жирондисты проявили известную инициативу в аграрном вопросе. Однако все предложенное ими не вышло за рамки проектов, осуществлены были лишь некоторые частичные мероприятия.

В отчете по своему министерству от 9 января 1793 г. Ролан предложил продавать земли эмигрантов и духовенства мелкими парцеллами, не свыше 6 арпанов каждая, чтобы таким путем «уничтожить возмутительное неравенство состояний».

В начале 1793 г. в Версальском округе крестьяне стали захватывать земли бывшего королевского домена. Чтобы предотвратить дальнейшие «эксцессы», министр финансов Клавьер предложил поделить эти земли и сдать их в аренду. Это предложение получило 28 февраля силу закона. Невозделанные земли цивильного листа и, в частности, Версальский парк должны были сдаваться в годичную аренду участками от 2 до 4 арпанов.

4 марта 1793 г. Шарль Делакруа представил от имени Комитета по делам отчуждений проект декрета о порядке продажи земель эмигрантов. Проект был составлен в духе предложений Ролана и предусматривал дробление этих земель на участки, без указания, однако, их размеров, и продажу этих участков с торгов с рассрочкой платежа на 10 лет. Конвент постановил отпечатать этот доклад, но прения по нему не состоялись.

Несколько позже Комитет земледелия внес в Конвент проект декрета о разделе общинных земель. Обсуждение этого проекта было начато, но не завершено.

Пока жирондисты оставались у власти, ни один серьезный шаг в направлении удовлетворения требований крестьян не был сделан. Но и монтаньяры осознали необходимость пойти на дальнейшие уступки крестьянам лишь после того, как республике пришлось пережить новые и весьма опасные потрясения.

Казнь Людовика XVI

После того как Конвент провозгласил Францию республикой, естественно, встал вопрос о том, что делать с бывшим королем? Вся передовая часть народа требовала, чтобы Людовик Капет (как его теперь стали называть) был предан суду и наказан соразмерно тяжести своих преступлений. Вместе с тем весьма многим людям из народа, особенно среди крестьян, перспектива казни «помазанника божьего» представлялась просто ужасной. В Конвенте вопрос о судьбе Людовика XVI вызвал глубокий раскол. В его виновности не сомневался никто. Однако значительная часть жирондистов и «равнинцы» не хотела ни суда над бывшим королем, ни его казни. Эти депутаты ссылались на то, что конституция 1791 г. гарантировала неприкословенность особы короля и возлагала ответственность за все политические акты лишь на министров. Соответственно этому они считали, что единственным и вполне достаточным наказанием для Людовика XVI за все его проступки является его низложение. Стремление части Жиронды и «равнинцы» спасти жизнь бывшему королю отражало тенденцию умеренных слоев буржуазии к примирению с дворянско-монархической реакцией, представлявшую явную угрозу прочности республиканского строя. Вот почему за казнь Людовика XVI особенно энергично выступали монтаньяры, добивавшиеся полной, бескомпромиссной победы над роялистами. Суда над Людовиком XVI и его наказания требовала также часть жирондистов и «равнинцы».

Инициатива постановки вопроса о суде над бывшим королем принадлежала Повстанческой коммуне Парижа. Еще 1 октября 1792 г. депутатия Коммуны представила Конвенту документы, изобличавшие связи короля с эмигрантами и его другие интриги против революции. На другой день, 2 октября, Конвент

создал Комиссию 24-х для рассмотрения этих документов и решения вопроса о степени виновности короля. Однако работа этой комиссии затянулась, что вызвало недовольство демократической общественности. 19 октября в Конвент явилась новая депутация Парижской коммуны, которая потребовала не откладывать более процесс над бывшим королем. Аналогичные требования поступали и из департаментов. 6 ноября жирондист Валазе представил Конвенту доклад от имени Комиссии 24-х о преступлениях Людовика XVI. Комиссия сочла доказанными обвинения, которые предъявлялись Людовику XVI, в том числе и самое страшное из этих обвинений, что он весной 1792 г. подстрекал Австрию и Пруссии к скорейшему нападению на Францию и выдал им военные тайны. На другой день, 7 ноября, Мэль (из «болота») представил доклад от имени Законодательного комитета с заключением, что судить Людовика XVI должен сам Конвент. Прения по этим докладам носили крайне бурный характер и затянулись на много дней. Сторонники неприкословенности особы короля прилагали отчаянные усилия к тому, чтобы доказать его неподсудность Конвенту. 13 ноября слова попросил молодой и еще почти никому не известный Сен-Жюст, который заявил, что речь идет не о том, чтобы судить Людовика XVI, а о том, чтобы его уничтожить, как был уничтожен Цезарь в Риме. «Те, кто придает какое-то значение справедливому наказанию короля, никогда не создадут Республику,— говорил он.— Среднего пути нет: этот человек должен царствовать или умереть... Нельзя царствовать и быть невиновным... Всякий король является разбойником и узурпатором».

Эта речь привела в ужас всю правую сторону Конвента, но сразу же принесла Сен-Жюсту большую популярность.

Тем временем стали известны такие документы, которые сделали невозможным оттягивать и дальше начало суда над бывшим королем. Слесарь Гамен, обучавший когда-то Людовика XVI своему ремеслу, сообщил министру внутренних дел Ролану о том, что с его, Гамена, помощью король устроил в стенах своей спальни в Тюильри потайной железный шкаф, в котором он хранил особо секретные документы. 20 ноября Ролан один, без свидетелей, вскрыл этот шкаф, нашел там массу документов и, просмотрев их и поставив на каждом из них свою визу, представил их Конвенту. Эти документы произвели форменную сенсацию. Здесь оказалась переписка короля с Мирабо, Лафайетом, Талейраном, начальником тайной полиции Талоном и многими другими лицами, раскрывшая картину подкупа и измены, свивших себе гнездо еще в Учредительном собрании и разраставшихся в дальнейшем. В частности, стало известно, что Мирабо еще в 1790 г. был подкуплен двором. Негодование охватило страну. Якобинцы разбили бюст Мирабо, украшавший залу их заседаний. Этому примеру последовали и якобинцы

в департаментах. Бюст Мирабо в Конвенте был завешен. В адрес Ролана посыпались обвинения: не скрыл ли он документов, изобличавших его друзей-жирондистов?

Нажим на Конвент со стороны клубов, народных обществ, коммун и секций с требованием скорейшего начала суда над Людовиком XVI еще более усилился. Вечером 2 декабря в Конвент явилась депутация только что собравшейся новой Коммуны Парижа и прямо пригрозила еще одним восстанием, если суд над «тираном» и дальше будет откладываться. «О, граждане! Неужели оцепенение сковало ваше рвение, усыпило рассудок? — заявил оратор депутатации.— Или преступления Людовика-клятвопреступника еще недостаточно очевидны... Медлить теперь — значит добровольно увеличивать продолжительность наших бедствий. Народ, при всей своей терпеливости, может пресытиться ожиданием; дерзайте же закончить историю самого возмутительного заговора».

На заседании Конвента 3 декабря Робеспьер повторил предложение Сен-Жюста: не судить нужно короля, а просто казнить его. «Не может быть и речи ни о каком судебном процессе,— сказал он.— Людовик вовсе не обвиняемый, а вы не судьи: вы государственные люди, представители нации, и только таковыми и можете быть. Вам не приговор нужно вынести за или против этого человека, а принять меру общественного спасения, выполнить акт национальной предусмотрительности... Людовик должен умереть, чтобы жила республика».

Однако та точка зрения, что короля надо просто казнить, не устраивая ему суда, не нашла поддержки в Конвенте, в том числе и со стороны большинства монтаньяров. Сторонники неприкословенности особы короля также оказались в меньшинстве. На заседании 3 декабря, по предложению Петиона, было декретировано: «Национальный конвент будет судить Людовика Капета».

6 декабря Конвент образовал специальную комиссию, на которую была возложена обязанность подготовить обвинительный акт против короля. Собственно процесс короля начался на заседании 11 декабря, на которое был доставлен и он сам. Сначала был оглашен обвинительный акт, составленный Робером Ленде. Затем состоялся допрос Людовика, который отверг все предъявленные ему обвинения и все сваливал на своих министров. Лживость Людовика, отрицание им самых очевидных фактов, вплоть до его собственноручных подписей на документах, произвели крайне неблагоприятное впечатление даже на тех, кто ему сочувствовал.

Зашитниками Людовика были назначены известный юрист Тронше и бывший министр при Тюрго Мальзерб, которые выбрали себе в помощники молодого адвоката де Сез. 26 декабря Людовик вновь предстал перед Конвентом. Де Сез произнес защитительную речь, в которой отстаивал тезис о неприкосно-

венности особы короля и расписывал его мнимые «добродетели». Защита была явно слабой и становилось ясно, что король будет осужден. Видя это, Верньо предложил 31 декабря, чтобы приговор, который Конвент вынесет Людовику, был передан на утверждение народа в лице его первичных собраний. Это предложение, которое поддержали Бриссо и некоторые другие лидеры Жиронды, было рассчитано на то, что политически отсталые слои населения, особенно крестьяне, не проголосуют за смертную казнь для короля. И действительно, вероятность этого была весьма велика. Вот почему монтаньяры решительно выступили против «апелляции к народу» (*appel au peuple*). «Народ,— писал Робеспьер в начале января 1793 г. (в очередном номере «Писем к своим доверителям»),— уже дважды высказал свое мнение о Людовике: первый раз, когда он взял в руки оружие, чтобы сбросить короля с трона, прогнать его... Второй раз, когда он возложил на вас священную обязанность осудить его самым решительным образом во имя спасения отечества и в назидание всему миру».

В Париже процесс короля вызвал огромное возбуждение. На митингах в Пале-Рояле и в других общественных местах народ кричал: «На гильотину Капета!» Секции и народные общества принимали резолюции с требованием скорейшего осуждения «короля-убийцы». А в подвалах и на чердаках приверженцы трона и алтаря устраивали ночные сходки, пели гимны, жгли свечи и курили фимиам в честь короля, королевы и дофина. Священники распространяли среди своих прихожан молитвенник «во имя спасения благочестивого короля Людовика XVI».

Опасаясь манифестаций в церквях в честь короля, Коммуна постановила 22 декабря закрыть церкви в ночь под Рождество. Все же рождественские месссы состоялись. В церквях Сен-Жак де ля Бушери, де л'Опиталь, Сент-Эсташ, Сен-Мери и Сен-Жерье муниципальные чиновники, явившиеся, чтобы воспрепятствовать мессе, подверглись нападению со стороны женщин и вынуждены были удалиться. Из рядов верующих неслись проклятия в адрес «бездожников».

Вечером 30 декабря в освещенный факелами зал заседаний Конвента явилась многолюдная депутация парижских секций, сопровождаемая гражданами, которые были ранены 10 августа, а также вдовами и детьми патриотов, которые были убиты в этот день. Многие из них размахивали простреленной пулями одеждой и лохмотьями окровавленных рубах. Депутация потребовала отмщения «королю-убийце». «Людовик был изменником, клятвопреступником, убийцей, а вы без конца дискутируете подлежит ли он наказанию за свои злодеяния,— заявил оратор депутатии.— Все человеческие законы требуют смерти убийц. Людовик, бесчестный Людовик, убил множество французов, а вы совещаетесь! Он убивал граждан, которых должен был защищать; следовательно, он должен умереть».

14 января Конвент постановил прекратить прения по делу бывшего короля и приступить к вынесению приговора. Депутатам были предложены три вопроса, на которые они должны были дать ответ поименным и открытым голосованием: «Виновен ли Людовик Капет в заговоре против общественной свободы и в покушении на безопасность нации? Нужна ли апелляция к народу по поводу вынесенного Людовику приговора? Какого наказания заслуживает Людовик?»

Голосование по первым двум вопросам состоялось 15 января.

В списках членов Конвента на этот день числились 748 человек (один депутат только что умер и еще не был замещен). Из них 20 человек находились в командировке, а 8 отсутствовали по болезни.

Виновность короля была признана единогласно, за исключением 5 воздержавшихся (683 депутата заявили, что король виновен; 32 депутата также заявили о его виновности, но признали себя неправомочными судить его).

Апелляция к народу была отвергнута 424 голосами против 287, остальные из присутствовавших депутатов воздержались или заявили о своей неправомочности.

Вечером 16 января началось голосование по третьему вопросу: какого наказания заслуживает Людовик? Оно длилось более суток и закончилось лишь вечером 17 января. Каждый депутат поднимался на трибуну. Многие из них мотивировали свой вотум. За смертную казнь проголосовали 387 депутатов (в том числе 26 при условии рассмотрения вопроса об отсрочке казни до принятия новой конституции); за оковы, тюремное заключение или условную смертную казнь подали свой голос 334 депутата.

За смертную казнь голосовали почти вся Гора, часть Жиронды (в том числе Инар, Ребекки, Барбару, Дюко, Буайе-Фонфред, Карра, а при условии отсрочки казни — Бриссо, Верньо, Птион, Бюзо, Гаде, Луве, Валазе), значительная часть «болота».

19 января большинством в 380 голосов против 310 была отклонена отсрочка смертной казни (остальные из находившихся в Париже депутатов либо воздержались, либо отсутствовали).

Вечером 20 января один парижский гвардеец, роялист, убил депутата Лепелетье де Сен-Фаржо за то, что он голосовал за казнь короля. Этим убийством монархическая реакция как бы предупреждала «цареубийц» (как роялисты стали называть депутатов, голосовавших за смертную казнь Людовика XVI), что отныне над всеми ими занесен «карающий меч». Достойный ответ на эту угрозу дал депутат от департамента Сона и Луара, человек умеренных взглядов Моро в письме к своим избирателям: «Наша совесть чиста. Мы руководствовались только интересами народа, и мы ничего не боимся».

Смертный приговор, вынесенный Конвентом Людовику XVI, свидетельствовал о том, что «равнина» переходила на сторону Горы.

20 января Конвент принял декрет о предании суду участников сентябрьских «избиений» арестантов в парижских тюрьмах, но выполнять этот декрет стал лишь после переворота 9 термидора.

21 января 1793 г., в одиннадцатом часу утра, Людовик XVI был обезглавлен на гильотине, установленной на площади Революции. Отрубленная голова короля была показана народу, окружившему плотной стеной место казни. В ответ раздались возгласы: «Да здравствует республика!» В Париже царило полное спокойствие.

После казни своего супруга Мария-Антуанетта стала обращаться к своему восьмилетнему сыну Луи-Шарлю со словами «Ваше величество» и воздавать ему все почести, присвоенные королям. Братья Людовика XVI признали мальчика новым королем Франции под именем Людовика XVII, а граф Прованский принял титул регента. Составлялись заговоры с целью освобождения Марии-Антуанетты и ее сына из тюрьмы. В июле 1793 г. мальчика отняли у матери и отдали сапожнику Симону «для обучения ремеслу». Не привыкший к тяготам жизни людей из народа бывший дофин умер в 1795 г. Марию-Антуанетту предали в октябре 1793 г. суду Революционного трибунала и гильотинировали. Некоторое время спустя была казнена и сестра Людовика XVI принцесса Елизавета.

Столь суровая расправа с бывшим королем и его семьей была закономерным результатом всей многовековой истории французской монархии, полной преступлений против народа. Она явилась также вполне заслуженным возмездием для самой этой королевской четы, которая упорно противилась новому порядку вещей и в конце концов встала на путь национальной измены.

Казнь Людовика XVI, естественно, взвудоражила страну, в которой веками существовал чуть ли не религиозный культ королевской власти. Дворяне-роялисты, неприсяжные священники, консервативно настроенные буржуа, а также политически отсталые люди из народа слали проклятия «цареубийцам» и провозглашали здравицы в честь Людовика XVII. Но подавляющее большинство народа одобрило казнь бывшего короля. В Конвент поступали многочисленные адреса от департаментов, армий, коммун большим городов, клубов и т. п., которые все выражали свое удовлетворение по этому поводу и клялись защищать республику.

Робеспьер приветствовал казнь короля как акт, знаменовавший полный и окончательный разрыв с прошлым. «Этот великий акт справедливости привел в отчаяние аристократию, уничтожил веру в божественную природу монархии и основал рес-

публику», — писал он в очередном номере «Писем к своим доверителям».

Среди жирондистов, строивших свои планы на компромиссе с аристократией, царilo смятение. 23 января ушел в отставку с поста министра внутренних дел Ролан, выразив тем самым свое неодобрение казни короля.

Но наиболее сильно казнь Людовика XVI сказалась на отношениях Франции с монархической Европой. Гильотинировав Людовика, Конвент как бы бросил вызов всему институту монархии как таковому. «Вам угрожают короли, вы объявили им войну, вы бросили им перчатку, и этой перчаткой была голова тирана», — воскликнул 31 января в Конвенте Дантон.

Именно казнь Людовика XVI была использована европейскими кабинетами как повод для формирования всеобщей коалиции против Франции. Получив известие об этой казни, лондонский двор объявил траур. Французский поверенный в делах Шовелен был выслан из страны, а премьер-министр Питт заявил в палате общин о необходимости отомстить «за самое гнусное и самое жестокое злодеяние, которое только занесено на страницы истории». В Голландии французские представители подверглись оскорблений. В ответ на это Конвент по докладу Бриссо объявил 1 февраля 1793 г. войну и Англии, и Голландии. 8 февраля последовал указ Екатерины II о разрыве дипломатических отношений с Францией, а 11 февраля Англия официально объявила «состояние войны с Францией». Премьер-министр Испании Годой отказался принять французского поверенного Бургуена, который 22 февраля покинул Мадрид. 7 марта Конвент без голосования объявил Испании войну. «Еще один враг Франции только умножит лавры свободы», — воскликнул Барер. Отношения с папой были разорваны еще после того, как 13 января в Риме был убит секретарь французского посольства Басвиль во время замены королевского герба на здании посольства гербом республики. Затем отношения были разорваны с Неаполем, Тосканой и Венецией. 22 марта германский рейхstag объявил войну Франции от имени всей Германской империи.

Только Дания и Швейцария (а также США) сохранили еще дипломатические отношения с Францией. Вся остальная Европа в той или иной форме ополчилась против Французской Республики, которой предстояло либо победить всех своих врагов, либо погибнуть. «Мосты за нами сожжены, волей-неволей мы должны идти вперед, и как раз теперь мы вправе сказать: жить свободными или умереть», — писал 20 января 1793 г. депутат от департамента Па-де-Кале, ревностный монтаньяр Леба.

* * *

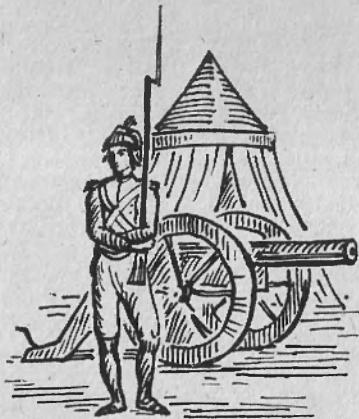
Казнь Людовика XVI 21 января 1793 г. как бы завершила процесс основания республики, начатый восстанием 10 августа 1792 г.

С абсолютистской монархией во Франции и ее остатками было покончено. Французская республика стала фактом. Теперь ей предстояло отстоять свое существование в борьбе с коалицией европейских монархов, которая именно после казни короля вступила в решающую фазу.

Предстояло дать ответ и на другой не менее важный вопрос: какой она будет — эта республика? Будет ли она республикой для богатых, за которую стояли жирондисты, или республикой, основанной на принципах равенства и всеобщего блага, которую обещал Робеспьер?

Да и знал ли Робеспьер путь к такой республике? Или, быть может, этот путь знали парижские санкюлоты?

Решение этих вопросов и составило главное содержание всего последующего развития Французской революции.

Библиография

Источники.

Actes de la Commune de Paris pendant la Revolution (1789—1792)/
Publ. par S. Lacroix, t. 1—15. Paris, 1894—1914; Archives parlementaires
de 1787 a 1860. Ser. 1 (1787—1799), t.1—86. Paris, 1867—1965; Buchez Ph.
et Roux P. Histoire parlementaire de la Revolution française, t. 1—40. Paris,
1834—1838; Reimpression de l'ancien Moniteur, t. 1—21. Paris, 1850—
1854; La Societe des Jacobins /Red, et intr. par A. Aulard, t. 1—6. Paris,
1889—1897; La Revolution française vue par ses journaux/ Ed. par G.
Walter. Paris, 1948; La Pére Duchesne d'Hebert/ Ed. et intr. par F. Braesch,
t. 1. Paris, 1938. Дантон Ж. Ж. Избр. речи. Госиздат Украины, 1924;
Марат Ж. П. Избр. произв., т. 1—3. М., 1956; Робеспьер М. Избр. про-
изв., т. 1—3. М., 1965; Конституции и законодательные акты буржуаз-
ных государств XVII—XIX вв. Сб. док. М., 1957.

Общие труды.

Французская буржуазная революция 1789—1794/Под ред.
В. П. Волгина и Е. В. Тарле. М.—Л., 1941; Кропоткин П. А. Великая
французская революция 1789—1793. М., 1979; Taine H. Les origines de la
France contemporaine, t. 1—6. Paris, 1877—1893/Русск. пер. Тэн И. История
Французской революции, т. 1—6. Харьков, 1906—1913; Jaurès J. Histoire
socialiste de la Révolution française/Ed. par A. Soboul, t. 1—7. Paris, 1968—
1973/Русск. пер. Жорес Ж. Социалистическая история Французской рево-
люции, т. 1—3. М., 1976—1979; Aulard A. Histoire politique de la Révolution
française. Origines et développement de la démocratie, et de la république
(1789—1804). Paris, 1901/Русск. пер. Олар А. Политическая история Фран-
цузской революции. М., 1938; Mathiez A. La Revolution française, t. 1—3.
Paris, 1922—1927/Русск. пер. Матье А. Французская революция, т. 1—3.
М.—Л., 1925—1930; Le Febvre G. La Revolution française. Paris, 1951;
Markov W., Soboul A. 1789. Die Grosse Revolution der Franzosen. Ber-
lin, 1975.

Специальные исследования.

Адо А. В. Крестьянское движение во Франции во время Великой бур-
жуазной революции конца XVIII в. М., 1971; Алексеев-Попов В. С.
«Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790—
1791).—В кн.: Из истории социально-политических идей. М., 1955;
Беркова К. Н. Процесс Людовика XVI. 2-е изд. М., 1923; Вол-
гин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М.,
1958; Джеджула К. Е. Великая французская буржуазная революция
и Европа 1789—1799. Киев, 1965; Домнич М. Я. Великая французская бур-
жуазная революция и католическая церковь. М., 1960; Захар Я. М. Дви-
жение «бешеных». М., 1961; Иоаннисиа А. Р. Коммунистические идеи
в годы Великой французской революции. М., 1966; Каравеев Н. И. Крестья-
не и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М.,

1879; Ковалевский М. М. Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции. СПб., 1912; Лучицкий И. В. Состояние земледельческих классов во Франции и аграрная реформа 1789—1793 гг. Киев, 1912; Ону А. М. Выборы 1789 г. во Франции и наказы третьего сословия. СПб., 1908; Поршнев Б. Ф. Жан Мелье. М., 1964; Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции, т. 1—2. М., 1971; Ревуненков В. Г. 1) Парижские санкюлоты эпохи Великой французской революции. Л., 1971; 2) Парижская коммуна 1792—1794. Л., 1976; 3) О хронологических рамках Великой французской революции.—Вестн. Ленингр. ун-та, 1979, № 14; Савин А. Н. Век Людовика XIV. М., 1930; Саньяк Ф. Гражданское законодательство Французской революции 1789—1804. М., 1928; Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции, ч. 1—2. Соч., т. 2. М., 1957; Токвиль А. Старый порядок и революция. Пг., 1918; Шэрэ Э. Падение старого режима, т. 1—2. СПб., 1907; Штранге М. М. Русское общество и французская революция 1789—1794. М., 1956; Фор Э. Опала Тюрг... М., 1979.

Bernardin E. Jean-Marie Roland et le ministère de l'Intérieur 1792—1793. Paris, 1964; Braesch F. La Commune du 10 aout 1792. Paris, 1911; Brinton C. The Jacobins. New York, 1930; Caron P. Les massacres de septembre. Paris, 1935; Egret J. La Pre-revolution française 1787—1788. Paris, 1962; Godéchot J. 14 juillet 1789. La prise de la Bastille. Paris, 1965; Histoire économique et sociale de la France/Ed. par F. Braudel et E. Labrousse, t. 2. 1660—1789. Paris, 1970; Jaffé G. Le mouvement ouvrier à Paris pendant la Révolution française 1789—1791. Paris, 1924; Kessel P. La nuit du 4 aout 1789. Paris, 1969; Latreille A. L'Eglise catholique et la Révolution française, t. 1—2. Paris, 1946—1950; Lefebvre G. La Grand Peur de 1789, 2 éd. Paris, 1956; Mandrou R. La France aux XVII et XVIII siècles. Paris, 1967; Mathiez A. Le Club des Cordeliers pendant la crise de Varennes et le massacre du champ de Mars. Paris, 1910; Michon G. Essai sur l'histoire du parti feuillant. Adrien Duport. Correspondance inédite de Barnave en 1792. Paris, 1924; Mousnier R., Labrousse E., Bouloiseaux M. Le XVIII siècle. Paris, 1953; Reinhard M. 10 aout 1792. La chute de la royauté. Paris, 1969; Rouviere Fr. L'Aliénation des biens nationaux dans le Gard. Nîmes, 1900; Rudé G. The crowd in the French Revolution. Oxford, 1960; Soboul A. 1) La France à la veille de la Révolution. Paris, 1966; 2) La civilisation et la Révolution française, t. 1. La crise de l'ancien régime. Paris, 1970; Sydenham J. The Girondins. London, 1961; Walter G. Robespierre. Paris, 1961.

Список рисунков, помещенных в начале и в конце глав

К главе I

1. Пробуждение третьего сословия. Лубок.

2. Карикатура на Марию-Антуанетту («Австрийская пантера»).

К главе II

3. Взятие Бастилии. Гравюра Гельмана по рисунку Монне.

К главе III

4. Король — двуликий Янус. Карикатура.

К главе IV

5. К оружию, граждане! Плакат.

6. Танцуем Карманьюлу.

К главе V

7. Казнь Людовика XVI. Рисунок на тарелке.

8. Солдат французской армии. Фрагмент рамки портрета Л. Гоша, гравированного Дюплесси — Берто.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В В Е Д Е Н И Е	3
Глава I. ФРАНЦИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ	
Крестьяне и дворяне (7). Буржуазия и санкюлоты (15). Монархия и привилегированные (21). Просветители (30). Реформы Тюрга и Неккера (46).	
Глава II. НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ	
Назревание революционного кризиса (53). Взятие Бастилии и «муниципальная революция» (64). «Аграрная революция» и ночь 4 августа (74). Декларация прав человека и гражданина (79). Поход на Версаль 5—6 октября (82). Праздник Федерации. Отклики на французскую революцию за рубежом (89).	
Глава III. ОГРАНИЧЕНИЕ АБСОЛЮТИЗМА	
Подъем общественно-политической жизни (94). Законодательство Учредительного собрания (106). Вареннский кризис (123).	
Глава IV. ВОЙНА И СВЕРЖЕНИЕ МОНАРХИИ	
Начало деятельности Законодательного собрания (140). Борьба партий по вопросу о войне (146). Новый подъем народного движения (152). Образование жирондистского министерства. Объявление войны (162). Падение жирондистского министерства. Демонстрация 20 июня (169). «Отечество в опасности» (173). Восстание 10 августа (180).	
Глава V. ОСНОВАНИЕ РЕСПУБЛИКИ	
Коммуна 10 августа (195). «Первый террор» (202).—Созыв Конвента и провозглашение республики (209).—Победа при Вальми. «Мир — хижинам, война — дворцам» (218). Жиронда и социальные проблемы (224).—Казнь Людовика XVI (230).	
Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я	238
Список рисунков, помещенных в начале и в конце глав	239

1р.10 к.

